

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ
І
ВЛАСТЬ

№ 5 2020

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 11.11.2020 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 9,45. Тираж 500 экз.

Заказ № 323/384.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Young E. Rhee**

Being and Relation
in the Posthuman Age..... 7

Янг Э. Ри (Young E. Rhee)

Бытие и отношения
в постчеловеческую эпоху..... 13

Погорельская Елена Юрьевна

Природа человека
в эпоху технической революции.....20

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
В. Г. Ледаев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Понеделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ****Гордеев Сергей Сергеевич**

Ограничения и трансформации
в социальном пространстве
коронакризиса: оценки регионов
при пандемии COVID-19 32

**Анимица Евгений Георгиевич,
Рахмеева Ирина Игоревна**

Эконометрический факторный анализ
развития регионов
Уральского макрорегиона
в эпоху четвертой промышленной
революции 51

**Мельникова Татьяна Борисовна,
Шевчук Игорь Андреевич**

Туризм в регионе:
новые возможности развития 65

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:
09.00.01 — Онтология и теория познания.
09.00.03 — История философии.
09.00.04 — Эстетика.
09.00.05 — Этика.
09.00.07 — Логика.
09.00.08 — Философия науки и техники.
09.00.11 — Социальная философия.
09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 105.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

КУЛЬТУРА**Новикова Оксана Николаевна**

Игроизация бытия человека
в контексте цифровой культуры.....78

Ильющенко Надежда Сергеевна

Философия для детей:
эффективный инструмент развития
самостоятельности мышления86

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА «ВЕЧНЫЕ» ВОПРОСЫ****Чупров Александр Степанович**

Культура и цивилизация:
тождество противоположностей95

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 11.11.2020.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 9,45. Issues — 500.
 Order № 323/384.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Young E. Rhee
 Being and Relation
 in the Posthuman Age..... 7

Young E. Rhee
 Being and Relation
 in the Posthuman Age..... 13

Elena Yu. Pogorelskaya
 Human nature in the era
 of the technical revolution20

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)
A.S. Chuprova — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Petersburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Sergey S. Gordeev

Limitations and transformations
in the social space of coronacrisis:
assessments of regions
during the COVID-19 pandemic32

**Evgeny G. Animitsa,
Irina I. Rakhmeeva**

Econometric factor analysis
of regional development
of the Ural macro region
in the era of the fourth industrial revolution51

**Tatyana B. Melnikova,
Igor A. Shevchuk**

Tourism in a region:
new development opportunities65

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included **in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 105.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

CULTURE

Oksana N. Novikova

Gamification of human being in the context of digital culture.....78

Nadezhda S. Ilyushenko

Philosophy for children: an effective tool for developing independent thinking.....86

**A NEW VIEW
ON «ETERNAL» ISSUES**

Alexander S. Chuprov

Culture and civilization: the identity of opposites.....95

Для цитирования: Young E. Rhee. Being and Relation in the Posthuman Age // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 7—12. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-07-12.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-07-12

BEING AND RELATION IN THE POSTHUMAN AGE

Young E. Rhee,

PhD in philosophy, visiting professor,
Department of philosophy, Korea University,
president of Korea Association
of Philosophical Counseling and Korea Society
of Humanities Therapy.
145 Anam-ro, Seongbuk-ku, Seoul, 02841, Korea
rheeye@korea.a.ckr

Annotation

What will be the posthuman society? As usual, there are two prospects: the pessimistic view and the optimistic view. According to pessimistic view, as technologies advance emerge new beings called as transhuman with enhanced intelligence and physical power, and extremely long lifespan and they will dominate humans. On the other hand, according to optimistic view, technology will benefit humans, so humans evolve via transhuman to posthuman with smart machines. There are complex issues tangled together in the dispute between the rival views, especially such as the natural vs. artificial beings, human dignity and equality, and meaning of life. The aim of this article is to examine being and relation in posthuman age in the point of Nietzsche's philosophy. I examine transhuman as a typical being of posthuman age and resentment as its relation respectively. Nietzsche has influenced the rise of transhumanism and posthumanism, as can be seen from direct or indirect confessions from pioneers of them, though there are debates about whether the influence is real or superficial. By paying particular attention to Nietzsche's idea of Master and Slave, resentment, and Overman (Übermensch), I contend that (a) in the posthuman age new classes will emerge, which correspond to Master and Slave, (b) there will be a new resentment of Slaves toward their Masters, and (c) Overman as a creator of new value will be required in order to solve the problem by resentment.

Key concepts:
humanism,
transhumanism,
posthumanism,
resentment,
F. Nietzsche.

Transhuman

Before discussing transhuman, it would be better to define humanism in order to compare transhumanism. Humanism is based on the following basic tenets: (a) Dignity: Humans have inherent dignity that distinguishes them from other organisms and artificial beings. (b) Rationality: Humans are rational, who can think, reason, and judge according to reason. (c) Autonomy: Humans are autonomous, who can make moral judgments, conduct actions with free will, and take responsibility for their actions. As will be seen soon, transhumanism keeps the tenets, but posthumanism originates from repulsion and criticism of one or more of the tenets.

The notion of transhuman is a product of transhumanism. Transhumanism is a collection of loosely connected ideas that have progressively developed over the last two centuries and its primary goal consists in human enhancement, symbolized by 'H+'. According to Max More, who first introduced the term 'transhumanism' in a contemporary sense, "it includes a broad metaphysical perspective on the development, direction, goal and value of life and consciousness. It goes beyond humanism by peering into the future in order to better understand our possibilities. As we move forward through time our understanding of our immense potentials will evolve; there can be no final, ultimate, correct philosophy of life" [8, p. 10] Based on the More's definition, The Transhumanist FAQ (2003) defines as follows: "(a) The intellectual and cultural movement that affirms the possibility and desirability of fundamentally improving the human condition through applied reason, especially by developing and making widely available technologies to eliminate aging and to greatly enhance human intellectual, physical, and psychological capacities. (b) The study of the ramifications, promises, and potential dangers of technologies that will enable us to overcome fundamental human limitations, and the related study of the ethical matters involved in developing and using such technologies."¹

More's definition and the Transhumanist FAQ show the utopian and radical characteristic of transhumanism. Due to the characteristic, transhuman has dual nature. On one hand, it takes science and technology very seriously as a means of transforming human nature through cognitive, emotional, and physical enhancements such as health promotion, extension of lifespan, improvement of intellectual

¹ The Transhumanist FAQ (2003). URL: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq>.

ability and emotional control ability. It is anti-humanism in that it permits de-humanization such as cyborg or mind uploading. On the other hand, it still inherits humanism by accepting enlightenment based on reason and rationality. Hence, transhumanism is wandering and struggling between humanism and posthumanism [see 5; 7; 13].

Transhuman is an intermediary transition between the human and posthuman 'whose basic capacities so radically exceed those of present humans as to be no longer unambiguously human by our current standards'.¹ As such, transhumanism overcomes biological conditions given to human, *Homo sapiens*, and the boundaries of life based on it, but still respects humanistic norms and values. Here are serious problems. Why and how can transhumanism be enhanced being respect and pursue the norms and values of humans? Can all human be enhanced and be transhumans, finally evolved to posthumans? If not, the result of partial enhancement will be extreme inequality between the enhanced and the non-enhanced. How to prevent and solve the inequality? Who is responsible for it? Almost certainly, it will not be the non-enhanced. The standard response of transhumanists to the questions is that humans evolve to posthuman as ideal being and, as a result, those problems that are limited to humans, neither to transhumans nor to posthumans. But this simple answer is not sufficient, for the problems have multi-aspects — ethical, social, economic, and policy one. Because posthumans are supposed to be 'no longer unambiguously human by our current standards', we have no clear idea of 'posthuman society'. In contrast, we have a relatively specific understanding of transhuman, which is a way to reach the goal, posthuman.² For the reason, my subsequent discussions will focus mainly on transhuman.

Dignity and Personhood

Let's now examine whether the notion of dignity based on humanism can be embraced by transhumanism. Can transhumans be qualified as owners of dignity? The question is important, because maintenance or deterioration of dignity is the most fundamental problem for humans. Is it so in the case of the new being? First of all, according to humanism defined above, dignity has the following characteristics. (a) **Uniqueness:** Dignity is owned solely

¹ The Transhumanist FAQ (2003)...

² Though my usage risks simplification, it will be a good strategy when we consider that transhumanism is technology-based and posthumanism is ideology-based.

by humans. (b) **Intrinsic property:** Dignity is an intrinsic property given to humans. (c) **Equality:** Dignity is equally given to all humans.

The above notion of dignity has been criticized as anthropocentrism since, from the beginning, it blocks the possibility that non-human being can be an owner of dignity. Posthumanists, in particular, argue that uniqueness and equality should be open to non-human beings even though we acknowledge the intrinsic property. If we accept the posthuman view, the posthuman dignity will be reformed as follows: Universality, intrinsic property, and equality are owned by beings like transhuman or posthuman who have normal capacities of humans and/or extra capacities that surpass normal humans.

If transhumans satisfy the reformed notion of dignity, such beings can be thought of as dignified beings. The content of the normal and extra capacities can be defined in various ways. Above all, it is self-consciousness. If so, beings with self-consciousness can be recognized as dignified beings. Transhumans and posthumans who are supposed to be conscious of themselves, should be recognized as dignified beings. There are two expected criticisms: (a) It is meaningless to give the status of dignity to posthumans who are supposed to be totally different from humans. (b) The reformation leads to the notion devoid of any special meaning. If the notion of dignity can be applied not only to humans but also to animals such as dogs and dolphins, new Beings such as robots with artificial superintelligence, transhumans, and posthumans, then connotation of dignity will be empty. Therefore, there is no reason to apply the reformed notion already sufficiently contaminated by humanism to new humans.

To respond appropriately to the criticisms, it is necessary to justify the new notion of dignity. In doing this, we can use Singer's utilitarian theory of ethics. Singer argues persuasively that we should not distinguish humans from non-human animals and humans and animals should be treated on the same basis. He first distinguishes between human and person in order to discard the human-centered notion of dignity. The character of a person is rationality and self-consciousness [14, p. 87]. A person is rational and self-conscious. The marks of personhood for determining whether an animal is rational and self-conscious is as follows [14, p. 78—84]. (a) A rational and self-conscious being is aware of itself as an extended body existing over an extended period of time. (b) It is a desiring and plan-making being. (c) It contains as a necessary condition for the right to life that it desires to continue living. (d) It is an autonomous being.

According to Singer's criteria, a being with those marks can be regarded as a person, so deserves moral consideration. Singer's point is that the notion of dignity should be applied to person, not only to human. Now, chimpanzee and dolphin have personhood, so they are moral agents. However, neither fish devoid of self-consciousness nor human embryo lacking sensory power has dignity. Singer applied his notion of dignity based on personhood only to living organisms and does not consider new Beings such as transhuman or posthumans. But I think we can apply it to the new Beings and if they are rational and self-conscious, then we can admit that they are moral agents, so subject to moral considerations.

Singer's theory of personhood has been criticized, mainly because it leads radical judgments like the above view that are hard to be acceptable from humanism with respect to very sensitive ethical issues such as abortion and euthanasia. In connection with the topic of transhumanism, Sorgner is a typical critic to Singer. Sorgner thinks that Singer's suggestion is too radical and it ignores accomplishments and successes associated with the notion of human dignity in past. According to Sorgner, a greatest advantage is that "it has supported the realisation of liberal democratic systems" [17, p. 143]. Now, he suggests a hierarchy of moral statuses, according to which, (a) all beings are classified as person or non-person, (b) Only humans can be bearers of dignity, (c) humans can be non-persons or persons or bearers of dignity [17, p. 150—152]. As shown, Sorgner suggests to separate the notion of dignity from that of personhood and applies the former only to humans. According to Sorgner's hierarchy of moral statuses, posthumans can neither bear dignity nor, I guess, transhumans, though he does not express the matter explicitly.

Though Sorgner may succeed in securing a room to justify human dignity and avoid some intractable problems, there occurs another serious problem: Why people pursue to be transhuman and posthuman, who are beings devoid of dignity? Considering that transhuman and posthumans are supposed to exceed humans in various capacities and only humans can bear dignity, it is hard to understand why we should attribute the notion of dignity only to humans, beings who has less important capacities than transhumans or posthumans. Unlike posthumans, transhumans are clearly humans, enhanced humans, so, it will be natural to say that transhumans too have dignity. Bostrom, as a transhumanist, argues that dignities of human and posthuman are compatible and complementary [2, p. 213]. It is not

the case that only humans bear dignity and transhuman can the bearer of dignity. Hence, the real problem is whether their dignity is the same or not as that of humans. I think transhumans can belong to the extension of the humanistic notion of dignity for two reasons: (a) Transhumans are enhanced humans, which means that they are living organisms. (b) They still respect humanistic norms and values. The traditional notion of dignity depends upon the two: life and moral agent.

A New Type of Ressentiment

Now, consider the lives of transhumans. Can transhumans live ideal lives as transhumanists contend? As discussed above, the direction of human evolution is moving from human, via transhuman, to posthuman, Transhumans are enhanced beings physically, cognitively, emotionally, and even morally. A real difference between transhumans and posthumans is that the latter is no longer classified as humans because they transcend human conditions and elements in all respects. On the other hand, the former is still humans in that they share human values despite their enhanced capacities.

We can say that a principal problem of transhuman society is a problem of social inequality. Citizens of transhuman society will be distinguished largely as the enhanced and the non-enhanced, so there will be serious inequality between them. Even if some of the inequality can be dissolved by societal policies based on good will of the enhanced, resentment of the non-enhanced toward the enhanced cannot be solved easily in that it is artificial and social inequality caused by technology and society, unlike primitive inequality given to humans by birth. Of course, this kind of artificial inequality may not occur if the benefits of developments in science and technology are distributed equally among citizens. However, as is well seen in human history, this kind of inequality is evitable and difficult to overcome and no such utopian ideal has ever been realized.

The second possibility of remedy comes when transhumans can be moral agents by moral enhancement (or moral bioenhancement) [see 1; 2; 3]. However, it is very questionable, because (a) moral enhancement is harder than other kinds of enhancements such as physical and cognitive one and (b) there will be conflicts between those enhancements. Agar argues radical human enhancement, which contains his answers to the skeptical questions. First, he suggests two hypotheses

about moral enhancement, which are in a logical accordance with the fact that it is always possible to improve the powers constitutive of practical reasoning. (a) Hypothesis 1: There is some degree of improvement of capacities constitutive of status that cognitively superior beings would recognize as creating a moral status higher than personhood. (b) Hypothesis 2: "There is no degree of improvement of these capacities that cognitively superior beings would recognize as creating a moral status higher than personhood" [1, p. 178-179]. And he recommends that we prefer the hypothesis 1 to hypothesis 2 on inductive basis. The point of his argument is that cognitive enhancement will enhance moral status. If Agar's argument is valid, then this kind of moral enhancement is less ethically problematic than other approaches such as genetic or biological one. Even if social inequality is solved, we need to keep this in mind. A real problem of the inequality still remains unsolved: Why the enhanced cares about the un-enhanced.

The various distinctions that correspond to that between the enhanced and the non-enhanced in posthuman society. Here is a typical one presented as in the following table.

The enhanced	Master
The non-enhanced	Slave

The distinction between master and slave comes from Nietzsche. In *On the Genealogy of Morality* (1887), Nietzsche explains the origin of Master morality and Slave morality. A minor but superior group and a major but inferior group are disputed, and the superior group conquered the inferior group and, as a result, the former became Masters and the latter became Slaves. The two classes have different moral system respectively. The criteria of master morality are 'good and bad' (Gut und Schlecht). The good comes from the attitude of a master that proudly affirming himself, whereas the bad is derived from the attitude of Slaves. On the other hand, the standard of Slave morality is 'good and evil' (Gut und Böse). Here, the good is revealed in the attitude of Slaves, and the evil is derived from the attitude of Master [12, § I, 11].

Slaves have deep-seated resentment, frustration, and hostility accompanied by a sense of being powerless. Nietzsche uses the notion of resentment in order to refer to feelings of Slaves toward their Masters [12, § I, 10, § I, 13-15, § III, 19, § III, 26—27]. However, Slaves succeeded in evangelizing the values system through a mental revolt to construct a world dominated by their morality and, as a result,

everything related to their weaknesses, which were judged to be 'bad' before, were classified as 'good', and everything related to 'good' is classified as 'evil'. Slave revolt is a value evangelism driven by resentment.

In posthuman age, there will be a class differentiation corresponding to the Nietzschean class of Master-Slave. Transhumans and posthumans become the new masters and humans become the new slaves. According to Nietzsche, the virtue of Master is composed of affirmation stemming from superior power, while the virtue of Slaves is negativity of resentment, which is derived from their inferior abilities. The new slaves, who are not improved or enhanced in posthuman age, will have a new type of resentment to their new masters. The slave revolt was possible in the Nietzschean society of Master-Slave, but it is very unlikely to occur in posthuman age. Slave revolt reversed the value standards and, as a result, the overall level of humans has been equalized downwardly and humans gradually began to fall. From the Nietzschean point of view, new masters do not have any moral responsibility to care about the resentment of slaves. Since humans and posthuman are totally different, they will be given different moral status and so will have different moralities respectively, like master and slave of Nietzsche. What is important here is that in posthuman age, social equality is possible only among humans or only among posthuman, not possible between humans and transhumans or between humans and posthumans.

Overman

Nietzsche never gave an explanation of what he meant by Overman (Übermensch) and took a way of alluding to it.

When Zarathustra came into the nearest town lying on the edge of the forest, he found many people gathered in the market place, for it had been promised that a tightrope walker would perform. And Zarathustra spoke thus to the people: «I teach you the overman. Human being is something that must be overcome. What have you done to overcome him? All creatures so far have created something beyond themselves; and do you want to be the ebb of this great flood and would even rather go back to the animals than overcome humans?» [12, p. 5]

Nietzsche's unwillingness to give an exact meaning of Overman has motivated various interpretations and there are people who identify posthuman with Overman of Nietzsche. This is a mistake because even if posthuman

is superman with good will, other conditions must be satisfied for superman to be Overman. According to Nietzsche, Overman is a being that is required as a creator of a new value system to re-establish the value evangelism brought about by the slave revolt. If posthuman is Overman, posthuman must have, above all, the ability to create new values required for posthuman age.

When Nietzsche declared that “God is dead” (Gott ist tot), what he really meant was that the metaphysical dichotomy that distinguished between God and humans, which had been taken for granted so far, was over. Nietzsche saw that such a dichotomy posed a tragedy that affirmed only the world of existence and denied the world of life. Overman in posthuman age is the creator of new value system for a new world of life in which God is not present. In this sense, Nietzsche’s idea of Overman is consistent with the basic nature of posthuman age.¹ When we approach Nietzsche’s philosophy centering on notions of resentment and Overman, his philosophy functions a powerful hammer that breaks ramparts surrounding humanism, which induces us to see Nietzsche as a transhumanist or a posthumanist. Aroused by an awakening of immature humans, an unfounded taboo, and the shackles of unjust repression, Nietzsche found a road to the desirable Enlightenment Age via transhumanism.

What will be the new values for posthuman age? I guess the primary candidate is openness. Posthuman age has characteristics: hyper-connectivity, artificial super-intelligence, and super-human. Every beings and things are inter-connected and traditional dichotomies between human and non-human animal, human and machine, man and woman, and physical being and virtual being will disappear. The more we approach to posthuman age, the more there will be inter-connection among humans, transhuman, and posthuman as well as smart machines, inanimate objects, and cyber-beings. For better communication between humans and new Beings each is required to have openness to others. The dramatic reduction in difference such as personality, uniqueness, heterogeneity, and unfamiliarity will result in openness. Posthuman life will be classified into two types as follows.

- (a) Comfortable but monotonous life;
- (b) Creative and dynamic life.

It is expected that in posthuman age a large number of beings will live a comfortable but

monotonous live, and a few will pursue creative and dynamic lives, and only a few actually live the creative and dynamic lives.

Concluding remarks

As shown so far, in order for creative and dynamic life to become a leading form of life in posthuman age, it is necessary for its citizens to develop new posthuman values. It is because of this situation that Overman is required. Socrates reminded us that life to be pursued is not a ‘comfortable life’ but a ‘good life’. The good life in posthuman age becomes synonymous with creative life. It takes a lot of cost and effort to pursue and achieve it. This means that the gap of the rich and the poor works still as a fundamental barrier to achieving the goal. Here, we find another qualification of Overman. Overman is required to eliminate such obstacle as well as to liberate the non-enhanced from their resentment.

Reference

1. Agar N. (2014) *Truly Human Enhancement: A Philosophical Defense of Limits*. Cambridge, MA, MIT Press [in Eng].
2. Bostrom N. (2005) *Bioethics*, no. 19 (3), pp. 202—214 [in Eng].
3. Bostrom N., Savulescu J., eds. (2009) *Human Enhancement*. Oxford, Oxford University Press [in Eng].
4. Cybulska E. (2012) *Philosophy Now*, no. 93 (November/December) [in Eng].
5. Fukuyama F. (2002) *Our Posthuman Future: Consequence of the Biotechnology Revolution*. New York, Picador [in Eng].
6. Harari Y. (2017) *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. London, Vintage [in Eng].
7. Kass L. (2002) *Life, Liberty and the Defense of Dignity*. San Francisco, CA, Encounter Books [in Eng].
8. More M. (2009) *Entropy*, no. 6, pp. 6—12 [in Eng].
9. More M. (2010) *Journal of Evolution and Technology*, no. 21 (1), pp. 1—4 [in Eng].
10. More M., Vita-More N., eds. 2013. *The Transhumanist Reader*. West Sussex, UK, Wiley-Blackwell [in Eng].
11. Nietzsche F. (2006) [1887]. *On the Genealogy of Morality*. K. C. Diethel trans. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].
12. Nietzsche F. (2006) [1883—85]. *Thus Spoke Zarathustra*. A. Caro trans. Cambridge: Cambridge University Press [in Eng].
13. Sandel M. (2009) *Justice: What’s the Right Thing to Do*. New York, Farrar, Straus and Giroux [in Eng].

¹ Y. Harari [6] suggests a way of understanding the nature of posthuman by naming posthuman as ‘Homo Deus’ who wants to be a God.

14. Singer P. (1979) *Practical Ethics*. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].

15. Sorgner S. L. (2009) *Journal of Evolution and Technology*, no. 20 (1), pp. 29—42 [in Eng].

16. Sorgner S. L. (2010) *Journal of Evolution and Technology*, no. 21 (2), pp. 1—19 [in Eng].

17. Sorgner S. L. (2013) *Trans-Humanities Journal*, no. 6 (1), pp. 135—159 [in Eng].

18. Rhee Y. (2018) “Conscious Artificial Intelligence”, in *Ontology of Artificial Intelligence*, Paju, Korea, Hanul Academy, pp. 80. [in Korean].

19. Rhee Y. (2020) “Cyborg”, in *Posthuman Comes*. Paju, Acanet, pp. 59—84. [in Korean].

Для цитирования: Янг Э. Ри (Young E. Rhee). Бытие и отношения в постчеловеческую эпоху // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 7—12. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-07-12.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-07-12

УДК 130.2+141.2+141.3

БЫТИЕ И ОТНОШЕНИЯ В ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Янг Э. Ри (Young E. Rhee),

доктор философии, приглашенный профессор кафедры философии Корейского университета, президент Корейской ассоциации философского консультирования и Корейского общества гуманитарной терапии. 145 Anam-ro, Seongbuk-ku, Seoul 02841, Korea E-mail: rheeey@korea.a.ckr

Аннотация

Каким будет постчеловеческое общество? Есть две перспективы: пессимистическая и оптимистическая. Согласно пессимистическому взгляду, по мере развития технологий появятся новые существа, которые можно назвать сверхчеловеческими, с повышенным интеллектом и физической мощностью, чрезвычайно долгой продолжительностью жизни, и они будут доминировать над людьми. С другой стороны, согласно оптимистическому взгляду, технологии принесут пользу людям, поэтому люди эволюционируют от трансчеловека к постчеловеку с помощью умных машин.

В спор между этими конкурирующими взглядами вплетены сложные вопросы, особенно такие, как соотношение естественного и искусственного, человеческое достоинство и равенство, проблема смысла жизни. Цель данной статьи — исследовать бытие и отношения в постчеловеческую эпоху с точки зрения философии Ф. Ницше. Автор рассматривает трансчеловека как типичное существо постчеловеческой эпохи и рессентимент как его основное отношение к миру. На появление трансгуманизма и постгуманизма, как видно из прямых или косвенных признаний их представителей, оказала влияние философия Ф. Ницше, хотя ведутся споры о том, является ли это влияние глубоким или поверхностным. Обращая особое внимание на идею Ницше о Господине и Рабе, идею рессентимента и Сверхчеловека (Übermensch), автор утверждает, что (а) в постчеловеческую эпоху появятся новые общественные классы Господ и Рабов, (б) появится новый рессентимент Рабов по отношению к своим Господам, и (в) потребуются Сверхчеловек как создатель новых ценностей для решения проблем рессентимента.

Ключевые понятия:

гуманизм,
трансгуманизм,
постгуманизм,
рессентимент,
Ф. Ницше.

Для цитирования: Янг Э. Ри (Young E. Rhee). Бытие и отношения в постчеловеческую эпоху // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 13—19. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-13-19.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-13-19

УДК 130.2 + 141.2 + 141.3

БЫТИЕ И ОТНОШЕНИЯ В ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЭПОХУ¹

Янг Э. Ри (Young E. Rhee),

доктор философии, приглашенный профессор кафедры философии Корейского университета, президент Корейской ассоциации философского консультирования и Корейского общества гуманитарной терапии. 145 Anam-ro, Seongbuk-ku, Сеул 02841, Корея
E-mail: rheeye@korea.a.ckr

Аннотация

Каким будет постчеловеческое общество? Есть две перспективы: пессимистическая и оптимистическая. Согласно пессимистическому взгляду, по мере развития технологий появятся новые существа, которые можно назвать сверхчеловеческими, с повышенным интеллектом и физической мощью, чрезвычайно долгой продолжительностью жизни, и они будут доминировать над людьми. С другой стороны, согласно оптимистическому взгляду, технологии принесут пользу людям, поэтому люди эволюционируют от трансчеловека к постчеловеку с помощью умных машин. В спор между этими конкурирующими взглядами вpletены сложные вопросы, особенно такие, как соотношение естественного и искусственного, человеческое достоинство и равенство, проблема смысла жизни. Цель данной статьи — исследовать бытие и отношения в постчеловеческую эпоху с точки зрения философии Ф. Ницше. Автор рассматривает трансчеловека как типичное существо постчеловеческой эпохи и рессентимент как его основное отношение к миру. На появление трансгуманизма и постгуманизма, как видно из прямых или косвенных признаний их представителей, оказала влияние философия Ф. Ницше, хотя ведутся споры о том, является ли это влияние глубоким или поверхностным. Обращая особое внимание на идею Ницше о Господине и Рабе, идею рессентимента и Сверхчеловека (Übermensch), автор утверждает, что (а) в постчеловеческую эпоху появятся новые общественные классы Господ и Рабов, (б) появится новый рессентимент Рабов по отношению к своим Господам, и (в) потребуются Сверхчеловек как создатель новых ценностей для решения проблем рессентимента.

Ключевые понятия:
гуманизм,
трансгуманизм,
постгуманизм,
рессентимент,
Ф. Ницше.

¹ Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым.

Трансчеловек

Прежде чем переходить к обсуждению трансгуманизма, уместно определить с понятием гуманизма вообще, чтобы была возможность сравнивать. Гуманизм основывается на следующих основных постулатах: а) достоинство: человек обладает присущим ему достоинством, которое отличает его от других организмов и искусственных существ; б) рациональность: люди рациональны, способны мыслить, рассуждать и принимать решения, руководствуясь разумом; в) автономия: люди автономны, могут выносить моральные суждения, совершать действия по собственной воле и нести ответственность за свои поступки. Как мы увидим впоследствии, трансгуманизм сохраняет верность этим постулатам, но постгуманизм появляется из отрицания и критики одного или нескольких из этих постулатов.

Понятие «трансчеловек» является непосредственным продуктом идей трансгуманизма. Трансгуманизм — это совокупность слабо связанных между собой идей, которые прогрессивно развивались на протяжении последних двух столетий, их главная цель состоит в совершенствовании человека, символом которого является существо «Н+». По словам Макса Мора, который впервые употребил термин «трансгуманизм» в современном значении, «данный термин включает в себя широкий метафизический взгляд на развитие, направление, цель и ценность жизни и сознания. Он выходит за рамки гуманизма, заглядывая в будущее, лучше раскрывая наши возможности. По мере того, как мы движемся вперед, понимание нашего огромного потенциала будет тоже эволюционировать; не может быть окончательной, раз и навсегда данной, “правильной” философии жизни» [8, р. 10]. На основании взглядов Мора, The Transhumanist FAQ (2003) дает следующее определение трансгуманизма: «а) интеллектуальное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность коренного улучшения условий жизни человека на основе прикладных исследований, особенно путем разработки и обеспечения широкого доступа к технологиям, позволяющим покончить со старением и значительно усилить интеллектуальные, физические и психические способности человека; б) изучение последствий, прогнозов и потенциальных опасностей, связанных с технологиями, которые позволят преодолеть основные человеческие ограничения, а также изучение соответствующих

этических вопросов, связанных с разработкой и использованием таких технологий»¹.

Из определений Мора и The Transhumanist FAQ виден утопизм и радикализм идей трансгуманизма. Благодаря этому трансгуманизм имеет две стороны. С одной стороны, он очень серьезно относится к науке и технике как к средству преобразования человеческой природы посредством когнитивных, эмоциональных и физических усовершенствований, способствующих укреплению здоровья, увеличению продолжительности жизни, улучшению интеллектуальных способностей и способностей эмоционального контроля. Данная установка является антигуманистической в том смысле, что она допускает дегуманизацию, связанную с созданием киборгов или оцифровкой разума. С другой стороны, в ней мы все еще видим наследие гуманизма, идущее от идей Просвещения, основывающееся на вере в разум и рациональность. Следовательно, трансгуманизм занимает промежуточное положение между гуманизмом и постгуманизмом [см. 5; 7; 13].

Трансчеловек — это переходное существо между человеком и постчеловеком, «основные возможности которого настолько радикально превышают возможности нынешних людей, что он перестает быть человеком в нашем нынешнем понимании»². Трансчеловек преодолевает биологические ограничения, присущие человеку, Homo sapiens, и расширяет основанные на них пределы жизни, но при этом его идея базируется на гуманистических нормах и ценностях. Вот здесь-то и возникают серьезные проблемы. Почему и на каком основании трансчеловек может быть наделен достоинством как у человека, чтобы соответствовать его нормам и ценностям? Могут ли все люди быть улучшенными настолько, что, став транслюдьюми, в конечном итоге превратятся в постлюдей? Если же нет, то результатом частичного усовершенствования будет крайнее неравенство между усовершенствованными и не усовершенствованными существами. Как предотвратить и решить эту проблему? Кто будет нести за это ответственность? Почти наверняка, это не будут усовершенствованные существа. Стандартным ответом трансгуманистов на подобные вопросы является то, что люди для того и развиваются, чтобы превратиться в постлюдей как идеальных существ, в результате чего, те проблемы, которые ограничивают

людей сейчас, не будут волновать ни транслюдей, ни постлюдей. Но этого ответа явно недостаточно, так как имеется множество аспектов проблемы — этических, социальных, экономических и политических. Поскольку постлюди по нашим современным стандартам «не будут являться в полной мере людьми», мы не имеем ясного представления о «постчеловеческом обществе». У нас есть лишь приблизительное понимание идеи трансчеловека, который является лишь промежуточным звеном к достижению целей постчеловечества³. Поэтому мое последующее изложение будет сосредоточено главным образом на этой идее.

Достоинство и персональность

Теперь рассмотрим, может ли понятие достоинства, базовое для гуманизма, быть применено к этой идее. Могут ли транслюди квалифицироваться как обладатели этого качества? Этот вопрос важен, потому что признание или не признание достоинства для человека очень существенно. Будет ли это столь же существенно для этих «новых людей»? Прежде всего, отметим, что согласно определению гуманизма, приведенному выше, достоинство включает в себя следующие характеристики: а) уникальность: достоинство — это свойство только людей; б) неприкосновенность внутреннего пространства: достоинство характеризует внутренний мир человека; в) равенство: достоинством в равной степени наделяются все люди.

Данное понятие достоинства нуждается в критическом анализе из-за своего антропоцентризма, поскольку оно изначально блокирует саму возможность того, что нечеловеческое существо может быть обладателем достоинства. Однако постгуманисты утверждают, что такие характеристики, как уникальность и равенство должны также распространяться на нечеловеческие существа, наряду с признанием за ними неприкосновенности внутреннего пространства. Если принимать постгуманистическую точку зрения в полной мере, то достоинство с этой позиции будет представлено следующим образом: универсальность, неприкосновенность внутреннего пространства и равенство принадлежат таким существам, как транслюди или постлюди, которые обладают способностями нормальных людей и/

¹ The Transhumanist FAQ (2003). URL: <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq>.

² Там же.

³ Я позволю себе небольшое допущение, которое, на мой взгляд, будет хорошей стратегией, предлагая считать, что трансгуманизм базируется на технологии, а постгуманизм — на идеологии.

или дополнительными способностями, превосходящими свойства нормальных людей.

Если транслюди соответствуют данному измененному представлению о достоинстве, то такие существа можно считать обладающими достоинством. Содержание нормальных и дополнительных способностей может быть определено различными способами. Прежде всего, через наличие самосознания. Если так, то существа, обладающие самосознанием, могут быть признаны в качестве существ, обладающих достоинством. Транслюди и постлюди, осознающие себя, должны быть признаны такими существами. По этому поводу есть две ожидаемые критические позиции: а) бессмысленно придавать «людской» статус достоинства постлюдям, которые будут полностью отличаться от людей; б) расширение понятия достоинства приведет к тому, что оно лишится своего специфического значения. Если понятие достоинства может применяться не только к людям, но, например, к животным, таким как собаки и дельфины, то новые существа, такие как роботы с искусственным интеллектом, транслюди и постлюди, окончательно лишат это понятие всякого «гуманистического» содержания. Поэтому нет причин использовать это понятие, пусть даже измененное, насквозь пропитанное гуманизмом, по отношению к этим новым существам.

Чтобы адекватно реагировать на критику, необходимо предложить принципиально новое понятие достоинства. Для этого мы воспользуемся теорией утилитарной этики Питера Зингера. Зингер убедительно доказывает, что с позиции этики мы не должны проводить различия между людьми и животными, и что к людям и животным следует относиться одинаково, как носителям достоинства. Сначала Зингер проводит различие между понятиями «человек» и «личность», чтобы отбросить специфическое понимание достоинства, ориентированное исключительно на человека. Характеристика личности — это рациональность и самосознание [14, р. 87]. Личность рациональна и осознает себя. Признаки персональности для определения того, является ли, например, животное рациональным и осознающим себя, выглядят следующим образом [14, р. 78—84]: а) рациональное и осознающее себя существо воспринимает себя как протяженное тело, существующее в течение определенного периода времени; б) оно является существом, имеющим желания и намерения; в) оно обладает в качестве необходимого условия для осуществления правом на жизнь и желает жить; г) это автономное существо.

Согласно критериям Зингера, существо с такими признаками может считаться личностью, поэтому заслуживает морального уважения. Зингер считает, что понятие достоинства должно применяться ко всякой личности, а не только к человеку. В этом плане и шимпанзе, и дельфин обладают личностными качествами, поэтому они являются моральными агентами. Но наряду с этим ни рыба, лишенная самосознания, ни человеческий эмбрион, лишенный сенсорной силы, не обладают достоинством. Зингер применяет свое понятие достоинства, основанное на личностных качествах, только к живым организмам, но при этом вне поля зрения оказываются так называемые «новые существа», такие как транслюди или постлюди. Я считаю, что мы вполне можем применить это понятие к новым существам, и если они рациональны и осознают себя, то мы должны признать, что они являются нравственными агентами, достойными морального уважения.

Теория персональности Зингера критикуется, главным образом потому, что она ведет к радикальным суждениям, подобно вышеизложенным, которые трудно принять в силу господства гуманизма, особенно в отношении очень деликатных этических вопросов, таких как аборт и эвтаназия. В контексте трансгуманизма критиком Зингера является Стефан Зоргнер. Зоргнер считает, что проект Зингера слишком радикален и игнорирует достижения и успехи, связанные с исторической эволюцией понятия человеческого достоинства. По мнению Зоргнера, наибольшим преимуществом данного понятия является то, что «оно способствует утверждению либерально-демократических общественных систем» [17, р. 143]. Зоргнер предлагает иерархию моральных статусов, согласно которой: а) все существа могут классифицироваться как личности или не-личности, б) только люди могут быть носителями достоинства, в) люди могут быть не-личностями (без достоинства) или личностями (как носители достоинства) [17, р. 150—152]. Таким образом, Зоргнер предлагает отделить понятие достоинства от понятия персональности и применять первое только к людям. Согласно иерархии нравственных статусов Зоргнера, постлюди, как, наверное, и транслюди, не могут обладать достоинством, правда он не исследует этот вопрос специально.

Хотя Зоргнер и очерчивает перед нами те границы, в рамках которых можно оправдать человеческое достоинство и избежать некоторых трудноразрешимых вопросов,

в виду, что реальная проблема неравенства так и остается нерешенной, а именно — почему улучшенные существа должны заботиться о неулучшенных.

Многочисленные различия между усовершенствованными и неусовершенствованными в постчеловеческом обществе можно свести к простой типологии, представленной в этой таблице:

Улучшенные	Господа
Неулучшенные	Рабы

Различие между Господином и Рабом мы находим у Ницше. В книге «К генеалогии морали» (1887) Ницше объясняет происхождение морали Господина и морали Раба. Меньшая по количеству, но высшая по статусу и большая по количеству, но низшая по статусу группы сначала противоборствуют, а затем высшая группа побеждает низшую, и в результате первые становятся Господами, а вторые — Рабами. У этих двух классов соответственно разная моральная система. Критерии господствующей морали — «хорошее и плохое» (Gut und Schlecht). Хорошее проистекает из отношения Господина, гордо утверждающего себя, а плохое проистекает из отношения Раба. С другой стороны, эталон морали Рабов — «добро и зло» (Gut und Böse). Здесь добро проявляется в отношении Рабов, а зло проистекает из отношения Господина [12, §I, 11].

У Рабов есть глубоко укоренившееся негодование, разочарование и враждебность, сопровождаемые чувством бессилия. Ницше использует понятие ressentiment для обозначения чувств Рабов к своим Господам [12, § I, 10, § I, 13—15, § III, 19, § III, 26—27]. Однако Рабы преуспели в проповедовании системы ценностей посредством умственного восстания, чтобы построить мир, в котором доминирует их мораль, и в результате все, что связано с их слабостями, которые раньше считались «плохими», были классифицированы как «хорошие», и все, что связано с «добром», классифицируется теперь как «зло». Восстание Рабов — это проповедь ценностей рессентимента.

В постчеловеческую эпоху неизбежна классовая дифференциация, соответствующая ницшеанскому делению Господин — Раб. Транслюди и постлюди станут новыми Господами, а люди неизбежно станут новыми Рабами. Согласно Ницше, добродетель Господина состоит из утверждения, проистекающего из высшей силы, в то время как добродетель Рабов — это негативность рессентимента, которая проистекает из их

низших человеческих качеств. Новые Рабы, которые не улучшились и не усовершенствовались в постчеловеческую эпоху, выработают новый тип рессентимента к своим новым Господам. Восстание Рабов возможно в «ницшеанском» обществе, но оно маловероятно для постчеловеческой эпохи. Восстание Рабов изменило стандарты ценностей, в результате общий уровень людей стал равняться на низы общества и постепенно начал падать. С точки зрения Ницше, новые Господа не несут никакой моральной ответственности за заботу о рессентименте Рабов. Поскольку люди и постлюди совершенно разные, у них будет разный моральный статус и, соответственно, их мораль будет кардинально различаться, как мораль Господина и Раба у Ницше. Здесь важно то, что в постчеловеческую эпоху социальное равенство будет возможно или только среди людей, или только среди постлюдей, но оно будет невозможно между людьми и транслюдьми или между людьми и постлюдьми.

Сверхчеловек

Ницше никогда точно не определял, что он подразумевает под Сверхчеловеком (Übermensch), чтобы нам на это сослаться.

Когда Заратустра вошел в ближайший город, лежащий за лесом, он обнаружил, что на рыночной площади собралось много людей, ибо было объявлено о выступлении канатоходца. Именно тогда ницшеанский Заратустра сказал народу: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?»¹ [12, р. 5].

Нежелание Ницше дать точное определение Сверхчеловеку послужило причиной различных интерпретаций, и есть те, кто отождествляет постчеловека со Сверхчеловеком Ницше. Это ошибка, потому что даже если постчеловек — это сверхчеловек с доброй волей, то для того, чтобы стать сверхчеловеком по сути, он должен проявить себя по-другому. Согласно Ницше, Сверхчеловек — это существо, которое символизирует создателя новой системы ценностей, призванного восстановить ценности, погрязшие восстанием рабов. Если

¹ Цит. по: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 8 (прим. переводчика).

постчеловек — это действительно Сверхчеловек, то он тогда должен обладать способностью создавать новые ценности, необходимые для постчеловеческой эпохи.

Когда Ницше заявил, что «Бог мертв» (*Gott ist tot*), на самом деле он имел в виду, что метафизическая дихотомия между Богом и людьми, которая до сих пор считалась само собой разумеющейся, закончилась. Ницше видел, что такая дихотомия представляет собой трагедию, которая утверждает только мир существования и отрицает мир жизни. Сверхчеловек в постчеловеческую эпоху — создатель новой системы ценностей для нового мира жизни, в котором нет Бога. В этом смысле идея Ницше о Сверхчеловеке согласуется с основной идеей постчеловеческой эпохи¹. Когда мы берем на вооружение философию Ницше, с ее понятиями рессентимента и Сверхчеловека, его философия действует как мощный молот, разрушающий крепостные стены, возведенные гуманизмом, что позволяет рассматривать Ницше как предтечу трансгуманизма и постгуманизма. Возмущенный господством толпы, необоснованными запретами и оковами несправедливых репрессий, Ницше указал путь к желанной эпохе Просвещения, лежащий через трансгуманизм.

Какими будут новые ценности постчеловеческой эпохи? Думаю, главной из них будет открытость. Постчеловеческую эпоху будет характеризовать гипер-связанность, искусственный сверх-разум и сверх-человечество. Все существа и вещи окажутся взаимосвязанными настолько, что традиционные дихотомии между человеком и животным, человеком и машиной, мужчиной и женщиной, физическим и виртуальным исчезнут. Чем больше мы приближаемся к постчеловеческой эпохе, тем более многообразными будут взаимосвязи между людьми, транслюдьюми и постлюдьюми, а также умными машинами, неодушевленными объектами и кибер-существами. Для лучшего общения между людьми и новыми существами потребуются открытость к Другому. Потеряют былое значение такие разъединяющие ныне характеристики, как персональность, уникальность, разнородность и необычность, что приведет к открытости отношений. Постчеловеческая жизнь разделится на два типа:

- (а) Комфортная, но однообразная жизнь;
- (б) Творческая и динамичная жизнь.

¹ Юваль Харари [6] предлагает свой способ понимания природы постчеловека, называя его «*Homo Deus*», — человек, который хочет быть Богом.

Ожидается, что в постчеловеческую эпоху большинство существ будут жить комфортной, но монотонной жизнью, некоторые будут вести творческую и динамичную жизнь, и лишь немногие действительно будут всецело жить такой творческой и динамичной жизнью.

Заключительные замечания

На основе сказанного выше ясно, что для того, чтобы творческая и динамичная жизнь стала ведущей формой жизни в постчеловеческую эпоху, необходимо, чтобы ее представители выработали для себя новые постчеловеческие ценности. Именно для этого требуется Сверхчеловек. Сократ напоминает нам, что жизнь, к которой нужно стремиться, — это не «комфортная жизнь», а «благая жизнь». Благая жизнь в постчеловеческую эпоху становится синонимом творческой жизни. Чтобы ее достичь требуются большие затраты и усилия. Это означает, что разрыв между богатыми и бедными по-прежнему является главным барьером на пути к достижению цели. Здесь мы находим еще одно применение Сверхчеловеку. От Сверхчеловека потребуются устранить это препятствие, а также высвободить несовершенствованных существ из отношений рессентимента.

1. Agar N. (2014) *Truly Human Enhancement: A Philosophical Defense of Limits*. Cambridge, MA, MIT Press [in Eng].
2. Bostrom N. (2005) *Bioethics*, no. 19 (3), pp. 202—214 [in Eng].
3. Bostrom N., Savulescu J., eds. (2009) *Human Enhancement*. Oxford, Oxford University Press [in Eng].
4. Cybulska E. (2012) *Philosophy Now*, no. 93 (November/December) [in Eng].
5. Fukuyama F. (2002) *Our Posthuman Future: Consequence of the Biotechnology Revolution*. New York, Picador [in Eng].
6. Harari Y. (2017) *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. London, Vintage [in Eng].
7. Kass L. (2002) *Life, Liberty and the Defense of Dignity*. San Francisco, CA, Encounter Books [in Eng].
8. More M. (2009) *Entropy*, no. 6, pp. 6—12 [in Eng].
9. More M. (2010) *Journal of Evolution and Technology*, no. 21 (1), pp. 1—4 [in Eng].
10. More M., Vita-More N., eds. 2013. *The Transhumanist Reader*. West Sussex, UK, Wiley-Blackwell [in Eng].

11. Nietzsche F. (2006) [1887]. *On the Genealogy of Morality*. K. C. Diethe trans. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].

12. Nietzsche F. (2006) [1883—85]. *Thus Spoke Zarathustra*. A. Caro trans. Cambridge : Cambridge University Press [in Eng].

13. Sandel M. (2009) *Justice: What's the Right Thing to Do*. New York, Farrar, Straus and Giroux [in Eng].

14. Singer P. (1979) *Practical Ethics*. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].

15. Sorgner S. L. (2009) *Journal of Evolution and Technology*, no. 20 (1), pp. 29—42 [in Eng].

16. Sorgner S. L. (2010) *Journal of Evolution and Technology*, no. 21 (2), pp. 1—19 [in Eng].

17. Sorgner S. L. (2013) *Trans-Humanities Journal*, no. 6 (1), pp. 135—159 [in Eng].

18. Rhee Y. (2018) "Conscious Artificial Intelligence", in *Ontology of Artificial Intelligence*, Paju, Korea, Hanul Academy, pp. 80. [in Korean].

19. Rhee Y. (2020) "Cyborg", in *Posthuman Comes*. Paju, Acanet, pp. 59—84. [in Korean].

Для цитирования: Young E. Rhee. Being and Relation in the Posthuman Age // *Sotsium i vlast'*. 2020. № 5 (85). С. 13—19. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-13-19.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-13-19

BEING AND RELATION IN THE POSTHUMAN AGE

Young E. Rhee,

PhD in philosophy, visiting professor,
Department of philosophy, Korea University,
president of Korea Association
of Philosophical Counseling and Korea Society
of Humanities Therapy.
145 Anam-ro, Seongbuk-ku, Seoul, 02841, Korea
rheeye@korea.a.ckr

Annotation

What will be the posthuman society? As usual, there are two prospects: the pessimistic view and the optimistic view. According to pessimistic view, as technologies advance emerge new beings called as transhuman with enhanced intelligence and physical power, and extremely long lifespan and they will dominate humans. On the other hand, according to optimistic view, technology will benefit humans, so humans evolve via transhuman to posthuman with smart machines. There are complex issues tangled together in the dispute between the rival views, especially such as the natural vs. artificial beings, human dignity and equality, and meaning of life. The aim of this article is to examine being and relation in posthuman age in the point of Nietzsche's philosophy. I examine transhuman as a typical being of posthuman age and resentment as its relation respectively. Nietzsche has influenced the rise of transhumanism and posthumanism, as can be seen from direct or indirect confessions from pioneers of them, though there are debates about whether the influence is real or superficial. By paying particular attention to Nietzsche's idea of Master and Slave, resentment, and Overman (Übermensch), I contend that (a) in the posthuman age new classes will emerge, which correspond to Master and Slave, (b) there will be a new resentment of Slaves toward their Masters, and (c) Overman as a creator of new value will be required in order to solve the problem by resentment.

Key concepts:

humanism,
transhumanism,
posthumanism,
resentment,
F. Nietzsche.

Для цитирования: Погорельская Е. Ю.
Природа человека в эпоху
технической революции //
Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 20—31.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-20-31.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-20-31

УДК 160.1

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
факультет социальной психологии,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 620049,
г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется парадокс современной философии и мировоззрения, при котором констатируемая «смерть Бога», «смерть человека», «автора», «природы», что не отменяет их очевидного существования, но в других модусах. Топос и функции классических понятий, определяющих природу человека, заменяются объектами информационно-технической деятельности. Автор полагает, что феномен технического проникает в современные живые процессы и отчасти заменяет их. Идея смерти и кризиса трансцендентального, божественного, человеческого и естественного сопровождается их заменой техническими процессами, их специфическим «оживлением». В этой связи с необходимостью определённые смысловые и вещественные трансформации претерпевает собственно природа человека. Представленная работа осуществляет попытку описания и анализа этих трансформаций.

Цель. Целью данной работы является специфический анализ природы человека в современной научно-технической доктрине. Автор доказывает, что потеря человеком своего онтологического статуса, редукция человека до уровня вещей или биологических начал приводят к укреплению в мире основ биовласти, биополитики и других форм и способов влияния на человека против его свободной воли.

Методы. Автор использует метод критического анализа философских тезисов и идеологических высказываний. В работе применяются герменевтические, феноменологические гуманитарные приёмы и процедуры, а так же метод сравнительного анализа и исторической реконструкции научных фактов.

Научная новизна. Научная новизна работы заключается в попытке обратить вопрос науки о человеке к своим основаниям, а именно — к основанию свободной, выбирающей и рождённой в естественной природе личности. Новизна научных достижений, прогрессивных технологий, технических изобретений и новых социальных диспозитивов не отменяет вопроса о сущности человеческой природы, который остаётся новым и актуальным в настоящее время.

Ключевые понятия:
природа человека,
трансгуманисты,
«лохматые объекты»,
акторно-сетевой анализ,
евгеника,
«принцип предосторожности»,
техническое.

Введение

Всеобщая Декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года предлагает список прав человека, рекомендованный для всех стран — членов ООН. На данный момент в ООН входит 193 государства, то есть большая часть населения планеты находится под защитой этой Декларации. Всеобщая Декларация является «эхом» Второй мировой войны, показавшей человечеству примеры крайней жестокости и геноцида. Этот гражданский документ распространяет свое влияние практически на все расы и народы мира, обладающие различным менталитетом и вероисповеданием. Первая статья, являющаяся основой всех остальных, гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [12, с. 8]. Обычно, читая эту фразу, обращают внимание на слова свобода, равенство, достоинство, право, совесть, братство. Мы обращаем внимание на слово «рождаются», которым обозначен способ попадания человека в мир. Первый документ, который человек приобретает в своей жизни — свидетельство о рождении, и в нём указано имя новорожденного, дата рождения, место рождения, мать и отец. В документе на данный момент обязательным является пункт о родителях. Он может быть не заполнен, но это, скорее, исключение из правил, которое указывает на то, что родители новорожденного неизвестны. Но сомнения в том, что этот человек родился — нет.

Согласно ветхозаветному представлению, человек создан по образу и подобию Богию на шестой день творения. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» [4, Быт. 1:26]. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями], и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею], и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» [4, Быт. 1:28]. То есть рождение человека является прямым следствием его творения.

Другая концепция того, как человек попал в мир, а точнее, образовался в нем, был синтезирован со временем и под действием всевозможных факторов, в лаборатории самой природы — это теория эволюции. Она является современной биологической доктриной, которую разделяют подавляющее большинство ученых, так или иначе выходящих в своих исследованиях на проблему происхождения жизни и человека. Известно, что Ч. Дарвин рассматривает эволюционный процесс как бесцельный. По Дарвину эволюция видов складывается из массы факторов, но самое главное то, что она не имеет направленности. Человек в данной связи не является вершиной эволюции, а является лишь одной из её ступеней. И если это так, то актуален вопрос о том, какой вид придет на смену homo sapiens? Эволюция — это идея того, как на уровне живой природы в мире происходят трансформации живой материи, и главным козырем в этом концепте оказывается не вещественное время. Самый главный фактор, повторим «время» — не вещественный и неуловимый, и, именно на нём строится мощная эмпирическая база эволюционной доктрины. Именно времени не хватило Стэнли Миллеру для удачного исхода своих экспериментов по получению живой материи в лабораторной колбе (1952 год). Рассуждения о происхождении жизни и человека похожи на игру в лотерею. Если играть в лотерею 2—3 раза в жизни, то вероятность выигрыша ничтожно мала, а если играть в лотерею каждый день на протяжении миллионов лет, то возможность получения выигрышного билета становится возможной. Однако, следует обратить внимание, что в лотерее хоть и очень малое количество шансов на выигрыш, но они все равно есть, поскольку лотерея — это изолированная ситуация с ограниченным количеством вариантов исхода. То есть количество игровых комбинаций не бесконечное. Науке вообще свойственно оперировать закрытыми или изолированными системами. Поэтому столько доверия к лабораториям и экспериментам с их изолированной логикой организации. Конечно, если принять, что теория эволюции верна и трансформации будут происходить в любом случае, то лучше этот природный процесс отформатировать, направить в нужное русло, так сказать оноосферить. Если цель у эволюции может быть любой, то лучше, если этот процесс будет подконтрольным.

Основная часть

Никогда ранее человек не был так погружен в техническое, как сегодня; никогда ранее техническое не носило тотального характера и не проглатывало человека целиком. Сейчас достаточно сложно представить, что мы будем иметь «на выходе». Например, профессор Л. Маринофф (США) так определяет современное состояние общества и человека в нем: «Технообщество — это общественное взаимодействие, независимо от политической системы, когда ежедневные личные, социальные, экономические и культурные трансакции опосредованы вмешательством технологий или навязыванием технологий. Яркие примеры таких технологий объединяет известная аббревиатура «FANG»: Facebook, Amazon, Netflix и Google. Без их помощи становится уже невозможно проводить какие-либо личные, социальные, экономические или культурные трансакции посредством одного или нескольких цифровых устройств, интерфейсов и сетей. Таким образом, фундаментальный процесс взаимодействия человека с человеком вытеснен одной из форм технологически опосредованного взаимодействия» [11, с. 19]. Поэтому Клаус Шваб, один из адептов современной технической культуры, пророчески замечает: «Будущее бросит вызов нашему пониманию самой сущности человека, как с биологической, так и с социальной точки зрения» [21, с. 180]. Допустим, будущее бросает вызов нашей человеческой сущности; но что такое человек для науки и какой вопрос науки в отношении человека пытается решить?

Человек смертен. Одним из прижизненных признаков смертности человека являются болезни. Решая вопрос болезней, наука стремится все дальше отодвинуть «планку смерти», то есть стремиться продлить человеку время земного существования. Глобально наука намерена эту «планку смерти» снять, то есть сделать человека бессмертным, бессмертным в этой материальной жизни. Меняется само понятие человека, человек может уже не учитывать трансценденцию, или, как говорит Ницше, Бог на самом деле давно мертв. «Теперь это трансцендентное состояние, однако, не обязательно является духовным в традиционном смысле, а, скорее, оказывается материальным состоянием... Можно говорить об этом в терминах загрузки сознания в машины, неограниченного расширения возможностей биологического тела — есть множество способов!» [16, с. 9]. Кажется, что наука бросает вызов самой идее смерти, но какой ценой? Что остается от человека?

Рассмотрим, на какие ценности опирается и какими путями идет современное научное знание.

Целью научного знания является истина. Желание найти истину, ценность истинного знания, ведут ученого по пути проактивности, то есть стремления получить подлинное знание о предмете, принимая различные риски, связанные с этим получением, в том числе риск для жизни. Но если до середины XX века рисковали по преимуществу ученые, участвующие в сложных экспериментах с неизведанными доселе материями и технологиями, то со второй половины XX века стало понятно, что риску подвергаются все. Действительно, сложно спрятаться от загрязнений воздуха, вируса или техногенных катастроф за высоким забором собственного особняка. Стало понятным, что оптимистическая модель науки, связывающая научный поиск с положительными результатами в обществе, на самом деле достаточно проблематична, особенно на фоне мировых войн, концлагерей, ядерных взрывов, эпидемий и экологических кризисов. Оказывается, что наука и основанные на ней технологии направлены на другие цели, а в решении своих вопросов они создают рискованные объекты и рискованные отношения. Как говорит Бруно Латур: «На смену объектам, находящимся вне зоны риска, или привычным нам лысым объектам приходят рискованные соединения» [8, с. 32]. Предметы, находящиеся вне зоны риска, так называемые лысые объекты, имеют отчетливую границу, их поведение подчиняется логике каузальности, эффективности, целесообразности, рентабельности, они имеют определенную сущность. Соответственно, — рискованные соединения или лохматые объекты проявляют совсем другие свойства. Сложно обозначить границу таких объектов и выделить их сущность, они легко встраиваются в различные сети и обладают высокой степенью дружелюбия/коммуникабельности/адаптации, то есть свойством создавать и поддерживать связи. Латур о лохматых объектах говорит, что «научное, техническое и промышленное производство с самого начала закладывается в их определение» [8, с. 34], то есть, по сути, здесь указывается на происхождение лохматых объектов или рискованных соединений. У рискованных объектов научно-техническое происхождение. В большой Науке считается, что лысый объект и лохматый — это один и тот же объект на разных стадиях своей истории, то, что когда то было проблемой и не позволяло действовать уверенно, со временем стано-

вится общим местом, налаженным механизмом, известным фактом, открытым законом. Казалось бы, наука нацелена на производство лысых объектов, предсказуемых, удобных в употреблении. Но дело в том, что «лысость» объекта никогда не является абсолютной, объекты обладают эмерджентными свойствами, неизвестными до времени. Сам Бруно Латур в качестве примера приводит производство асбеста, современного эффективного и рентабельного материала, который долгое время считался безвредным для человеческого организма. Потребовались десятки лет, множество судебных исков, связанных с профессиональными болезнями, а так же серьезные проблемы с переработкой и утилизацией асбеста, чтобы он из удобного лысого объекта превратился в опасный и проблематичный. Работа науки всегда происходит в зоне риска, ориентируясь на будущее, в зыбком мире отсутствия жестких моральных ориентиров и ограничивающих юридических законов. Для науки любой путь хорош, если он ведет к развитию научного знания. Этические, правовые и религиозные вопросы «не родные» науке, они привносятся в науку извне — так общество, через свои социальные и политические институты, пытается регулировать и направлять научный поиск. Науке же, по ее естеству, присуща могучая логика влечения к новому знанию. Социальная позиция, обосновывающая правомерность ценности нового знания любой ценой, называется трансгуманизмом. «Трансгуманизм — это позиция, определенный взгляд на мир, это мировоззрение. И оно содержит определенное отношение к риску... Это очень открытое отношение к риску: не как к угрозе, а как к возможности» [16, с. 17]. Трансгуманисты не отрицают, что «в истории было много зверства и жестокости, что людям было причинено много вреда. Но сама история не отрицается, потому что в определенном смысле оно того стоило. Это своего рода принцип «без боли нет результата» [16, с. 17]. Это сугубо эмпирическое познание, поскольку прогнозирование результатов исследования обладает очень большой степенью условности, оно не подчиняется статистическим расчетам, поскольку просто таковых нет, нечего считать, нет прецедентов. Научные факты конструируются здесь и сейчас, их они создаются учеными из сложных материалов, с использованием новейших технологий. Ничего, что кто-то в результате научного эксперимента умрет, общество в целом выиграет, поскольку получит необходимый опыт. По мнению Сти-

вена Фуллера, принцип предосторожности, господствующий сейчас в общественном сознании и праве, тормозит развитие науки и внедрение передовых научных идей. В качестве примера он приводит рассуждение о том, что на данный момент в мире есть люди с деньгами, заинтересованные в научных исследованиях, есть свободное водное пространство, не обремененное властью законов конкретной страны, и, находясь на оборудованных современных судах, можно было бы проводить различного рода эксперименты, прежде всего связанные с человеком. Фуллер уверен, что найдутся добровольцы, которые согласятся участвовать в рискованных экспериментах ради будущего цивилизации. Фактически, есть все материальные и интеллектуальные условия, для «свободного» развития научного знания, знания вне моральных и правовых норм, но, к сожалению, никто на данный момент не опубликует результаты таких экспериментов, информация такого плана не может быть обнародована, поскольку получена она нелегитимным путем. Научный поиск сдерживается извне, и прежде всего он сдерживается сейчас правовым регулированием, основанным на принципе предосторожности. Трансгуманисты против того, чтобы тело человека рассматривалось с позиции собственности. «Различие между собственностью и ответственностью как основаниями права сейчас приобретают особое значение. Идея собственности защищает то, чем человек владеет... Подход, ориентированный на ответственность, по сути, заявляет: хорошо, любой может получить доступ к вашей собственности, но недопустимо, чтобы вы терпели от этого убытки» [16, с. 20]. Телом надо пользоваться, как считают трансгуманисты так же, как мы пользуемся арендованными квартирами и машинами. Конечно, в ходе некоторых экспериментов можно нанести урон, а часть экспериментов, в которые вовлечен человек, может закончиться трагически. Ничего, зато будет получена новая информация, общество в целом выиграет. Однако, чтобы вклад в общее дело был более-менее равномерным, «те люди, которые не рискуют, будут спонсировать людей, берущих на себя риски» [16, с. 23]. И если целью научного поиска в отношении человека является бессмертие, для начала надо сделать из человека самый лохматый объект = место для риска. Человек — удобный плацдарм для экспериментов, учитывая неопределенность его природы. Статус «человек» оказывается проблемой и становится

неясно кого защищает Всеобщая Декларация прав человека и какое существо попадает под понятие «человек»?

Идея спасения человека от смерти — библейская. Человек создан по образу и подобию Бога, но в результате грехопадения этот божественный образ становится мутным, и потому возвращение человека в божественную любовь становится проблемой. Задача религии — восстановить образ Божий в человеке. Метод — покаяние и воспитание внутреннего человека: долгий путь, длиною в жизнь, с неочевидным исходом, базирующийся на вере и надежде. И существенно, что спасение человека будет не в этой жизни. То, что человеческая природа несовершенна и ее нужно исправлять, разделяет и христианская религиозная традиция, и европейская наука. Именно через исправление, усовершенствование, *up-grade*, возможен выход в совершенное бессмертное состояние.

Для того, чтобы понимать, что исправлять, необходимо понимать исходную позицию. Возможно, человек не совершенен, только что мы намерены исправлять? Вот, например, одно из определений «человека», данное авторитетным биологом-ученым: «Но теперь понятно, что истинное определение человека, его сущности может быть получено только после полного секвенирования его генома, детального выяснения функций всех его элементов и их взаимодействия с различными компонентами клетки, а так же сложных взаимосвязей всех клеток организма друг с другом» [14, с. 339]. Давайте вспомним, что бывает, когда человеческое сводится к биологическому, а исправление человеческой природы объясняется «заботой о потомках».

Термин «евгеника» был предложен в 1883 году английским антропологом Ф. Гальтоном и означал следующее: «Изучение, подлежащее общественному контролю влияний, могущих улучшить или ухудшить как физические, так и умственные качества грядущих поколений» [14, с. 322—323]. В 1883 году еще не было генетики, но опыты по изучению наследственности уже велись. Австрийский естествоиспытатель, монах августинианец аббат Грегор Иоганн Мендель еще в 1865 году опубликовал результаты своих экспериментов с горохом. Он сформулировал 3 закона наследственности моногенных признаков, которые сейчас известны как Законы Менделя. Грегора Менделя по праву считают отцом генетики. Но, генетика — это наука, а евгеника — это идеологическая доктрина, паразитирующая

на успехах генетики и прикрывающаяся авторитетом полноценного научного знания. Приходится признать, что и современные профессиональные ученые зачастую попадают под влияние евгенических лозунгов, рассматривая евгенические принципы как гуманные и направленные на улучшение человеческой природы. Как можно улучшать то, природу чего ты не знаешь? И будет ли человеком красивый, сильный, здоровый индивид, возникший в обществе, отравленном выбраковкой слабых и их смертью. Конечно, современные евгеники апеллируют, прежде всего, к медицине, к лечению людей, любое идеологическое новшество опирается на общечеловеческие ценности, кто же скажет, что мы нацелены на ликвидацию слабых? Конечно, нет! Скажут, что мы намерены улучшить человеческий генофонд, и дать «путевку в жизнь» сильным!

В 1933 году германское правительство принимает «закон о «предотвращении появления потомства с наследственными болезнями», который устанавливал, что тот, кто болен наследственной болезнью, может быть стерилизован через хирургическую операцию, если существует высокая вероятность того, что, исходя из опыта медицинской науки, его потомки будут поражены тяжелыми недугами» [1, с. 189]. С приходом Гитлера к власти более 400 000 немецких граждан были подвергнуты насильственной стерилизации, и еще порядка 300 000 уничтожены по программе евгеники. По данным Мемориального музея Холокоста США, в период с 1933 по 1945 год под воздействием идей евгеники было убито 17 миллионов человек. В том числе шесть миллионов евреев [20].

Считается, что евгенические идеи закончили свое существование в XX веке. Так ли это? Вот пример современного рассуждения по поводу перспективности евгенических идей: «В настоящее время, благодаря успешной реализации проекта «Геном человека», произошло определенное оживление интереса к евгеническим идеям. Все чаще и чаще евгенические подходы и принципы рассматриваются как возможный выход из надвигающейся на нас генетической катастрофы — безнадежного ухудшения качества «генетического материала» — генофонда человека» [14, с. 330]. Или — из другого авторитетного источника показательное заключение: «Победители могут получить выгоду от некоторых проявлений радикального улучшения человека, возникших в результате деятельности определенных секторов четвертой промышленной рево-

люции (например, генной инженерии), тогда как неудачники таких возможностей будут лишены» [21, с. 78]. Из этих высказываний можно сделать несколько выводов. Во-первых, идеология улучшения человеческой природы никуда не делась. Опирается эта идеология на провокационное положение о безнадежном ухудшении генетического материала человечества. Во-вторых, считается, что улучшив генетический материал — мы улучшим человека, то есть предполагается, что сущность человека конструируется генетически.

Разве сущность человека можно свести к устройству его тела, к его геному? Если исходить из этой логики, то человек отличается от животных, растений, микробов только расположением генов в структуре ДНК, их особым порядком. Известно, что структура информационной молекулы ДНК, состоящая из дезоксирибозы, фосфатной группы и четырех вариантов азотистых оснований (Аденин, Гуанин, Цитозин, Тимин), роднит человека со всем живым. Человек телесно отличается от всего остального живого мира только количеством генов в цепочке ДНК и их особым расположением. В принципе, вся живая материя составлена из одних и тех же начал. Так же как музыка составлена из семи основных нот, так же как язык состоит из определенных знаков. Но из семи основных нот не следуют прелюдии И. Баха, так же, как из русского алфавита не складываются сами собой каштучки. Почему же сущность человека можно вывести из генных кирпичей? Если истинное определение человека, его сущности сводится к биологическим основам, тогда зачем растить человека? Его надо просто технически правильно сложить, как пазл. Вот, к примеру, одно из высказываний, сделанных в этом ключе: «Сам факт упрощения прецизионных манипуляций с геномом человека, взятого у жизнеспособного эмбриона, означает, что вскоре следует ожидать появления спроектированных младенцев, обладающих конкретными качествами или устойчивостью к определенным заболеваниям» [21, с. 22]. 7 октября 2020 года Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Дудна были удостоены Нобелевской премии за развитие метода редактирования генома. Они придумали т. н. «генетические ножницы», которые «раскусывают» ДНК, и это позволяет избирательно удалять участок из генома или заменить его на другой у любого живого существа, в том числе и у человека. То есть, зная геном человека, животного или растения, можно существенно изменить его свойства, используя эти генетические

ножницы. Но где тот предел или граница, которая будет разводить применение генетического редактирования в медицинских целях, а где в иных: потребительских, властных и т. д. Конечно, тело человека, как целиком, так и по частям, на современном уровне развития науки возможно создать. С ним можно делать столько интересных удивительных вещей — можно клонировать (технически это возможно); можно из эмбрионов человека выделять стволовые линии и использовать потом для лечения больных; можно вживить в мозг человека «мокрые чипы» для расширения сенсорных способностей или для внешнего контроля. При генетическом дизайне появится индивид с заданными свойствами, человек редуцируется до функционала. Родится бесконечно конструируемый человек, встраиваемый в интерфейс любой машины, а его испорченные детали могут быть заменены или синтетизированными.

В «менеджменте персонала» мы видим установку: личностные качества соискателя не важны, особенно в рабочих специальностях, важна профессиональная компетентность, сводящаяся к закрепленным навыкам и умениям. В большинстве резюме мы не найдем востребованными такие качества человека как доброта, сопереживание, способность любить. Любить людей? Что за профессиональный навык?! Робот тоже может заботиться. В основном на рынке требуются обучаемые, организованные, пунктуальные и ответственные индивиды, которые будут выполнять необходимую работу ровно так, как того требует профессиональный стандарт; не больше. Вот только в сложных и аварийных ситуациях, когда есть ограниченность во времени и ресурсах, такие индивиды не примут на себя риски в принятии решения. И юридически они будут абсолютно правы, поскольку действия в ситуации форс-мажора предполагают другие качества, которые, при приеме на работу от них никто не требовал: подлинный человек, внутренний человек был лишним, и даже избыточным. В отформатированном спроектированном мире «человеческие сущности, как и любой другой компонент или подсистема, должны локализоваться внутри системной архитектуры, основные модусы действия которой носят системный характер. Никакие объекты, пространства или тела не являются священными сами по себе; любой компонент может быть связан интерфейсом с любым другим, если только может быть построен соответствующий стандарт, соответствующий код для обработки

сигналов на каком-то общем языке» [17, с. 39].

Вопрос о происхождении в современном мире пока считается серьезным. Пока является принципиальным происхождение информации (авторство). Пока является значимым происхождение знания (условия, источники, доказательство). В некоторых странах пока является актуальным порядок преемства верховной власти (престолонаследие в монархиях). Пока является важным происхождение человека (родство). Пока является ценным оригинал. Но наряду с этим, существуют и другие реальности, в которых возможность копирования является исходной. В этих реальностях оригинал является условным, поскольку эти реальности изначально были задуманы с возможностью неограниченной репродукции. Например, это фото — и киноиндустрия, современные средства массовой информации, социальные сети. Клонирование — это логическое продолжение технологий массового потребления. Возможно, это как раз тот путь, о котором бредят евгеники — создание человеческого шаблона, по которому будут производиться рабочие человеческие пчелы. Непонятно, как у клонированных индивидов будет решаться вопрос родства. У клона предполагается условная мать или условный отец, в зависимости от того, чью клетку будут копировать и то не обязательно. В технологиях генетического дизайна можно будет обнаружить только следы родственных корней, но не сам источник. И, скорее всего, генетическая матрица будет анонимной. Ведь не зря ставится юридический вопрос о том, кому должны принадлежать сведения о геноме конкретного человека — лаборатории, которая осуществляет расшифровку этого генома, или собственно человеку, чей геном расшифровывают? Кажется, что этот вопрос абсурден, и «судьбу своих генов» должен решать индивид, от которого этот генетический материал был взят. Но посмотрите, как на данный момент обстоят дела с оригинальными текстами, художественными произведениями, интеллектуальными открытиями? Их копируют, перекопируют и продают, часто без воли на то автора. Предполагаем, что и с человеческими матрицами будет та же ситуация, тем более, что они будут значительно отформатированы, улучшены и, возможно, стерилизованы. На самом деле, а зачем клону пол? Зачем клону быть мужчиной или женщиной? Хотя, возможно, что с половыми особенностями клон будет более рентабелен. Бодрийяр говорит, что «мы живем в эпоху софт-технологий, в век

генетического и ментального программно-обеспечения» [5, с. 184]. Спрашивается, будет ли сотворенный клон иметь статус человека? Как мы будем относиться к таким индивидам? Будет ли жизнь клона иметь ценность? Можно разрезать клона на миллион частей и каждую часть восстановить до полноценной особи. Вполне возможно, что клонируя человека, мы получим переходное звено между техническим и человеческим, в пользу материально бессмертного, в пользу человеческой матрицы. «Киборг не узнал бы Эдемского сада, он не из праха создан и не может мечтать о возвращении к праху» [17, с. 13]. За киборгизацией стоит бессознательное желание переписать родословную, порвать родословную, идущую от Бога.

Юрген Хабермас в своей работе «Будущее человеческой природы» указывает на необходимость уважения к человеческой жизни даже в ее анонимных формах, когда еще личности нет, на уровне эмбриона. Даже на уровне неличностной жизни человек является уникальным образованием, что впоследствии проявится в осознании уникальности личности и индивидуальности судьбы. «Потому что как только взрослые начнут рассматривать желательный генетический арсенал потомков как продукт, форму которого можно изменять, придумывая по собственному усмотрению подходящий дизайн, они начнут использовать в отношении собственных творений, полученных в результате генетической манипуляции, такой тип управления, который вторгнется в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности; этот тип управления, как представлялось прежде, допустим лишь по отношению к вещам, но не по отношению к другим людям» [18, с. 24].

Процесс возникновения человека долго находился вне властного вмешательства, вне контроля над «качеством» индивидуальных свойств человека, теперь этот процесс загоняется в рамки надзора. Увеличится ли свобода человека, если мы отредактируем его гены?

Мефистофель:

Кто много жил, тот и видал немало:

Ничто ему не ново в жизни сей.

Так, странствуя, встречал и я, бывало

Кристаллизованных людей [6, с. 297].

Возможно, нам действительно придется пересмотреть вопрос о статусе человека в системе мира.

Существует современная философская тенденция, отказывающая человеку в осо-

бом статусе и смысле бытия. Она выражена, к примеру, в акторно-сетевой теории, представленная в трудах Бруно Латура, Грэма Хармана [19], Мануэля Деланда [7] и других. В рамках этой теории люди и нелюди находятся в равных онтологических статусах, что позволяет расширить понимание «социального» как сферы взаимодействия и взаимовлияния людей и нелюдей, и поставить под вопрос «самобытную природу человека». Авторы акторно-сетевой теории (АСТ) называют свою онтологию плоской, всё ставится в одну плоскость — люди, животные, вещи, боги, симулякры... Важно только их взаимное влияние. Здесь не важна сущность — человек, Бог, жевательная резинка, рекламный слоган. Здесь важен актер, могущий или не могущий влиять. Конечно, первое, что свергается в плоских отношениях — это трансцендентное. Бруно Латура не зря свою работу «Политики природы» начинает с многогранного разоблачительного выступления против «Мифа о пещере» Платона. Для демократической плоской онтологии требуется определенная «зачистка мировоззрения» от трансцендентных пережитков и сентиментальных слоев. Трансцендентная реальность, по мнению авторов АСТ — главный враг на пути к всеобщему равенству, миру, где все подчинено целесообразности и деловой хватке. Ценен тот, кто может оказывать влияние на другого, кто имеет голос, который слышат, с кем считаются. По сути, онтологическое укоренено во властной позиции, в способности влиять. Кажется, что это не ново, но любопытно, что властная позиция, по мнению Латура, ведет к демократии. «Улитка может заблокировать плотину, Гольфстрим может внезапно исчезнуть, террикон стать биологическим резервом, а черви превратить почвы Амазонии в бетон. Больше нет никаких оснований для ранжирования различных сущностей в порядке их значимости. Когда неистовые экологи с дрожью в голосе восклицают: «Природа скоро умрет», то они сами не знают, насколько они правы. Слава Богу, природа умрет. Да, великий Пан умер! После смерти Бога и человека природе тоже пора на покой» [8, с. 36]. Нет в рассуждениях АСТ никакой природы/подлинности. Нет никакой иерархии существ. Нет, и не может быть, заметим и никакого «сверхчеловека», ибо он не может существовать в плоской картине мира. Есть временные ассамбляжи по интересу, то, что Бруно Латур называет коллективом. «Коллектив — это плавильный котел, но в нем смешиваются не природные объекты и субъекты права, а определен-

ные в соответствии с перечнями действий актаны, ни один из которых не является исчерпывающим» [8, с. 100]. Возможно, что люди не захотят вставать на одну онтологическую ступень с вещами, но кто их в этой «демократии» спросит? Конечно, Бруно Латур предполагает, что с ним будут спорить по поводу всеобщей уравниловки людей и нелюдей. И люди будут апеллировать к своей свободе, и противопоставлять себя вещам, которые вписаны в причинно-следственные связи (подчиняются объективным законам). Но у Латура другое представление о свободе: «Если кто-то верит, что нелюдей можно определить через покорность по отношению к строгим законам причинности, то он просто никогда не присутствовал при продолжительной постановке эксперимента в лаборатории. Тот, кто верит, что человека можно определить через свободу никогда не придавал значения тому, с какой легкостью он замолкает и подчиняется, той податливости, которую он проявляет, когда его регулярно пытаются свести к роли объекта» [8, с. 102]. По мнению представителей АСТ, люди под страхом смерти или потери подчиняются, в то время как объекты «стоят насмерть», демонстрируя свою волю. Очевидно, что в данных рассуждениях нарушается обычная логика, которая как раз таки и предписывает объектам/вещам, подчиняясь детерминизму природных законов, действовать в согласии со своей природой, «стоять насмерть» в кольце своих инстинктов и причинной обусловленности. В то время как человек может свободно выбрать, исходя из обстоятельств и внутренних ценностей, свою стратегию поведения. А не действовать как крокодил из инстинкта. «Разумеется, — пишет Нельсон, — не все «вещности» сотворены равными, и необходимо прожить какую-то часть своей жизни не вещью, чтобы почувствовать разницу» [10, с. 143].

Посмотрим, что бывает, когда человека ставят на одну ступень с вещами.

Джорджо Агамбен в своих работах приводит множество примеров об экспериментах нацистских врачей в концлагерях. Изучая работы Агамбена становится понятным, почему биологическое в человеке, или «голая жизнь», так интересует тоталитарную политику. Агамбен описывает узников концлагерей, которые полностью потеряли человеческое обличье, утратили все человеческие качества, включая речь и возможность что-либо понимать, но при этом биологически остались людьми. Этих Muselmann (лагерное обозначение) практически невозможно было восстановить

в человеческой ипостаси. Они, если вдруг выжили, на всю оставшуюся жизнь оставались наполовину мертвыми, поскольку омертвлению подверглась, прежде всего, их человеческая часть. «Освенцим знаменует собой смерть и разрушение всякой этики, основанной на достоинстве и соответствии норме. Голая жизнь, к которой сводится человек, ничего от него не требует и ни с чем не соизмеряется: будучи абсолютно имманентной, она сама по себе становится единственной нормой... Выжившие приносят из лагеря на землю чудовищную весть о том, что можно утратить достоинство и честь в такой степени, которую даже трудно себе представить, и что жизнь продолжается даже в состоянии полной деградации» [2, с. 75]. Происходит расчеловечивание. Но надо понимать, что прежде чем этих несчастных уничтожали физически в концлагерях, их сначала уничтожили в этико-правовом отношении, отказав в бытии человеком. Нацистские эксперименты пришли потом, сначала установили новые правовые нормы, которые, как полагается, держатся на передовых научных идеях. Например, в 1920 году выходит работа Карла Биндинга и Альфреда Хохе «Санкция на уничтожение жизни, недостойной быть прожитой», в которой поднимается проблема эвтаназии. К. Биндинг, доктор юриспруденции и философии и А. Хохе, профессор медицины доказывают, что в некоторых случаях, жизнь душевнобольных следует прекратить «из милости», что бессмысленная жизнь недостойна того, чтобы быть прожитой, и потому ее стоит помочь прекратить, не попадая под статью «убийство». Согласно этой концепции в феврале 1940 года правительство рейха приняло постановление об уничтожении душевнобольных. «Программа эвтаназии душевнобольных» развернулась практически сразу, и действовала 15 месяцев, до августа 1941 года. Согласно имеющимся данным за 15 месяцев было уничтожено около 60 000 человек [1, с. 178—179]. Агамбен обращает наше внимание, что жизнь можно отнять, не совершая убийство, абсолютно законно. А мы добавляем, что жизнь у душевнобольных была отнята потому, что их не считали людьми. Мы полностью согласны с позицией Ю. Хабермаса, что «человеческая жизнь даже в своих анонимных формах обладает достоинством и требует уважения» [18, с. 49] — человеческая жизнь, начиная с жизни эмбриона и заканчивая любой упокоенной на кладбище жизнью.

Заключение

Человеческая жизнь — это не та жизнь, о которой говорят биологи, не та, которая похожа на механическую работу генов и сводится к материальным процессам. Человеческая жизнь не постигается извне. Мы можем понять, что такое человек, обратившись к внутреннему опыту, который, подчеркнём, может быть и трансцендентальным, а не только чувственным и эмпирическим. Человек существует не так, как все остальные вещи мира. Это понятно через откровение жизни, которое переживается каждым конкретным человеком. Поэтому так радикально сегодня звучит вопрос о человеческой смертности, ценности жизни, переживаемой изнутри, индивидуально, субъективно. Мы не можем дистанцироваться от собственной жизни, но достаточно легко дистанцируемся от жизни другого человека и, в этом смысле, любая другая/чужая жизнь дана нам с внешней стороны и похожа на вещь. Мир вещей открывает себя человеку с внешней стороны, всякое явление остается собой и принадлежит себе, производя лишь внешнюю демонстрацию себя. Мы можем рассматривать человеческое тело как «мешок аминокислот», но это не будет человеком. Как говорит Мишель Анри, «именно жизнь осуществляет дело откровения, она есть что угодно, только не вещь» [3, с. 176]. Можно, конечно, загнать человека в различные классификации, проследить родословную от австралопитеков, неандертальцев, кроманьонцев, но с этой внешней стороны мы не поймем, что такое человек. Хорошо, что у нас, живущих и чувствующих, есть опыт себя, совсем ненаучный и самый достоверный. И хорошо, что у нас есть опыт любви, позволяющий видеть в другом человеке божественный свет и это всегда чудо, которое невозможно стяжать. Но наука привыкла на все смотреть «извне», это методология объективности, пригодная, возможно в материальном мире и становящаяся ядовитой в отношении жизни вообще и человеческой в частности. Сводя человека к количественным показателям, пересчитывая и вгоняя в социальные страты, мы теряем человека вообще. Он становится пустым, лишенным всякого содержания и потому равным всем остальным вещам. Реальность человеческой жизни переживается субъективно. Реальность жизни удерживается в ней самой. Человек — это то, что внутри, «монада, не имеющая окон».

Когда Лейбниц в «Монадологии» говорил о том, что «монада не имеет окон» [9, с. 413], он предполагает закрытость духовной субстанции и связанную с ней внутреннюю свободу. Закрытость монады от влияния извне, со стороны других монад требует с необходимостью присутствие Бога для осуществления взаимодействия между монадами и закон, по которому осуществляется взаимодействие, который у Лейбница называется «предустановленная гармония». Обращаем внимание, что монада — это субстанция духовная; целостность монады осуществляется на уровне духа.

Обращаясь к началу наших рассуждений, можно отметить, что, согласно Книге Бытия Бог сначала сотворил человека, благословил его, а уж потом люди стали рождаться. Получается, что между творением и рождением есть еще обязательный промежуточный шаг — благоговение Бога. Это как раз то, что наука не учитывает, как некоторую промежуточную паузу между возможностью и актуальностью.

1. Агамбен Д. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М. : Европа, 2011. 256 с.

2. Агамбен Д. *Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*. М. : Европа, 2012. 192 с.

3. Анри М. Феноменология жизни // *Логос*. 2011. № 3 (82). С. 172—185.

4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М., 1994. 298 с.

5. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция* / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2017. 320 с.

6. Гёте И. В. *Фауст* : драма. Харьков : Фолио, 2012. 541 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=221403> (дата обращения: 09.07.2020).

7. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // *Логос*. 2017. № 3 (27). С. 35—56.

8. Латур Б. *Политики природы. Как привить наукам демократию* / пер. Е. Блинова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

9. Лейбниц Г.-В. *Сочинения* : в 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. В. В. Соколов ; пер. Я. М. Борисовского и др. М. : Мысль, 1982. 636 с.

10. Лэнг О. *Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества* / пер. с англ. Шаши Мартыновой. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2019. 352 с.

11. Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство защиты от вредных воздействий технообщества // *Социум и власть*. 2020. № 2 (82). С. 19—28.

12. Основные международные договоры по правам человека. Нью-Йорк ; Женева : Информац. центр ООН, 2006. 243 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=118572> (дата обращения: 27.06.2020).

13. Пеннер Р. В. «Технологии себя» в условиях самоизоляции // *Социум и власть*. 2020. № 3 (83). С. 65—73.

14. Тарантул В. З. *Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами* : монография. М. : Языки славянской культуры (ЯСК), 2003. 390 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=73315> (дата обращения: 27.06.2020).

15. Франкл В. Э. *Сказать жизни «Да»*. М. : Директ-Медиа, 2008. 170 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39232> (дата обращения: 11.09.2020).

16. Фуллер С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. Интервью. // *Логос*. 2018. № 5 (28). С. 1—30.

17. Харауэй Д. *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х = A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century* : научно-популярное издание / ред. Д. Жайворонок ; пер. А. Гараджы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 129 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=492869> (дата обращения: 19.07.2020).

18. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы* : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.

19. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // *Логос*. 2017. № 3 (27). С. 1—34.

20. Что такое евгеника? История и определение. URL: <https://zen.yandex.ru/media/alivespace/chto-takoe-evgenika-istoriia-i-opredelenie-5e0103c65fd55f00adfa4fe9>.

21. Шваб К., Дэвис Н. *Технологии Четвертой промышленной революции* : пер. с англ. М. : Эксмо, 2018. 320 с.

References

1. Agamben D. (2011) *Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'*. Moscow, Evropa, 256 p. [in Rus].

2. Agamben D. (2012) *Homo sacer. Chto ostaetsja posle Osvencima: arhiv i svidetel'*. Moscow, Evropa, 192 p. [in Rus].

3. Anri M. (2011) *Fenomenologija zhizni*. Logos, no. 3 (82), pp. 172—185 [in Rus].

4. Biblija (1994). Knigi svjashhennogo pisanija vethogo i novogo zaveta: kanonicheskie. Moscow, 298 p. [in Rus].
5. Bodrijar Zh. (2017) Simuljakry i simuljacija. Moscow, POSTUM, 320 p. [in Rus].
6. Gjote I.V. (2012) Faust. Har'kov, Folio, 541 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=221403>, accessed 09.07.2020 [in Rus].
7. Delanda M. (2017) *Logos*, no. 3 (27), pp. 35—56 [in Rus].
8. Latur B. (2018) Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiju. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. [in Rus].
9. Lejbnic G.-V. (1982) Sochinenija: v 4 t. T. 1. Moscow, Mysl', 636 p. [in Rus].
10. Ljeng O. (2019) Odinokij gorod. Uprazhnenija v iskusstve odinochestva. Moscow, Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh». 352 p. [in Rus].
11. Marinoff L. (2020) *Socium i vlast'*, no. 2 (82), pp. 19—28. [in Rus].
12. Osnovnye mezhdunarodnye dogovory po pravam cheloveka (2006). N'ju-Jork, Zheneva, Informacionnyj centr OON, 243 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=118572>, accessed 27.06.2020 [in Rus].
13. Penner R.V. (2020) *Socium i vlast'*, no. 3 (83), pp. 65—73 [in Rus].
14. Tarantul V.Z. (2003) Genom cheloveka. Jenciklopedija, napisannaja chetyr'mja bukvami. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury (JaSK), 390 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=73315>, accessed 27.06.2020 [in Rus].
15. Frankl V.Je. (2008) Skazat' zhizni «Da». Moscow, Direkt-Media, 170 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39232>, accessed 11.09.2020 [in Rus].
16. Fuller S. (2018) *Logos*, no. 5 (28), pp. 1—30 [in Rus].
17. Harauej D. (2017) Manifest kiborgov: nauka, tehnologija i socialisticheskij feminizm 1980-h. Moscow, Ad Marginem Press, 129 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=492869>, accessed 19.07.2020 [in Rus].
18. Habermas Ju. (2002) Budushhee chelovecheskoj prirody. Moscow, Ves' Mir, 144 p. [in Rus].
19. Harman G. (2017) *Logos*, no. 3 (27), pp. 1—34 [in Rus].
20. Chto takoe evgenika? Istorija i opredelenie. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/alivespace/chto-takoe-evgenika-istorii-i-opredelenie-5e0103c65fd55f00adfa4fe9>, accessed 09.07.2020 [in Rus].
21. Shvab K. (2018) Tehnologii Chetvertoj promyshlennoj revoljucii. Moscow, Jeksmo, 320 p. [in Rus].

For citing: Pogorelskaya E.Yu.
Human nature in the era
of the technical revolution //
Socium i vlast'. 2020. № 5 (85). P. 20—31.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-20-31.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-20-31

UDC 160.1

HUMAN NATURE IN THE ERA OF THE TECHNICAL REVOLUTION

Elena Yu. Pogorelskaya,
University for the Humanities,
Department of Social Psychology,
Associate Professor of the Department Chair
of Social and Cultural
Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 620049,
Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the paradox of modern philosophy and worldview, in which the stated “death of God”, “death of man”, “of author”, “of nature” does not cancel their obvious existence, but in other modes. Topos and functions of classical concepts that define human nature are replaced by objects of information technology activity. The author believes that the technical phenomenon penetrates into modern living processes and partly replaces them. The idea of death and crisis of the transcendental, divine, human and natural is accompanied by their replacement by technical

processes, their specific “revival”. In this regard, human nature itself undergoes certain semantic and material transformations due to necessity. The work describes and analyzes these transformations. The purpose of the work is a specific analysis of human nature in modern scientific and technical doctrine. The author proves that the loss of his ontological status by a person, the reduction of a person to the level of things or biological principles lead to strengthening the foundations of biopower, biopolitics and other forms and methods of influencing a person against his free will in the world.

Methods. The author uses critical analysis of philosophical theses and ideological statements. The work uses hermeneutic, phenomenological humanitarian techniques and procedures, as well as the method of comparative analysis and historical reconstruction of scientific facts.

Scientific novelty. The scientific novelty of the work consists in an attempt to turn the science about man to its foundations, namely, to the foundation of a free, choosing and born in a natural context personality. The novelty of scientific achievements, progressive technologies, technical inventions and new social dispositions does not negate the question of the human nature essence, which is still new and relevant at the present time.

Key concepts:

human nature,
transhumanists,
“shaggy objects”,
actor-network analysis,
eugenics,
“precautionary principle”,
technical.

Для цитирования: Гордеев С. С.

Ограничения и трансформации
в социальном пространстве коронакризиса:
оценки регионов при пандемии COVID-19 //
Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 32—50.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-32-50.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-32-50

УДК 332.12

ОГРАНИЧЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОРОНАКРИЗИСА: ОЦЕНКИ РЕГИОНОВ ПРИ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, заведующий
лабораторией моделей
пространственного развития,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Аннотация

Реальности коронакризиса, обусловленные пандемией COVID-19, во многих случаях становятся определяющими для корректировки перспектив социально-экономического развития. В статье представлены основные результаты исследований социального аспекта пандемии в условиях социальной неоднородности и специфических различий регионов. Основные моменты исследования посвящены анализу динамики распространения пандемии по регионам России, специфике и эффективности социальных ограничений, трансформации социального пространства.

Анализ динамики пандемии проведен по информации четырех крупных промышленных регионов центра России и Урала. В рамках анализа рассмотрен ряд проблемных вопросов результативности социальных ограничений. Среди них: специфика динамики пандемии по регионам в условиях различных вариантов самоизоляции, факторы «Path Dependence» социального пространства, последствия избыточности ограничений, социальная «усталость» и «размывание» требований изоляции. С точки зрения обновления приоритетов трансформации — пространственных преобразований при пандемии — рассмотрены предпосылки перехода от ограничений изоляции к пространственным преобразованиям, региональная специфика занятости, социально-экономические приоритеты пространственной трансформации, проблемно-ориентированное зонирование неоднородного социально-экономического пространства. Проведенное исследование направлено на выработку адекватной реакции власти и общества на проблемы коронакризиса, формирование регионально адаптированного комплекса мер и стратегий социально-экономических преобразований в условиях пандемии, создание основы для решения междисциплинарных вопросов в последующей ситуации «нормальности 2020».

Ключевые понятия:

социальное пространство,
регион,
кризис,
динамика,
пандемия COVID-19,
анализ,
визуализация.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

1. Введение: кризисные последствия пандемии — социальный аспект

Кризисные процессы, обусловленные пандемией, во многом становятся определяющими для перспектив социально-экономического развития. По определению Всемирной организации здравоохранения, пандемия — необычайно сильная эпидемия, охватывающая территории стран, континентов (от греческого «весь народ»). По степени охвата населения пандемия затрагивает многие ключевые глобальные и национальные социально-экономические процессы. Распространение эпидемии коронавируса COVID-19, признанное Всемирной организацией здравоохранения пандемией 11 марта 2020 года¹, требует особого рассмотрения.

Традиционно пандемия рассматривается, в первую очередь, в медико-санитарном аспекте, как заболевание. Закономерности распространения коронавируса COVID-19 по многим характеристикам схожи с распространением некоторых вариантов вируса гриппа. Ключевым условием распространения COVID-19 также являются непосредственные контакты между людьми. Закономерности распространения пандемии неизбежно различаются из-за многочисленных особенностей социального пространства различных регионов и стран. Соответственно, социальный аспект распространения пандемии требует отдельного рассмотрения.

Распространение пандемии COVID-19 (далее — пандемии) зависит множества факторов, определяющих характер и интенсивности социальных коммуникаций на территории, в общем виде — от *специфики социального пространства*. Динамика распространения пандемии (далее — динамика пандемии) во многом может меняться при введении ряда запретов, ограничительных мер — *социальных ограничений*, меняющих структуру отношений в социальном пространстве.

Именно с *социальным аспектом* во многом связаны изменения многих характеристик распространения пандемии по территории. Медико-эпидемиологические процессы пандемии экстерриториальны и во многом единообразны (существует не-

мало моделей распространения эпидемии в однородной среде). Социальные процессы, затрагиваемые при пандемии, более разнообразны и неоднородны. Они заметно различаются территориально и существенно трансформируются под влиянием принимаемых мер противодействия пандемии. В условиях многообразия состояния социальных пространств, в рамках традиционных преимущественно медико-эпидемиологических подходов, практически невозможно получить корректные оценки и прогнозы социальных, а тем более социально-экономических последствий пандемии.

Многообразие социальных факторов, влияющих на распространение пандемии, велико. Именно совокупностью социальных факторов обусловлены значительные различия в динамике распространения пандемии по территориям. Среди них: численность и плотность населения, степень изолированности территорий и социальных групп, интенсивность межрегиональных и международных коммуникаций, мобильность населения и процессы миграции, экономическая специализация территории и структура занятости, культурные традиции, образ жизни и общения, организация общественных пространств и многое другое. Сочетание таких факторов, уникальное для каждой территории и предопределяет многообразие особенностей социального аспекта пандемии.

Проблемы оценки гуманитарного кризиса, связанного с пандемией, также крайне многообразны, а масштаб социально-экономических последствий таков, что термин «*коронакризис*» стал применяться для отражения последствий пандемии в различных аспектах общественного развития. Негативные социально-экономические последствия коронакризиса глобальны. Они выделяются на фоне всех кризисных последствий, начиная со времен Второй мировой войны. Кроме того, проблемы коронакризиса усугубили кризисные процессы предшествующих лет [3; 7].

В условиях многообразия факторов влияния и местной специфики заметно различается результативность мер противодействия пандемии. Существенные отклонения в результативности решения проблем пандемии заметны во множестве стран, начиная с США. Результативность мер противодействия пандемии (начиная с простейших социальных ограничений, профилактических санитарных мер и др.) существенно меняется в условиях

¹ Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 01.10.2020).

отдельных социальных пространств и управленческих практик. Очевидно, что в условиях пандемии любые стандартные шаблонные меры без учета факторов территориальной неоднородности и специфики социальных процессов будут малорезультативными, но окажутся весьма затратными для экономики и социума.

Далее рассмотрены результаты исследований ряда закономерностей социального аспекта пандемии в условиях региональной специфики. Проведенный анализ позволяет определить ряд основных положений, имеющих особое значение *для повышения эффективности управления в нестандартных условиях пандемии*, поиска решений по выработке адекватной стратегии противодействия со стороны власти и общества. Исследования проведены с рассмотрением социального аспекта пандемии в ряде ведущих регионов России.

2. Основы исследования социального аспекта пандемии

Специфичная по своей медико-биологической основе пандемия, особенно на начальной стадии, распространяется как нежданный и непредсказуемый процесс. По сути, она является классическим непредсказуемым «черным лебедем» [13]. В условиях непредсказуемости «черного лебедя» рациональное и исчерпывающее объяснение подобных процессов может быть сделано с запозданием и лишь путем наблюдения его фактического развития, то есть «задним числом». В момент возникновения многие уникальные закономерности пандемии неизбежно недостаточно изучены, особенно с точки зрения эффективности мер противодействия.

Далее многие закономерности социального аспекта пандемии неизбежно меняются под влиянием множества различных особенностей как на уровне стран и регионов, так и на уровне более мелких территориальных образований. Изменчивость закономерностей, в свою очередь, способствует преобразованию социального пространства. Неизбежно появляются сферы повышенной контактности и угроз заражения. В подобных условиях изменчивости и неполной формализации социальных процессов классические универсальные математические модели малоприменимы. Динамизм — быстрая смена ситуации — еще более усложняет подробную формализацию наблюдаемых социальных процессов. Далее сюда добавляется влияние специфических

местных социокультурных особенностей и множества мер противодействия пандемии в виде разнообразных социальных ограничений.

В подобных условиях формирование универсальной целостной модели социального пространства в пандемии практически нереально. В лучшем случае реально рассматривать только локальные модели отдельных процессов. Среди них наибольшую известность получили интерактивные модели, отражающие сценарии распространения заболевания с вариацией различных параметров (скорость, численность заболевших, смертность и др.). Такие модели позволяют рассматривать параметры того или иного схематичного сценария пандемии. Однако в подобных весьма упрощенно схематичных сценарных локальных моделях реальная картина социально-экономических последствий, а тем более их территориальная специфика, однозначно выпадают из рассмотрения.

При поиске решений в подобных условиях частичной формализации и частичной непредсказуемости традиционно преобладают экспертные эвристические оценки. Далее с учетом рассмотренной специфики исследование социального аспекта пандемии корректно рассматривать в виде развивающегося процесса. Его особенностями являются *адаптация методических основ системного анализа*, ориентированного на рассмотрение сложных, динамичных, изменчивых систем, а также *интеграция ранее апробированных элементов инструментария*. Здесь ряд направлений исследования приобретает междисциплинарный характер.

В рассматриваемых условиях следует отметить *ряд следующих положений по исследованию социального аспекта пандемии*.

Исследование подобной динамичной ситуации связано с анализом «коротких» траекторий и точек смены трендов, ранее отмеченные в других проблемах социально-экономической динамики [6].

В условиях противоречивости локальных целей и задач многие процессы целесообразно рассматривать с точки зрения поиска компромиссных решений. Здесь важную роль играют многокритериальные оценки в соответствии с принципом Парето оптимальности [9].

В исследованиях социальных последствий особое место занимает проблема зависимости социальных процессов от траектории предшествующего развития (известная как «Path Dependence» [17; 20] или «эффект колеи» [1]). Круг вопросов, рассматриваемых

в рамках этой проблемы, крайне разнообразен. К «местной колее» относится наличие многих социокультурных традиций, определяющих большой объем и интенсивность контактов между людьми (большая численность семей, традиции общения родственников, частота и масштаб застолий и др.). К другому аспекту «местной колей» относятся вопросы унаследованной практики управления (например, когда строгость декларируемых мер обесценивается необязательностью их исполнения).

Организация подобных исследований традиционно связана с использованием «методологии мягких систем "soft systems methodology"» [16]. Эта методология позволяет проводить уточнения постановок задач непосредственно в процессе исследования и поиска решений. Определяемые при таком многоэтапном процессе ключевые положения и модели становятся некоторой базой для их уточнения, адаптации и развития в дальнейшем.

Особое место здесь занимают специализированные информационно-адаптированные подходы. Подобные адаптированные подходы [5; 8; 18] обеспечивают сочетание эвристических методов анализа, исследование графики и формализованного математического аппарата оценок.

Дальнейшая адаптация рассмотренных общесистемных основ исследования прежде всего связана с определением *основ анализа социальных преобразований при пандемии*. Среди них особое место занимает *оценка результативности региональных социальных ограничений и условий трансформации социального пространства*.

Основы оценки результативности социальных ограничений и условий трансформации социального пространства

Ключевым моментом, имеющим особое значение для ограничения распространения пандемии, является *снижение количества контактов, создающих угрозы заражения между людьми*, при выполнении всех требований необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения (далее — *обеспечения жизнедеятельности*). В общем случае изменение числа контактов, создающих угрозу распространения пандемии, связано с рассмотрением двух классов изменений в социальном пространстве.

Первый — *фрагментарная деформация (частичное сжатие) социального простран-*

ства (при введении социальных ограничений, направленных на сокращение контактов между людьми).

Второй — *трансформация (реструктуризация) социального пространства* с перестройкой системы отношений по обеспечению жизнедеятельности (с внедрением системы мер, направленных на пространственное социальное дистанцирование). Далее автоматически следует сокращение контактов между людьми в рамках текущей деятельности.

Подобные изменения в той или иной степени наблюдаются в любой сложной структуре социального пространства. Из-за местной специфики они могут заметно различаться как по влиянию на распространение пандемии, так по социально-экономическим последствиям.

Специфика исследования социального аспекта пандемии требует уточнения ряда понятий. Далее все вводимые *социальные ограничения* в работе будут объединены понятием *изоляция*, а при детализации — *ограничения изоляции* (в практике РФ самоизоляция) или в отдельных случаях карантинные ограничения.

В общем случае для противодействия распространения пандемии используется множество социальных ограничений — *система социальных ограничений*. Для каждой конкретной ситуации и любой территории системы вводимых социальных ограничений могут существенно различаться. Подобные системы социальных ограничений (в управленческой практике системы мер) условно классифицируются по нескольким типам, от «мягких» до самых «строгих» ограничений — карантин. Подобные системы мер соответственно существенно различаются социально-экономическими последствиями. Требования изоляции могут различаться: от «мягких» общих рекомендаций по самоизоляции, до «жестких», с ограничением передвижения и карантин для отдельных групп населения, введения пропускной системы.

Абсолютный карантин с изоляцией 100 % населения в региональных социально-экономических системах невозможен из-за необходимости обеспечения жизнедеятельности. Общее число контактов между людьми, необходимое для обеспечения жизнедеятельности, определяется множеством факторов. Среди них: территориальная специфика занятости, характер социальных коммуникаций, особенности психологии общественного поведения и др. Подобная местная специфика будет неизбежно

отражаться на результативности социальных ограничений.

Введение социальных ограничений сокращает часть контактов, но в то же время создает ряд новых угроз, связанных с деформацией социального пространства — образованием проблемных, опасных зон временных скоплений людей. Причин для таких скоплений, прежде всего в городской среде, множество. Например, очереди: у дверей почтовых отделений, банков и других учреждений, доступ в которые ограничен, возросшие очереди в одних магазинах из-за закрытия других (более крупных), новые очереди в медицинские учреждения и за пособиями и т. д. Сюда добавляются скопления людей на остановках и в общественном транспорте. Здесь угрозы связаны с появлением новых проблем «часов пик» (при нерегулярности движения транспорта и неизменности рабочего графика продолжающих работу предприятий и организаций).

Далее неизбежно образуются зоны непропорционально высокой (избыточной) концентрации людей в социальном пространстве и «группы риска» из лиц, побывавших в местах скоплений. В результате минимизация числа контактов, создающих угрозу распространения пандемии, не достигается.

Появление подобных мест (отдельных городских объектов или зон) временной избыточной (пиковой) концентрации населения могут свести на нет результаты любых «жестких» мер и ограничений изоляции. Наоборот, более «мягкие» меры, за счет более существенного преобразования (реструктуризации) социального пространства позволяют избежать избыточной концентрации населения и могут показать лучший результат по минимизации числа контактов.

Для выработки адекватной реакции власти и общества на проблемы коронакризиса в приведенных ниже результатах исследования социального аспекта пандемии отмечены следующие две группы наиболее значимых вопросов.

Первые — с точки зрения результативности социальных ограничений. Среди них:

- особенности динамики пандемии по регионам при различии социальных ограничений;
- результативность изоляции и «Path Dependence» регионов;
- временные проблемы: социальная «усталость» и «размывание» ограничений.

Вторые — с точки зрения перспектив пространственной трансформации, прове-

дения пространственных преобразований в коронакризис. Среди них:

- особенности перехода к трансформации социального пространства при пандемии;
- ограничения социальных преобразований в оценках структуры занятости;
- проблемно-ориентированное зонирование неоднородного социального пространства.

Результаты рассматриваемого исследования социального аспекта пандемии: оценки результативности региональных социальных ограничений и условий трансформации социального пространства в коронакризис представлены ниже.

3. Сочетание социальных ограничений и пространственных трансформаций при пандемии

3.1. Результативность социальных ограничений на примере индустриальных регионов России

Исследование результативности социальных ограничений связано с анализом региональной динамики числа выявленных зараженных (далее динамики пандемии, динамики заражения). Анализ подобной динамики связан с адаптацией статистического аппарата для оценки сложных, неоднородных и нестабильных процессов.

Ниже рассмотрены результаты анализа динамики пандемии в индустриальных субъектах РФ (регионов). Рассматриваемые регионы центра России и Урала заметно различаются по численности и имеют свои специфические характеристики социального пространства. Однако все они более чем на три четверти представлены городским населением, наиболее чувствительным к социальным ограничениям. Основные моменты анализа были связаны с оценкой результативности различных социальных ограничений, введенных в этих регионах для снижения динамики заражения.

Среди них:

- *Ярославская область* — с «мягким» режимом ограничений самоизоляции для сокращения числа контактов, самоизоляции для населения из «групп риска», а также мер профилактики и ограничения скоплений людей;
- *Санкт-Петербург* — со схожим «мягким» режимом при более строгих ограничениях для отдельных групп

риска (возрастных, имеющих хронические заболевания и т. д.);

- *Свердловская область* — со «строгими» ограничениями (самоизоляция с правом покидать места проживания только по определенному перечню причин первой необходимости);
- *Челябинская область* — с аналогичными «строгими» ограничениями, но при несколько другой отраслевой и пространственной структуре занятости населения.

Анализ проводился по выборке информации из официальных отчетных материалов по мониторингу текущей ситуации в РФ и регионах в соответствии с требованиями «Коммуникационного центра Правительства РФ по ситуации с коронавирусом»¹ (по числу выявленных заражений, еженедельно). На начальной стадии пандемии, когда все зараженные немедленно изолировались и госпитализировались, первичные данные о числе выявленных заражений не связаны с систематическими погрешностями «хорошей» статистической отчетности, более известными как «лукавая цифра» [15]. Рассмотренный временной интервал (первые два месяца пандемии в РФ в условиях самоизоляции с 28 марта по 6 июня 2020 года) достаточен для отражения основных особенностей динамики пандемии. Сформированная подобным образом информационная база обеспечивала достаточно репрезентативность исследования.

Особенности динамики пандемии по регионам при различии социальных ограничений

Анализ динамики пандемии связан с оценкой быстро меняющихся закономерностей распространения заражения. В подобных случаях анализа рассматривается «составная» динамика процесса нескольких периодов. Такая динамика характеризуется принципиально отличающимися друг от друга трендами каждого периода.

Для рассматриваемого весьма ограниченного временного интервала предлагается рассмотреть три периода: первый — *начальный период* (появления и первичного распространения пандемии), второй — *период высокого экспоненциального роста*, третий — *период замедления роста*.

Общая картина и характеристики динамики распространения эпидемии (общее чи-

сло выявленных заражений еженедельно и еженедельный прирост) приведены по России (рис. 1) и регионам (рис. 2). На итоговой составной траектории динамики пандемии по РФ (рис. 1) три рассматриваемые периода разделены условными границами (см. скобки).

Очевидно, что в первый начальный период, несмотря на введение социальных ограничений в формате самоизоляции, наблюдается «хаотичная» крайне неоднородная динамика со «скачками» роста и кратным увеличением числа выявленных заражений. Подобная неоднородная динамика (в течение месяца, что вдвое превышает инкубационный период COVID-19) обусловлена возникновением неконтролируемых «очагов» заражений (где счет заражений идет на десятки и сотни). По сути, это микрзоны, точки распространения пандемии. Фактор множества микрзон — неконтролируемых небезопасных скоплений людей (например, в медучреждениях) становится определяющим для существенного увеличения числа заражений и становления траектории высокого экспоненциального роста. Проблема «скачков» роста и малой результативности ограничений в начальный период относится ко всем рассматриваемым регионам.

- общее число выявленных заражений (нарастающим итогом, чел.), в том числе в период высокого роста (отмечен границами см. скобки, траектория этого периода выделена увеличенными значками и «утолщением» линий);
- экспоненциальный тренд числа заражений периода высокого роста (отмечен пунктиром) с точностью аппроксимации R;
- еженедельный прирост выявленных заражений (чел.);
- нелинейный тренд еженедельного прироста числа заражений (отмечен сплошной линией) с точностью аппроксимации R.

Рассмотрение траекторий роста числа выявленных заражений (см. рис. 1 и рис. 2) показывает, что в динамике пандемии особые угрозы создает период высокого экспоненциального роста. Для этого периода характерен *экспоненциальный тренд* роста числа заболеваний (с достоверностью аппроксимации близкой единице по всем регионам). Сходство экспоненциальных трендов у рассмотренных регионов (несмотря на различную «строгость» социальных ограничений) указывает на общность динамики роста. В общем случае подобные экспоненциальные тренды роста характерны для «свободного»

¹ Официальная информация о коронавирусе в России: Коммуникационный центр Правительства РФ по ситуации с коронавирусом. URL <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 01.10.2020).

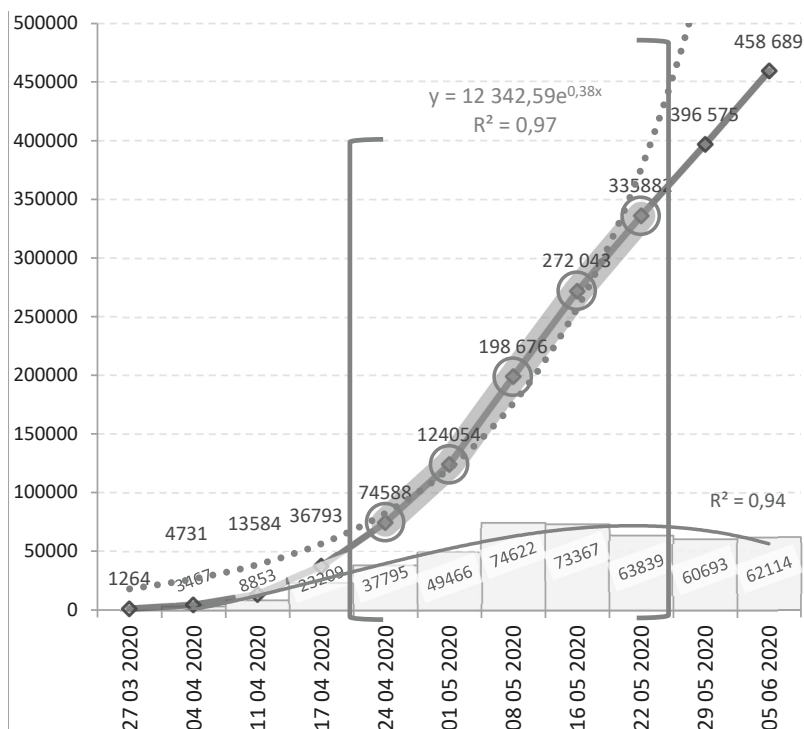

Рис. 1. Общая картина и характеристики динамики выявленных заражений по России в условиях социальных ограничений (самоизоляции)

• общее число выявленных заражений (нарастающим итогом, чел.), в том числе, в период высокого роста (отмечен границами см. скобки, траектория этого периода выделена увеличенными значками и «утолщением» линий — \bullet); • экспоненциальный тренд числа заражений периода высокого роста (отмечен пунктиром — $\dots\dots\dots$) с точностью аппроксимации R^2 ; • еженедельный прирост выявленных заражений (чел.); • нелинейный тренд еженедельного прироста числа заражений (отмечен сплошной линией — —) с точностью аппроксимации R^2 .

распространения пандемии. При общности закономерностей распространения пандемии по рассмотренным регионам в параметрах траекторий роста числа заражений тем не менее по периодам заметен ряд отличий.

Стартовая динамика пандемии начального периода во многом определяется «первичным внешним заносом». Динамика начального периода в более открытых и коммуникативных регионах центра России (Санкт-Петербург и Ярославская область), ожидаемо опережала аналогичную в более отдаленных и изолированных регионах Урала (Свердловской и Челябинской областей).

Динамика последующего периода высокого экспоненциального роста в разных регионах во многом схожа (см. рис. 2). В ней заметно появление какого-либо однозначно классифицируемого, очевидного спада числа заражений как следствие введения масштабных социальных ограничений. Наоборот, при детализации траекторий роста в сопоставимом виде (см. рис. 3) проявляется неожиданные тенденции. Регионы с более

мягкими социальными ограничениями в период высокого роста имеют более низкую, предпочтительную траекторию роста числа заражений, нежели регионы с более «жесткими» требованиями изоляции.

Дальнейшая динамика периода замедления роста еще более подчеркивает отмеченное различие тенденций роста числа заболеваний по регионам, вне зависимости от строгости социальных ограничений. Траектории прироста численности заражений по регионам (нелинейного тренда, см. рис. 2) в этот период уже заметно различаются. Замедление прироста числа зараженных в регионах Урала со строгими ограничениями незначительное, в то время как у других регионов с более «мягким» режимом (Ярославская область, Санкт-Петербург) тренды прироста изменились в сторону уменьшения (см. рис. 2, смена направлений прироста в полиномиальных трендах 3 и 4 степени, с достоверностью аппроксимации, близкой единице).

— общее число выявленных заражений (нарастающим итогом, чел.),

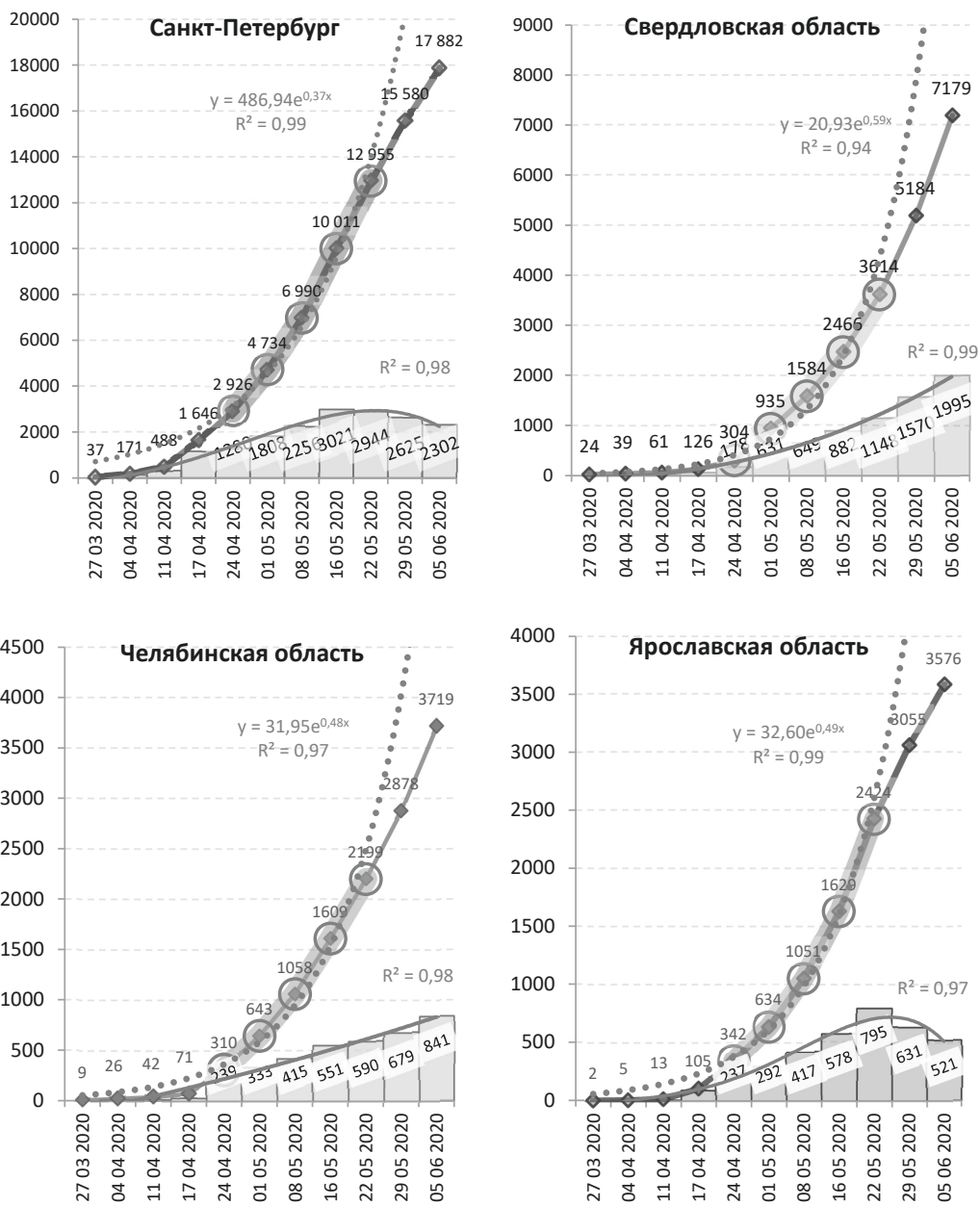

Рис. 2. Общая картина и характеристики динамики выявленных заражений по регионам в условиях социальных ограничений (самоизоляции)

• общее число выявленных заражений (нарастающим итогом, чел.), в том числе, в период высокого роста (отмечен границами см. скобки, траектория этого периода выделена увеличенными значками и «утолщением» линий — \bullet); • экспоненциальный тренд числа заражений периода высокого роста (отмечен пунктиром — \dots) с точностью аппроксимации R^2 ; • еженедельный прирост выявленных заражений (чел.); • нелинейный тренд еженедельного прироста числа заражений (отмечен сплошной линией — $_$) с точностью аппроксимации R^2 .

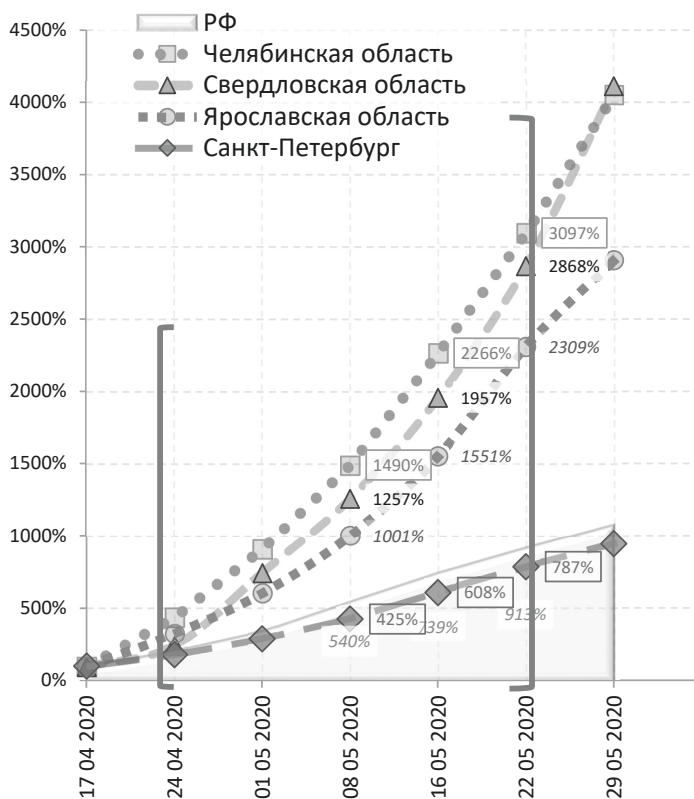

Рис. 3. Региональные траектории периода высокого экспоненциального роста: общее число выявленных заражений по регионам и РФ (в процентах от базового уровня 17.04.2020), период высокого роста числа заболеваний отмечен границами интервала (см. скобки)

в том числе в период высокого роста (траектория этого периода выделена увеличенными значками и «утолщением» линий);

- экспоненциальный тренд числа заражений периода высокого роста (отмечен пунктиром) с точностью аппроксимации R;
- еженедельный прирост выявленных заражений (чел.);
- нелинейный тренд еженедельного прироста числа заражений (отмечен сплошной линией) с точностью аппроксимации R.

Результативность изоляции и «Path Dependence» регионов

В общем случае, строгость социальных ограничений должна способствовать сокращению числа контактов между людьми создающих угрозу заражения. Подобное сокращение, при прочих равных условиях, будет способствовать снижению динамики

числа заражений. Однако, как видно из приведенных выше результатов анализа, реальная картина с динамикой пандемии в регионах в условиях социальных ограничений оказывается иной.

Рассмотренная неоднородная начальная «стартовая» динамика, переходящая в динамику высокого экспоненциального роста, указывает на *сравнительно низкую результативность «жестких» сценариев введения масштабных региональных социальных ограничений*. При введении ограничений изоляции в социальном пространстве неизбежно возникают новые проблемы «пространственной деформации» — неравномерного перераспределения социальной нагрузки на структуры обеспечения жизнедеятельности, временного «дефицита» товаров и услуг при неравномерном сжатии рынков, а также множества других негативных последствий. В условиях подобной масштабной несбалансированности многих процессов обеспечения жизнедеятельности последствия введения ряда социальных

ограничений могут привести к избыточной концентрации людей в определенных местах и способствовать распространению пандемии.

Инерция предшествующего развития определяемая как «Path Dependence» («эффект колеи») неизбежно отражается на исполнении многих ограничений изоляции. Унаследованные традиции обеспечения жизнедеятельности в сочетании с различными местными особенностями, во многих случаях будет определяющим для реальной результативности многих формально вводимых социальных ограничений. Проблемы управленческих стереотипов «эффекта колеи» особенно проблематичны в условиях деформируемого неоднородного социального пространства и «жестких» сценариев изоляции. Кроме того, следует отметить, что регионы с более мягкими ограничениями при меньших потерях имеют существенно более широкие возможности преобразований для экономики и социума.

В общем случае при существенных потерях для экономики и социума результативность любых сценариев социальных ограничений, без увязки с унаследованными пространственными требованиями обеспечения жизнедеятельности (традиционно находящимися на втором плане, как «Path

Dependence»), будет существенно ниже ожидаемой.

Временные проблемы: социальная «усталость» и «размывание изоляции»

Перспективы замедления роста числа заражений в социальном пространстве регионов по мере ухода с траектории экспоненциального роста могут существенно различаться (рис. 4). По мере действия социальных ограничений могут появляться новые факторы, меняющие результативность изоляции по территориям.

Избыточные малообоснованные ограничения (декларируемые, но бессистемно и бесконтрольно исполняемые и не воспринимаемые значительной частью общества) при формальной значимости имеют минимальную результативность для противодействия распространению пандемии. Такие ограничения, малозначимые с точки зрения реального противодействия пандемии, обычно характерны для «тиражируемых» по территориям «жестким» сценариям изоляции. Для ситуаций, когда декларативная строгость введенных ограничений дополняется необязательностью, формальностью их исполнения. Очевидная

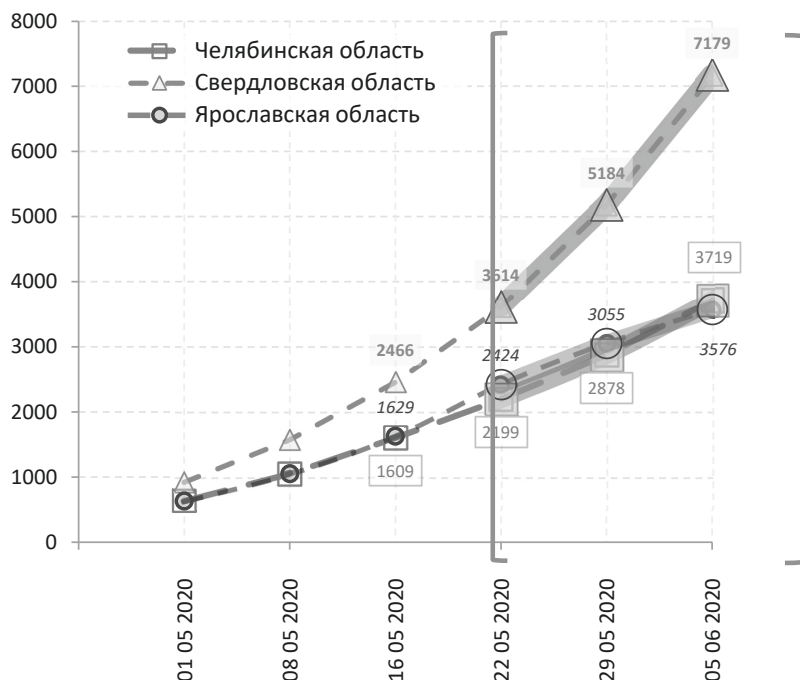

Рис. 4. Траектории периода замедления роста общего числа выявленных заражений (чел.) по регионам: траектории в границах рассматриваемого периода (см. скобки, выделены увеличенными значками и «утолщением» линий — ◻)

избыточная «жесткость» (например, запрет выхода в лес при отсутствии каких-либо контактов с окружением и др.) однозначно указывает на необоснованный приоритет ограничений изоляции, над более сложными в реализации мерами пространственной трансформации (начиная с простейших: санитарно-профилактических и др.). Кроме того, для избыточных ограничений характерны непропорционально высокие, социально-экономические потери экономики и социума, заметные по изменению качества жизни (например, при одинаковых ограничениях для мегаполисов, малых городов и сельской местности).

Избыточность ограничений все более явно проявляется по мере роста продолжительности действия социальных ограничений. Временные различия «выравнивания» динамики пандемии по регионам (см. таблицу), создает предпосылки для роста избыточных ограничений. При длительности пандемии *проблема накопления последствий избыточных социальных ограничений обостряется*.

Различия динамики замедления пандемии по регионам очевидны (от существенного, до малозаметного снижения, см. рис. 5). Сюда также добавляются локальные колебания динамики и последующие «всплески» числа заражений. Подобная

«Выравнивание» динамики пандемии по регионам РФ по числу выявленных заражений за неделю: % к числу за предшествующую неделю

Регион	01.05.2020	08.05.2020	16.05.2020	22.05.2020	29.05.2020	05.06.2020
РФ	131 %	151 %	98 %	87 %	95 %	101 %
Челябинская область	139 %	125 %	133 %	107 %	115 %	124 %
Свердловская область	354 %	103 %	136 %	130 %	137 %	127 %
Ярославская область	123 %	143 %	139 %	138 %	79 %	83 %
Санкт-Петербург	141 %	125 %	134 %	97 %	89 %	88 %

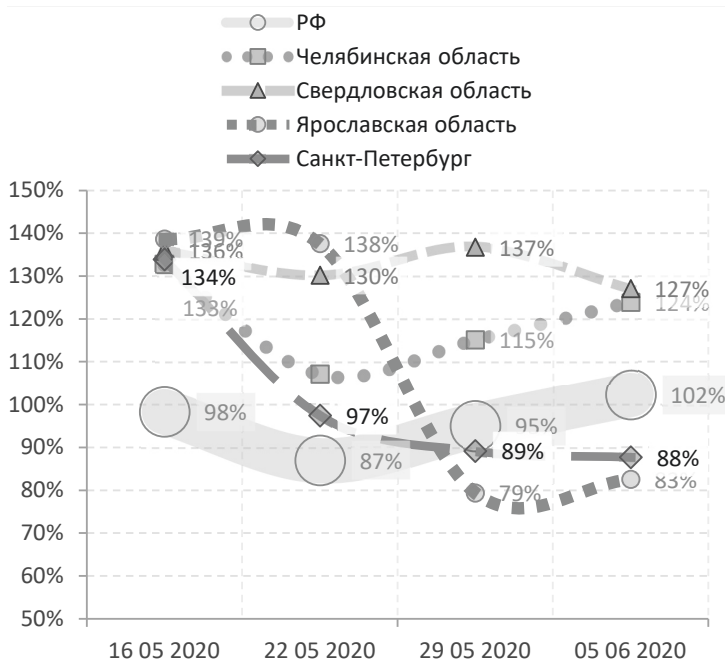

Рис. 5. Различия динамики замедления пандемии по РФ и регионам — рост (снижение) числа выявленных заражений за неделю, в процентах от выявленных заражений за предшествующую неделю

непредсказуемость динамики указывает на вероятную длительную перспективу выхода из пандемии (от многих месяцев до года и более). Длительность действия избыточных социальных ограничений в ряде случаев может оказаться критичной для экономики и социума.

Малая результативность любых длительных социальных ограничений, не воспринимаемых большинством общества (при падении доверия к их обоснованности), очевидна. Подобная ситуация неизбежно приводит к росту социальной «усталости» с соответствующими негативными последствиями. Среди них постепенное *«размывание» требований изоляции*. Далее следует потеря доверия и снижение результативности всей системы социальных ограничений, а также других мер органов власти. Здесь отчасти показательны неоднозначные итоги от введения других длительных запретительных мер, не связанных с карантинами, например «сухого закона».

3.2. Перспективы пространственных трансформаций в коронакризис

Особенности перехода к трансформации социального пространства при пандемии

В условиях изложенных выше проблем, связанных с введением социальных ограничений, возможности трансформации социального пространства (пространственное рассредоточение людских потоков, начиная с простейших преобразований городской среды) остаются недооцененными. При снижении результативности ограничений изоляции, смещение приоритетов в сторону мер связанных с трансформацией, может дать существенно лучший результат, нежели формальная пролонгация социальных ограничений. Пространственные социальные преобразования (трансформация) неизбежно становится условием эффективности многих социальных ограничений. Причем подобные меры особо значимы для решения наиболее проблемных вопросов в социальном пространстве.

Трансформация в условиях коронакризиса, в первую очередь, связана с реорганизацией социального пространства, в рамках преобразования различных общественных пространств, начиная с городской среды. Среди основных направлений пространственных преобразований, в быстро меняю-

щихся условиях пандемии: планирование загрузки основных городских общественных мест в условиях социального дистанцирования, обновление транспортных схем и смена графиков работы общественного транспорта, отдельные моменты перспективного пространственного развития и др.

Принципиальные сложности рассмотрения вопросов пространственных преобразований при пандемии, прежде всего, связаны с экспоненциальными закономерностями распространения коронавируса. Они весьма сложны для восприятия и требуют пересмотра ряда управленческих парадигм и практик, где традиционно рассматриваются линейные закономерности.

Экспоненциальные закономерности, существенно осложняют оценки угроз заражений в случайных слабо структурируемых группах людей. При малозначимых различиях последствий внешне схожих ситуаций могут кардинально различаться. Так, в однородной социальной среде при занесении вируса одиночным носителем в группу с эпидемически опасными контактами из 30 человек (эта цифра реальна для общественного транспорта), перераспределение этих лиц по другим схожим группам впоследствии создаст угрозы заражения уже для 900 человек. В сравнении при аналогичном сценарии для групп с контактами из 3 человек угрозы появляются только для 9 человек.

Различие числа угроз на два порядка в рассмотренном примере указывает на ряд *специфических особенностей подготовки пространственных преобразований в условиях пандемии*. В условиях угроз заражений значительно более устойчивыми оказываются социальные системы, построенные по принципу интеграции *малых социальных групп*. Одним из новых, дополнительных критериев оценки преобразований социального пространства становится *рассредоточение людских потоков и минимизация численности любых групп*, связанных с обеспечением жизнедеятельности. Приоритетом становится реформативное преобразование социального пространства для малых социальных групп (только с необходимыми непосредственными контактами, взамен прежних более крупных и контактных). Сюда добавляется еще требования минимизации зон эпидемически опасной концентрации населения, минимизации потерь для качества жизни в системе мер поддержки социума и экономики и др.

Мероприятия по трансформации социального пространства более сложны для

реализации, нежели введение самоизоляции и практический опыт здесь минимален. Однако по мере обострения проблем коронакризиса, при последующих «всплесках» пандемии, необходимость дополнения сценариев изоляции, соответствующими (по сути компромиссными) мерами пространственной трансформации становится все более очевидной.

*Ограничения
социальных преобразований
в оценках структуры занятости*

Результативность ограничений и преобразований в социальном пространстве во многом определяется масштабом охвата населения территории. Однако требования обеспечения жизнедеятельности *делает необходимым продолжение работы ряда направлений инфраструктуры, а также целого ряда предприятий и организаций непрерывного цикла (далее — сферы жизнеобеспечения)*. Ограничения для социальных преобразований во многом отражаются в специфике унаследованной структуры занятости территорий (еще один аспект «Path Dependence»).

Существование *сферы жизнеобеспечения* неизбежно предполагает значительное число «выпадающих» из изоляции жителей. Очевидно, что большое число работников в сфере жизнеобеспечения, их неравномерное распределение создает предпосылки для концентрации людей на определенных производственных и социальных объектах, что неизбежно снижает результативность социальных ограничений. Численность работников сферы жизнеобеспечения определяется социально-экономической спецификой и может существенно различаться по территориям. Учет фактора «выпадающего» из изоляции работающего населения является важным элементом организации социальных ограничений и пространственных трансформаций.

Различия в отраслевом распределении числа работающих в регионах значительны (определены по данным Росстата РФ¹). Подобные различия явно выражены при сопоставлении данных города Москвы (являющимся неким неформальным эталоном введения социальных ограничений и управленческих преобразований) и Челя-

бинской области (типичного индустриального региона Урала). На диаграммах отраслевой структуры занятости (рис. 6) доли работающих по отраслям ранжированы по пяти категориям значимости для жизнеобеспечения (от наименьшей со светлой заливкой к наибольшей с темной заливкой). Очевидно, что представленные структуры численности занятых в субъектах РФ (город Москва и Челябинская область) во многом различаются, что отражают существенную разницу в доле «выпадающих» из изоляции работников сферы жизнеобеспечения.

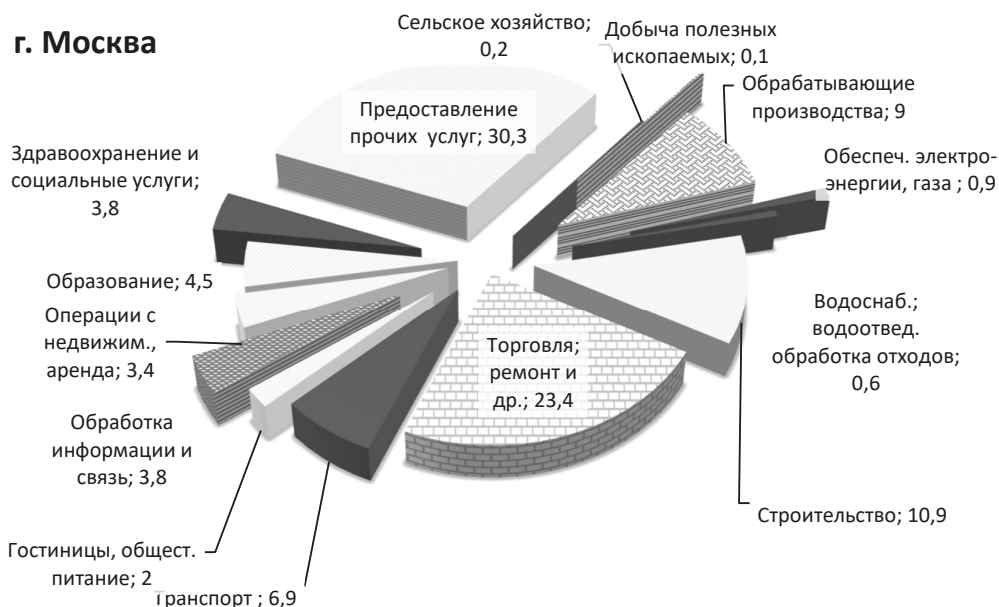
Если в условиях строгих ограничений (карантина) при сложившейся отраслевой структуре занятости, доля работающих в Москве уменьшается до 20—25 % (от общего числа), то в Челябинской области эта величина будет вдвое больше (только около 50 %). Пространственная структура занятости (распределение работающих по территории), также неоднородна. Фактически в ряде территорий в рамках строгих социальных ограничений можно говорить лишь об *изоляции меньшинства*.

Подобная ситуация имеет объективные причины и определяется структурой экономики. Так, в Челябинской области находится одна из крупнейших в России группа непрерывно действующих производств (металлургия, атомная промышленность и др.) с соответствующей долей инфраструктуры. Кроме того, в регионе невелика численность занятых в сфере услуг и «офисных» служащих (на фоне крупных предприятий численность работников отдельных точек сферы услуг ничтожна). Попытки увеличения численности изолированных за счет масштабной приостановки любых мало контактных структур в конечном итоге дает больше избыточного ущерба — необоснованных потерь качества жизни населения. Также частично из строгих ограничений изоляции неизбежно будут частично выпадать члены семей работающих, что еще более понижает масштаб изоляции. В условиях существенной численности работающих, «выпадающих» из изоляции, результативность социальных ограничений будет неизбежно ниже, а *значимость пространственных преобразований, в первую очередь городской среды, выше*.

В общем случае региональная специфика пространственной и отраслевой структуры занятости, а также соответствующая система расселения во многом определяют как роль социальных ограничений и мер пространственной трансформации, так и их совместную результативность.

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения 01.10.2020).

г. Москва

Челябинская область

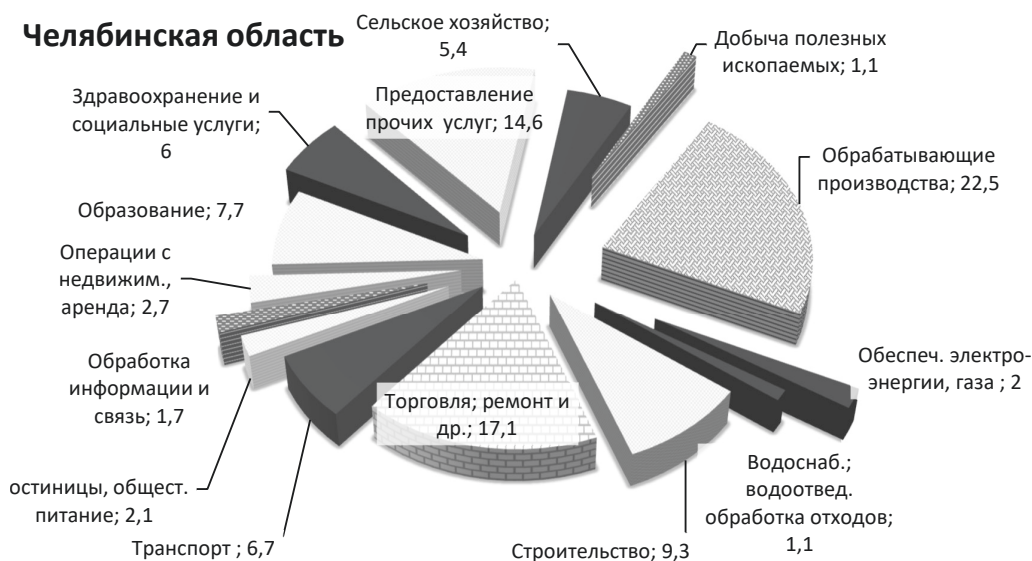

Рис. 6. Распределение численности занятых в экономике, по значимости видов деятельности для сферы жизнеобеспечения в г. Москва и Челябинской области (% от всего занятых)

Проблемно ориентированное зонирование неоднородного социального пространства

Наиболее сложные проблемы противодействия пандемии прежде всего характерны для масштабных городских пространств, крупных городов — региональных центров коммуникаций. Именно здесь отсутствие

результативных мер по реорганизации городской среды создает наибольшие угрозы распространения пандемии. Далее неизбежны новые риски и нарастание остроты взаимосвязанных проблем.

Очевидно, что проблемы коронакризиса весьма разнообразны, а возможности предшествующих унаследованных управленческих практик ограничены. Апробированные

практики столичного мегаполиса Москвы, как лидера преобразований и инициатора введения социальных ограничений, только ограниченно применимы в большинстве других субъектов РФ. Условия «сверхурбанизации» Москвы: однородности городского пространства с высокой концентрацией населения при плотной многоэтажной застройке, сложной транспортной составляющей, специфической структурой занятости во многом уникальны. Угрозы эпидемически опасных скоплений населения в «супермегаполисе» возникают даже при простом передвижении жителей по улице. Отличия городского социального пространства столичного мегаполиса от типичного регионального более чем существенны. В регионах, где значительная часть населения проживает в сравнительно изолированных условиях небольших городов и сельской местности, условия и требования к социальным преобразованиям иные.

В условиях местной специфики адаптируемые региональные практики и подходы к решению проблем коронакризиса будут более результативными, нежели стандартные. В существующих условиях разнородности и малой предсказуемости многих социально-экономических процессов, выход из коронакризиса будет более эффективным при дифференцированном подходе как на уровне регионов, так и муниципалитетов.

Неоднородность распределения населения по пространственному поселенческому каркасу (опорной сети расселения в социально-экономическом пространстве) предопределена историей предшествующего развития. Для многих регионов России характерна специфика евразийского поселенческого каркаса. Для него типична «контрастность» — высокая концентрация населения в отдельных густонаселенных районах наряду с обширными территориями с минимумом постоянного населения. Подобная специфика налагает отпечаток на развитие социально-экономических пространственных процессов [4], она неизбежно отражается на проблеме пандемии и ставит вопрос о *соответствующем обновлении подходов к проблемно-ориентированному зонированию*. Любые проекты трансформации в социальном пространстве с неоднородным распределением населения (при расширении круга рассматриваемых вопросов в социально-экономическом пространстве) неизбежно связаны с обновлением основ зонирования для рассмотрения отдельных групп особо значимых при пандемии зон, прежде всего потенциально проблемных

зон городской среды. Изменения концентрации населения как последствия пространственной трансформации непосредственно отражаются в характеристиках соответствующих зон муниципальных образований.

Внедрение проблемно-ориентированного зонирования, основанного на обновлении классификации пространственных объектов и использовании геоинформационных технологий [5; 14], становится важным элементом — своеобразным интегратором управления пространственной трансформацией. В исследованиях по распространению пандемии уже есть примеры пространственного анализа и зонирования, например распределение возрастных групп населения в Европе [19]. Более детальные исследования по зонированию прежде всего связаны с систематизацией отдельных типов зон городской среды. Здесь рассматривается как уровень отдельных городов, так и агломераций, а также других территориальных образований.

Требования более детального проблемно-ориентированного зонирования связаны с анализом разных аспектов обеспечения жизнедеятельности. В общем случае такой анализ связан с поиском перспективных зон для преобразований с минимизацией числа избыточных контактов — перераспределением людских потоков как в пространстве, так и во времени. В рамках анализа приоритетными становятся малые зоны: отдельные группы общественных пространств (прилегающие к больницам и поликлиникам, остановки общественного транспорта, места скопления людей в «час пик» и подлежащие рассредоточению для соблюдения дистанции 1,5—2 метра и др.). Результаты в таких случаях ориентированы на подготовку проектов по реорганизации и скоординированной перепланировке транспортных и людских потоков, смещению рабочих графиков (на четверть или полчаса), регламентации и ограничению доступа в ряд проблемных общественных мест, расширению постоянной санитарной обработки и др.

По мере нарастания проблем пандемии организация постоянного процесса обновления проблемно-ориентированной системы зон становится важным условием эффективной пространственной трансформации. Смежные вопросы повышения устойчивости и развития городской среды, далее все более будут связаны с детальным рассмотрением новых факторов и объектов в рамках проблемно-ориентированного зонирования.

4. Направления исследований социального аспекта пандемии: «нормальность 2020»

Проведенные исследования позволяют сформировать основу для рассмотрения многих междисциплинарных вопросов, связанных с социально-экономическим развитием в условиях коронакризиса. Отдельное место занимают дальнейшие исследования уже ранее затронутых вопросов взаимосвязи социальных ограничений и пространственных преобразований.

Кризисные процессы 2020 года весьма сложны и имеют множество особенностей [10]. Продолжительные ограничения в формате самоизоляции изменили приоритеты потребления, упал спрос на ряд товаров с последующим снижением производства, затруднено пересечение государственных границ для потоков трудовых мигрантов, а также многие другие глобальные структурные изменения. В итоге для большинства территорий в их развитии неизбежен «сдвиг на ступень вниз» с фиксацией структурных изменений и формированием новых трендов развития. Социально-экономические проблемы стали уже обновленной реальностью — «нормальность 2020» («нормальность коронакризиса») и еще требуют своего рассмотрения по аналогии с наблюдаемыми проблемами предшествующих лет, уже обозначенных, как «новая нормальность» [2; 12]. Далее возникают вопросы «посткоронакризисной» устойчивости, определения новых перспективных социально-экономических трендов, обеспечения эффективности управления и многие другие.

В условиях неизбежных структурных перемен из-за негативных последствий коронакризиса, шансы относительно *быстрого возврата на траекторию предшествующего развития минимальны*. Ожидания всестороннего восстановления и попытки возврата к унаследованной парадигме развития в отрыве от обновленной реальности могут только усложнять перспективы развития. Неизбежная в таких случаях несбалансированность желаний и возможностей только усилит негативные последствия собственно коронакризиса, «эффекта колеи» и нарастающие проблемы выхода из «колеи» [11].

Вместе с тем специфика территорий обуславливает не только кризисные риски, но и конкурентные преимущества. Они связаны с устойчивостью в кризисных ситуациях: высокой отраслевой финансовой стабильностью, большей «свободой управленческого манев-

ра». Подобные изменения в условиях возросшей изолированности, проявляются как дополнительные преимущества регионального саморазвития. В данном случае возникает вопрос о поиске новых траекторий развития, опирающихся на отраслевую специфику и в известной степени на изменение внешних условий (смена логистики и др.).

Среди множества направлений перспективных пространственных преобразований особое место занимает развитие и преобразование социально-экономического пространства крупнейших городов: «мегаполисов» и агломераций. Для высокоурбанизированных агломерационных зон мегаполисов неизбежно возникает множество особых вопросов. Для рассмотренных как уральских мегаполисов (Екатеринбурга и Челябинска), так других, включая столичные, дополнительно рассматриваемые вопросы неизбежно будут индивидуальными. При концентрации проблем коронакризиса общие шаблонные подходы без индивидуальной адаптации в сложной и специфической городской агломерационной среде неизбежно будут малорезультативны.

Традиционная проблема «лукавой цифры» [15] в условиях непредсказуемых структурных кризисных перемен неизбежно усиливается. Число вопросов по актуальности и сбалансированности различных направлений антикризисной социально-экономической политики в общем случае увеличивается по мере проявления последствий коронакризиса. Недооценка возникающих институциональных и социокультурных требований, реальных потребностей и настроений населения, утрата «обратной связи» способствуют дальнейшему росту негативных последствий пандемии, а также конфликтов и протестов с неизбежными потерями доверия к власти. Формальное отношение к нечетко определенным новым условиям и требованиям может только привести к развитию скрытых процессов и в конечном итоге ухудшить социально-экономическую ситуацию. Экономически малообоснованные меры, неэффективные ограничения и преобразования в кризисной ситуации могут способствовать появлению новых непредвиденных угроз. Альтернативой процессам пространственной трансформации легко может оказаться деформация социальных процессов с соответствующим нарастанием ранее отмеченных и новых угроз. Взамен консолидации общества в сложные кризисные времена подобное развитие ситуации больше способствует усилению социальных конфликтов, «расколу» в общественном согласии.

Последствия недооценки отмеченных и других схожих вопросов в условиях коронакризиса могут проявиться впоследствии и в самом непредсказуемом виде, в виде новых «черных лебедей». Однако во всех случаях, при возникновении схожих угроз пандемии рассмотренные выше результаты исследований создают *основу для более корректных оценок и подготовки качественно новых управленческих решений, направленных на минимизацию социально-экономических потерь в условиях пандемии, в том числе от введения социальных ограничений и мер пространственной трансформации.*

1. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

2. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.

3. Бочко В. С. Перспективы развития Среднего Урала в условиях растущих экономических угроз // Экономика региона. 2014. № 2. С. 43—53.

4. Гордеев С. С. Визуализация в системе моделей пространственного развития: на примере трансграничной территории Урала и северного Казахстана // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2019. № 1 (3). С. 9—29.

5. Гордеев С. С. Оценка устойчивости пространственного социо-эколого-экономического развития в среде геоинформатики // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. С. 37—49.

6. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 48—55.

7. Май В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017—2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5—29.

8. Нейтан Я. Искусство визуализации в бизнесе. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.

9. Ногин В. Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход. М. : Физматлит, 2002. 175 с.

10. Полбин А. В., Синельников-Мурылев С. Г., Трунин П. В. Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и дальнейшему развитию России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 5—21.

11. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—642.

12. Силин Я. П., Анимича Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 3. С. 714—725.

13. Талёв Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости, М. : Колибри, 2015.

14. Тикуннов В. С. Классификации в географии: ренессанс или увядание? Опыт формальных классификаций. Смоленск : Изд-во Смолен. гуманитар. ун-та, 1997.

15. Ханин Г. И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 2. С. 139—163.

16. Checkland P. Soft systems methodology in action. New York : John Wileys Sons Inc., 1990. 329 p.

17. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // The American economic review. 1985. Vol. 75 (2). P. 332.

18. Gray J., Bounegru L., Milan S., & Ciuccarelli P. Ways of seeing data: towards a critical literacy for data visualizations as research objects and research devices // Innovative Methods in Media and Communication Research, 2017. London : Palgrave Macmillan. P. 227—252.

19. Kashnitsky, I., Aburto, J. E. COVID-19 in unequally ageing European regions. OSF Preprint, 2020. URL: <https://doi.org/10.31219/osf.io/abx7s> (дата обращения: 01.10.2020).

20. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 152 p.

References

1. Auzan A.A. (2015) Vestnik Moskovskogo universiteta, no. 1, pp. 3—17. [in Rus].

2. Barkhatov V.I., Pletnov D.A., Kapkayev Yu.Sh. (2019) Sotsium i vlast', no. 5 (79), pp. 65—83. [in Rus].

3. Bochko V.S. (2014) Jekonomika regiona, no. 2, pp. 43—53 [in Rus].

4. Gordeev S.S. (2019) Nauchnyj ezhegodnik centra analiza i prognozirovaniya, no. 1 (3), pp. 9—29. [in Rus].

5. Gordeyev S.S. (2013) Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 8 (299), pp. 47—52. [in Rus].

6. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2015) Sotsium i vlast', no. 2 (52), pp. 48—55. [in Rus].

7. Mau V.A. (2018) Voprosy ekonomiki, no. 3, pp. 5—29. [in Rus].
8. Neytan Y.A. (2013) Iskusstvo vizualizatsii v biznese. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 352 p. [in Rus].
9. Nogin, V.D. (2002) Prinyatiye resheniy v mnogokriterial'noy srede: kolichestvennyy podkhod. Moscow, Fizmatlit. 175 p. [in Rus].
10. Polbin A.V., Sinelnikov-Murylev S.G., Trunin P.V. (2020) Voprosy Ekonomiki, no. 6, pp. 5—21. [in Rus].
11. Rastvortseva S.N. (2018) Zhurnal ekonomicheskoyteorii, vol. 15, no. 4, pp. 633—642. [in Rus].
12. Silin Ya.P., Animitsa Ye.G., Novikova N.V. (2016) Ekonomika regiona, vol. 12, no. 3, pp. 714—725. [in Rus].
13. Taleb N.N. (2015) Chernyj lebed. Pod znakom nepredskazuemosti. Moscow, Kolibri [in Rus].
14. Tikunov V.C. (1997) Klassifikatsii v geografii: renessans ili uvyadaniye? Opyt formal'nykh klassifikatsiy. Smolensk, Izdatel'stvo Smolenskogo gumanitarnogo universiteta [in Rus].
15. Khanin G.I. (2018) Idei i idealy, vol. 1, no. 2, pp. 139—163 [in Rus].
16. Checkland P. (2015) Soft systems methodology in action J. Scholes. New York, John Wileys Sons Inc., 329 p. [in Eng].
17. David P.A. (1985) The American economic review, vol. 75 (2), pp. 332 [in Eng].
18. Gray J., Bounegru L., Milan S., Ciuccarelli P. (2017) Innovative Methods in Media and Communication Research. London, Palgrave Macmillan, pp. 227—252 [in Eng].
19. Kashnitsky I., Aburto J.E. (2020). COVID-19 in unequally ageing European regions. OSF Preprint. Available at : <https://doi.org/10.31219/osf.io/abx7s>, accessed 01.10.2020 [in Eng].
20. North D.C. (1990) Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, Cambridge University Press, 152 p. [in Eng].

For citing: Gordeev S.S.
Limitations and transformations
in the social space of coronacrisis:
assessments of regions
during the COVID-19 pandemic //
Socium i vlast'. 2020. № 5 (85). P. 32—50.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-32-50.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-32-50

UDC 332.12

**LIMITATIONS
AND TRANSFORMATIONS
IN THE SOCIAL SPACE
OF CORONACRISIS:
ASSESSMENTS
OF REGIONS
DURING THE COVID-19
PANDEMIC**

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Laboratory of Modelling
Spatial Development,
Cand. Sc. (Economics).
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Abstract

The realities of the coronavirus crisis caused by the COVID-19 pandemic, in many cases, become decisive for adjusting the prospects for socio-economic development. The article presents the main results of studying the social aspect of the pandemic in the context of social heterogeneity and specific regional differences. The main points of the study are focused on analyzing the dynamics of the pandemic spreading in Russia's regions, the specifics and effectiveness of social restrictions, and the transformation of social space.

The analysis of the pandemic dynamics was carried out taking into account the information from four large industrial regions in the center of Russia and the Urals. As part of the analysis, a number of problematic issues of the social constraints effectiveness are considered, among which there are the following ones: specificity of the pandemic dynamics by regions in the context of various options for self-isolation, factors of «Path Dependence» of the social space, the consequences of redundant restrictions, social «fatigue» and «erosion» of requirements for isolation.

From the viewpoint of updating the transformation priorities - spatial transformations during a pandemic, the following aspects are considered: background for moving from isolation restrictions to spatial transformations, regional employment specificity, socio-economic priorities of spatial transformation, problem-oriented zoning of a heterogeneous socio-economic space.

The study is aimed at developing an adequate authorities' and society's response to the problems of coronacrisis, forming a regionally adapted set of measures and strategies of socio-economic transformations during the pandemic, creating a basis for solving interdisciplinary issues in the subsequent situation of «normality 2020»

Key concepts:

social space,
region,
crisis,
dynamics,
pandemic Covid-19,
analysis,
visualization.

Для цитирования: Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 51—64. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-51-64.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-51-54

УДК 332.1

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анимица Евгений Георгиевич,

Уральский государственный экономический университет, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления, доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45. E-mail: animieg@usue.ru

Рахмеева Ирина Игоревна,

Уральский государственный экономический университет, доцент кафедры региональной и муниципальной экономики и управления, кандидат экономических наук. Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45. E-mail: rahmееva_ii@usue.ru

Аннотация

Введение. Четвертая промышленная революция существенно меняет структуру экономических отношений и трансформирует значимость факторов развития территорий.

Цель. Выявить наиболее существенные факторы развития регионов Уральского макрорегиона в контексте четвертой промышленной революции и определить направления воздействий для обеспечения конкурентоспособности и долгосрочного роста территорий.

Методы. Методологическая база исследования опирается на совокупность научных подходов экономического роста, концепций региональной и институциональной экономики. Методы исследования включают региональный, сравнительный и эконометрический факторный анализ. Научная новизна исследования. Предложен метод выявления значимости факторов развития регионов и установлены ключевые факторы развития субъектов Уральского макрорегиона в контексте четвертой промышленной революции. Исследование вносит вклад в научную дискуссию о значении и управлении институциональными факторами развития.

Результаты. Представлены результаты диагностики регуляторной среды и географических факторов субъектов Уральского макрорегиона. Произведен эконометрический анализ их влияния на экономическое развитие. Установлена статистическая значимость для регионального развития объема добычи полезных ископаемых и качества правовой среды. Статистически незначимы в среднесрочной перспективе на рассмотренной выборке оказались неформальные институты (авторы объясняют явление слабой дифференциацией культурных особенностей и деловых практик регионов в силу их исторической связанности) и транспортно-географическое положение (в связи с уменьшением пространственного влияния и усилением роли цифровых технологий в производственных цепочках в Индустрии 4.0).

Выводы. В Свердловской и Челябинской областях удалось обеспечить более высокие значения ВРП на душу населения благодаря инклюзивной регуляторной среде. В целом в российских регионах во втором десятилетии XXI века сохраняется сырьевая ориентация (среди изученных объектов наиболее экстрактивный характер носит экономика Оренбургской области и Удмуртии). Для обеспечения долгосрочного развития страны необходимо формирование благоприятного делового климата: совершенствование правовой среды по обозначенным в исследовании направлениям, повышение уровня доверия и снижение уровня коррупции.

Ключевые понятия:

факторы развития, географические факторы, институциональные факторы, регуляторная среда, региональное развитие, четвертая промышленная революция, старопромышленный регион.

Введение.
Факторы регионального развития

Цель данной статьи — выявить наиболее существенные факторы развития территории в контексте четвертой промышленной революции во второй декаде XXI века и определить направления воздействий для обеспечения высокого уровня жизни и повышения конкурентоспособности субъектов Уральского макрорегиона в долгосрочной перспективе. Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- систематизировать факторы развития региона,
- предложить эконометрическую модель, позволяющую учесть влияние различных факторов на развитие региона,
- апробировать полученную модель на субъектах РФ, входящих в состав Уральского макрорегиона,
- интерпретировать полученные результаты, определив ключевые факторы развития регионов на современном этапе и, соответственно, направления управленческих воздействий.

Факторы развития изучает теория экономического роста, которая в ходе своей эволюции предложила большое разнообразие моделей. В целом их можно сгруппировать следующим образом: классические (основные факторы роста — природные ресурсы и труд), кейнсианские и неокейнсианские (факторы — капитал и норма сбережений), экзогенного роста (дополненные факторами эффективности труда и технического прогресса), эндогенного роста (дополненные внутренними факторами, в том числе человеческого капитала и институциональной среды), теории регионального развития (концентрирующие внимание на пространственной неравномерности).

Для России с ее огромными расстояниями и суровыми климатическими условиями на большей части территории фактор физического пространства играет существенную роль. Исследование роли географического фактора явилось важнейшей темой русской историко-культурологической мысли [11; 16, с. 61; 24, с. 78], обосновывающей тесную связь характера народного хозяйства и общественных отношений, русских нравов с суровыми природными условиями. Пространственная неоднородность России не ослабевает, а даже возрастает по многим параметрам [7, с. 65], что определяет

сохраняющуюся актуальность изысканий в данном направлении.

Экономисты выделяют такие географические, пространственные факторы развития, как плотность (численность населения, объем природных ресурсов, основной капитал на единицу площади) и связанность (интенсивность связей, формы интеграции) пространства, размещение (степень равномерности распределения), расстояние от основных ресурсов и точек сбыта, а также транспортные издержки его преодоления, отстраненность от глобального или национального рынка [2; 7; 10; 25], природные ресурсы [19, с. 19].

Прогресс уменьшает значение расстояния, но увеличивает значение конкретной территории. К. Маркс отметил это обстоятельство в своем труде «Капитал» [33, глава 39]: «Прогресс общественного производства вообще, с одной стороны, выравнивает влияние местоположения как одного из оснований дифференциальной ренты, создавая средства сообщения и транспорта; с другой стороны, тот же прогресс увеличивает значение различий в положении земельных участков, так как отделяет земледелие от промышленных изменений и образует крупные промышленные центры».

Объяснение развития исключительно ростом физического капитала и рабочей силы стало неудовлетворительным к середине XX века, и Р. Солоу [35] предложил модель экономического роста для учета технологических изменений. Остаток Солоу включает в себя вклад всех остальных факторов производства и рассчитывается по формуле

$$g^A = g^Y - \alpha \times g^K - (1 - \alpha) \times g^L, \quad (1)$$

где g^Y — темп прироста выпуска, g^K — темп прироста капитала, g^L — темп прироста труда, α — эластичности выпуска по капиталу.

Солоу предполагал, что именно влияние технического прогресса делает значительный вклад. Однако иные ненаблюдаемые источники роста также имеют место.

В рамках четвертой промышленной революции остаток Солоу может играть уже едва ли преобладающую роль. «Происходящие изменения настолько значительны, что мир вступает, возможно, в крупнейший за всю историю технологический переход, когда богатство природных ресурсов и дешевизна труда перестают быть основными факторами роста» [20, с. 16]. На изменение мирохозяйственного уклада и происходящих смещениях в сторону большего веса

институциональных факторов указывают ведущие отечественные экономисты [15; 18; 30].

В последней четверти XX века начался активный регресс транспортных издержек. Так, по оценкам экспертов их доля в структуре себестоимости за период примерно в 30 лет уменьшилась почти наполовину [31].

В 1990-е гг на базе идей П. Кругмана, М. Фуджиты, Т. Венаблса [29] и их последователей рождается «новая экономическая география», которая в том числе признала роль институтов как факторов пространственного развития «второй природы». Однако, факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение), которые будем рассматривать как географические в данной статье, не утрачивают своего значения. Но вместе с институциональными факторами они изменяются во времени как по интенсивности, так и по уровню влияния.

«Новая экономическая география» нашла признание среди российских регионалистов, обеспокоенных проблемой равномерного пространственного развития обширных территорий отечества [23].

Авторы предлагают говорить о «неопространстве» в эпоху четвертой промышленной революции. Как математика шагнула от евклидова к неевклидовому пространству, так экономистам необходимо оперировать новым пониманием экономического пространства не как физического расстояния, а с позиций возможности быстрой коммуникации (высокоскоростной интернет и полное покрытие территории связью) и транспортировки (высокоскоростные средства перемещения, регулярные рейсы). «Непространство» должно также учитывать социально-экономические характеристики локации, ее пригодность для комфортной жизни, творчества и развития человека, поскольку в настоящее время все больше возрастают возможности и значимость удаленной работы.

В пространственном рассмотрении влияние оказывают соседние территории, выступающие одновременно и партнерами, и конкурентами. В недавнем исследовании российских специалистов «Атлас международных отношений» проведен статистический анализ пространственной автокорреляции различных показателей в мировом масштабе. По итогам анализа, выделены отдельные пространственные кластеры, в которых ярко проявляется первый закон Вальдо Тоблера (все влияет на все, но то, что ближе, влияет сильнее), хотя в целом

сделан вывод, что географические соседи не являются решающим фактором состояния отдельных стран. Например, выделен «африканский кластер стран с низким уровнем доли от мирового ВВП» и североамериканский кластер с высокими показателями ВВП, попадание в который Мексики и Канады авторы объясняют «соседством с США» [21, с. 27].

Теория регионального развития предложила ряд новых моделей: концепции устойчивого развития, кластерной концепции, концепции «умной специализации», регионального форсайта, парадигм изучения региона в качестве квазигосударства, квазикорпорации, рыночного ареала и региона-социума [26, с. 14].

Региональные исследования все чаще указывают на неравномерность институциональной среды внутри государства, а институциональные дисфункции как причину потери конкурентных позиций и отставания в технологическом и социально-экономическом развитии [1, с. 55; 9, с. 5; 17, с. 118; 22, с. 130; 34, р. 102].

Данное исследование предлагает комплексный подход к экономическому развитию территорий внутри страны на основе сочетания географических и институциональных факторов.

Методы и материалы

Методология данного исследования сформирована на стыке дисциплин. Во-первых, она лежит в рамках региональной экономики, признающей и изучающей неоднородность региональных характеристик в пространстве, причины и закономерности такой дифференциации. Во-вторых, она опирается на институциональную экономику, твердым ядром которой является представление о подчинении человеческой деятельности формальным (нормы права) и неформальным (культура, традиции, деловые практики) правилам и наличию транзакционных издержек взаимодействия акторов.

Институциональные исследования предполагают проведение естественно-эксперимента в силу того, что создание искусственных институциональных условий и длительное наблюдение в масштабе мезо- и макроуровня представляется невыполнимой задачей.

Все субъекты Российской Федерации, входящие в состав Уральского макрорегиона (Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Пермский край, республики Башкортостан и Удмуртия),

относятся к старопромышленным регионам, традиционно обладающим мощным исторически сложившимся производственным потенциалом. Уральский макрорегион обладает высокой пространственной и исторической связностью входящих в него территорий. Это определяет выбор его как полигона для исследования в рамках естественного эксперимента.

Выбранный авторами метод эконометрического факторного анализа заключается в эконометрической оценке математической модели зависимости уровня экономического развития региона (измеряемого традиционно как валовый региональный продукт на душу населения) от рассмотренных ранее факторов:

$$GRP_{percapita} = const + \alpha_1 \times NMin + \alpha_2 \times NTransp + \alpha_3 \times NFi + \alpha_4 \times NinFi, \quad (2)$$

где $GRP_{percapita}$ — ВПП на душу населения, $NMin$ — нормированный показатель добычи полезных ископаемых на душу населения, $NTransp$ — нормированный показатель фактора географического положения, NFi — нормированное качество формальной институциональной среды, $NinFi$ — нормированное качество неформальной институциональной среды, $const$ и α_i — параметры уравнения.

Оценка модели проводилась программными средствами Gretl.

Для того, чтобы сгладить случайные погрешности были использованы усредненные значения по институциональным факторам за 2014—2016, по остальным показателям за 2014—2018. Выбор более раннего периода для институциональных факторов связан с учетом их отложенного воздействия. Для обеспечения сопоставимости все индикаторы (факторы) нормированы относительно максимального в совокупности в 10-балльной шкале:

$$NIndicator = \frac{Indicator_i}{Max_{i=1}^7[Indicator]} \times 10. \quad (3)$$

Нормированный показатель фактора географического положения предлагается оценивать следующим образом:

$$NTrans = \frac{Rail_i}{Max_{i=1}^7[Rail]} \times 10 + \frac{Auto_i}{Max_{i=1}^7[Auto]} \times 10 + Adv + Dis, \quad (4)$$

где $Rail$ — плотность железнодорожных путей общего пользования, км путей на 10 000 км² территории,

$Auto$ — плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км² территории,

Adv — наличие транспортных преимуществ,

Dis — географические недостатки.

Сравнение географических факторов развития регионов представлено в табл. 1.

Научной новизной исследования является авторский подход к оценке качества институциональных факторов.

В табл. 2 авторы систематизировали ключевые правовые нормы, которые оказывают существенное влияние на экономическую деятельность в условиях четвертой промышленной революции, и указали их наличие в регионах Уральского макрорегиона. Нахождение каждого элемента институциональной среды оценивалось в 1 балл. Качество формальной институциональной среды оценивалась по сумме баллов:

$$FI = \sum n_i.$$

$$n_i = \begin{cases} 1, \text{утвержден документ с явным названием, отражающим наличие элемента} \\ 0, \text{документ или упоминание о соответствующем элементе не обнаружено} \\ 0,5, \text{элемент упоминается в общестратегическом документе} \end{cases}, \quad (5)$$

Качество неформальной институциональной среды экономической деятельности оценивалось по косвенным показателям (уровню доверия предпринимателей властям, уровню добросовестности предпринимателей и чиновников):

$$inFI = \frac{Trust_i}{Max_{i=1}^7[Trust]} \times 10 + \frac{\frac{Crime_i}{Max_{i=1}^7[Crime]} \times 10 + \frac{Guilty_i}{Max_{i=1}^7[Guilty]} \times 10}{2} + \frac{Corruption_i}{Max_{i=1}^7[Corruption]} \times 10, \quad (6)$$

где $Trust$ — доля предпринимателей, считающих, что региональные власти способствуют развитию предпринимательства, %,

$Crime$ — среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений экономической направленности на 1000 предприятий,

$Guilty$ — среднее число ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступления экономической направленности, на 1000 предприятий,

$Corruption$ — среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений коррупционной направленности на 1000 чиновников.

В табл. 2 представлены данные по формальным и неформальным институциональным условиям в регионах Уральского макрорегиона, которые во взаимодействии образуют регуляторную среду ведения бизнеса.

Таблица 1

Сравнение географических факторов развития субъектов Уральского макрорегиона

Среднее значение показателя сравнения за период 2014—2018	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Республика Удмуртия
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	457 406	360 323	222 671	411 918	429 283	343 549	354 795
Численность населения, тыс. чел.	4325	3493	853	1985	2627	4064	1514
Добыча полезных ископаемых на душу населения, руб.	14145	17 518	3474	202 003	105 956	55 251	120 253
Плотность железнодорожных путей общего пользования, км путей на 10000 км ² территории	181	203	104	117	98	102	185
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км ² территории	123	204	132	167	133	293	244
Наличие транспортных преимуществ	+2 (ключевые транснациональные и межрегиональные транспортные коридоры, международный аэропорт)	+1 (Международный аэропорт)	0	+2 (ключевые транснациональные и межрегиональные транспортные коридоры, международный аэропорт)	+3 (ключевые транснациональные и межрегиональные транспортные коридоры, в том числе речные, международный аэропорт)	+3 (ключевые транснациональные и межрегиональные транспортные коридоры, выход через реки к 5 морям, международный аэропорт)	+3 (ключевые транснациональные и межрегиональные транспортные коридоры, выход через реки к 3 морям, международный аэропорт)
Географические недостатки	0	-1 (Трансграничная преступность)	-1 (Трансграничная преступность)	-2 (Широтная протяженность, высокая плотность, трансграничная преступность)	0	0	0

Таблица 2

Анализ содержания регуляторной среды субъектов Уральского макрорегиона

Элемент институциональной среды ¹	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Республика Удмуртия
<i>Формальная составляющая</i>							
Технологическое (промышленное, инновационное) развитие как один из приоритетов стратегии социально-экономического развития региона	+	+	-	-	+	+	-
Концепция/ стратегия технологического (промышленного, инновационного) развития региона	+ ²	+ ³	- ⁴	-	-	+ ⁵	+ ⁶
Перечень приоритетных/ критических технологий с учетом специфики региона и ориентацией на технологии 5 и 6 технологических укладов	± ⁷	-	-	± ⁸	-	+ ⁹	± ¹⁰
Региональный закон о промышленной политике	+ ¹¹	+ ¹²	+ ¹³	+ ¹⁴	+ ¹⁵	+ ¹⁶	+ ¹⁷
Региональный закон о науке, научно-технической и инновационной деятельности	+ ¹⁸	-	+ ¹⁹	-	+ ²⁰	+ ²¹	+ ²²
Региональный закон о поддержке малого предпринимательства	+ ²³	+ ²⁴	+ ²⁵	+ ²⁶	+ ²⁷	+ ²⁸	+ ²⁹

¹ «+» — утвержден документ с явным названием, отражающим наличие элемента.

«-» — документ или упоминание о соответствующем элементе не обнаружено.

«±» — элемент упоминается в общестратегическом документе.

В сносках указаны реквизиты первичного документа, отражающего наличие соответствующего элемента.

² Постановление Правительства Свердловской области от 22.05.2013 № 646-ПП и Постановление Правительства Свердловской области от 28.06.2019 № 383-ПП.

³ Распоряжение Правительства Челябинской области от 12.10.2012 № 260-рп.

⁴ Распоряжением Администрации (Правительства) Курганской области от 21.02.2006 № 59-р утверждалась стратегия до 2015 года.

⁵ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 21.07.2017 № 689-р.

⁶ Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 10.08.2015 № 800-р.

⁷ Постановление Правительства Свердловской области от 22.05.2013 № 646-ПП, утратило силу с 2020.

⁸ Постановление Правительства Оренбургской области от 7.12.2006 № 394-П. Перечень дублирует федеральный перечень без региональной специфики.

⁹ Действующий перечень перечислен в Распоряжении Правительства Республики Башкортостан от 21.07.2017 № 689-р.

¹⁰ Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 05.03.2012 № 170-р. Перечень дублирует федеральный перечень без региональной специфики.

¹¹ Закон Свердловской области от 23.11.2015 № 136-ОЗ.

¹² Закон Челябинской области от 11.06.2015 № 201-ЗО.

¹³ Закон Курганской области от 27.06.1999 № 220 и Закон Курганской области от 29.12.2015 № 136.

¹⁴ Закон Оренбургской области от 09.03.2016 № 3800/1038-V-ОЗ.

¹⁵ Законом Пермского края от 03.03.2015 № 440-ПК.

¹⁶ Закон Республики Башкортостан от 01.12.2015 № 294-з.

¹⁷ Закон Удмуртской Республики от 27.12.2005 № 73-РЗ.

¹⁸ Закон Свердловской области от 02.04.2001 № 33-ОЗ.

¹⁹ Закон Курганской области от 27.03.2000 № 302.

²⁰ Закон Пермского края от 11.06.2008 № 238-ПК и Закон Пермского края от 02.04.2008 № 220-ПК.

²¹ Закон Республики Башкортостан от 28.12.2006 № 400-з.

²² Закон Удмуртской Республики от 26.06.2017 № 55-РЗ.

²³ Закон Свердловской области от 04.02.2008 № 10-ОЗ.

²⁴ Закон Челябинской области от 12.04.2008 № 250-ЗО.

²⁵ Закон Курганской области от 26.09.2008 № 389.

²⁶ Закон Оренбургской области от 29.09.2009 № 3118/691-IV-ОЗ.

²⁷ Закон Пермского края от 26.02.2009 № 392-ПК.

²⁸ Закон Республики Башкортостан от 28.12.2007 № 511-з.

²⁹ Закон Удмуртской Республики от 08.10.2008 № 34-РЗ.

Продолжение табл. 2

Элемент институциональной среды ¹	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Республика Удмуртия
Региональные акты о поддержке, в том числе финансовой, науки, научно-технической, промышленной и инновационной деятельности	+ ¹	+ ²	±	+ ³	+ ⁻	+ ⁴	±
Региональная (государственная, комплексная, целевая) программа развития промышленности, науки, инновационной деятельности	+ ⁵	+ ⁶	+ ⁷	± ⁸	+ ⁹	+ ¹⁰	+ ¹¹
Региональные акты в сфере развития цифровой экономики	+ ¹²	+ ¹³	+ ¹⁴	+ ¹⁵	+ ¹⁶	+ ¹⁷	- ¹⁸
Региональные планы импортозамещения	+ ¹⁹	+ ²⁰	+ ²¹	+ ²²	+ ²³	+ ²⁴	+ ²⁵
Нормативное закрепление подходов к повышению кооперации промышленных предприятий друг с другом, крупного и малого бизнеса, промышленности и науки	+	+	-	-	-	±	± ²⁶
Нормативное закрепление действия на территории региона специализированной формы технологической кооперации и развития (технологические платформы, кластеры, технопарки)	+	± ²⁷	± ²⁸	+	+	+	+

¹ Закон Свердловской области от 15.07.2010 № 60-ОЗ.

² Закон Челябинской области от 07.06.2005 № 383-ЗО.

³ Закон Оренбургской области от 16.11.2009 № 3222/739-IV-ОЗ.

⁴ Действующий акт утвержден Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 13.08.2019 № 490.

⁵ Постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1293-ПП.

⁶ Постановление от 16 декабря 2015 года № 623-П.

⁷ Постановление Правительства Курганской области от 14.10.2013 № 493.

⁸ Является подпрограммой общей программы «Экономическое развитие». Постановление Правительства Оренбургской области от 10.09.2013 № 767-пп, действующая редакция Постановление Правительства Оренбургской области от 25.12.2018 № 888-пп.

⁹ Постановление Правительства Пермского края от 03.10.2013 № 1325-п.

¹⁰ Действующая редакция утверждена Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 12.03.2018 № 98.

¹¹ Постановление Правительства Удмуртской Республики от 20.05.2013 № 201.

¹² Постановление Правительства Свердловской области от 29.12.2017 № 1050-ПП.

¹³ Программа цифрового развития экономики региона утверждена Стратегическим комитетом 26.11.2019 (неправовой акт).

¹⁴ Постановление Правительства Курганской области от 14.12.2018 № 428.

¹⁵ Постановление Правительства Оренбургской области от 29.12.2018 № 917-пп.

¹⁶ Указ Губернатора Пермского края от 04.07.2018 № 59.

¹⁷ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 26.09.2018 № 473.

¹⁸ Проект в 2019

¹⁹ Постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1293-ПП.

²⁰ Распоряжение губернатора Челябинской области от 21.01.2015 № 9-р.

²¹ Распоряжение Правительства Курганской области от 11.09.2018 №316-р.

²² Постановление Правительства Оренбургской области от 11.05.2016 № 321-п.

²³ Приказ министерства промышленности, предпринимательства и торговли Пермского Края от 04.04.2016 № СЭД-03-01-03-53.

²⁴ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 7.08.2015 № 838-р.

²⁵ Приказ Агентства инвестиционного развития Удмуртской Республики от 16.08.2016 № 01-07/137.

²⁶ В стратегии развития региона закреплена задача по поиску форм кооперации.

²⁷ Специализированные формы упоминаются в стратегии инновационного развития Челябинской области.

²⁸ Специализированные формы упоминаются в порядке ведения реестров технопарка.

Элемент институциональной среды ¹	Свердловская область	Челябинская область	Курганская область	Оренбургская область	Пермский край	Республика Башкортостан	Республика Удмуртия
Закрепление и поддержка развития детского технологического творчества	+1	+2	+3	+4	-	+5	+6
Закрепление и поддержка конкурсов профессионального мастерства в промышленной сфере на регулярной основе	+7	+8	-9	-	+10	+11	+12
<i>Качество правовой среды инновационного развития</i>							
— баллы по состоянию на 2016 год	14	10,5	6	7	9,5	12,5	8,5
— изменение баллов по состоянию на 2020 год	0	+2	+3	+2	+1	+3	+2
<i>Неформальная составляющая</i>							
Доля предпринимателей, считающих, что региональные власти способствуют/ препятствуют развитию бизнеса, предпринимательства, % ¹³	23/41	20/62	12/42	26/33	16/39	44/28	12/52
Уровень добросовестности в экономической среде ¹⁴ :							
Среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений экономической направленности на 1000 предприятий за 2014—2018 годы	16	25	41	25	23	26	27
Среднее число ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступления экономической направленности, на 1000 предприятий за 2014—2018 годы	7	12	13	15	12	9	15
Уровень коррумпированности: среднее количество ежегодно регистрируемых преступлений коррупционной направленности на 1000 чиновников за 2014—2018 годы ¹⁵	5	5	3	4	6	6	4
<i>Качество неформальной институциональной среды ведения бизнеса</i>							
— баллы по состоянию на 2016 год	21,2	16,7	17,4	18,9	15,0	22,0	15,5
— изменение баллов по состоянию на 2020 год	-2,5	0,4	-2,6	0,0	0,1	-0,5	-0,3

¹ Постановление Правительства Свердловской области от 02.03.2016 № 127-ПП.

² Развитие сети «Кванториум»: приказ Минобр Челябинской области от 30.08.2019 №01/3078 и приказ Минобр Челябинской области от 30.08.2019 № 01/3077.

³ Распоряжение Правительства Курганской области от 05.07.2019 № 263-р.

⁴ Постановление Правительства Оренбургской Области от 04.07.2019 № 482-пп.

⁵ Приказ Министерства образования Республики Башкортостан от 25.12.2018 №1607 и Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 16.12.2016 № 1451-р.

⁶ Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 04.07.2019 № 803-р.

⁷ Распоряжение Правительства Свердловской области от 29.06.2011 № 1154-РП.

⁸ Постановление Губернатора Челябинской области от 06.03.2008 № 59.

⁹ Проводился 1 конкурс в 2003 году в сфере легкой промышленности.

¹⁰ Постановление Администрации города Перми Пермского края от 20.10.2011 № 655.

¹¹ Приказ Министерства экономического развития и промышленности Республики Башкортостан от 04.06.2004 №14, Приказ Госстроя РБ от 28.11.2019 № 370.

¹² Постановление Правительства Удмуртской Республики от 20.01.2014 № 6.

¹³ Данные опроса «Пульс бизнеса» Фонда общественного мнения, 2013 год. В опросе участвовали по 500-800 респондентов в каждом из регионов. <https://fom.ru/pulse/region.html?region=56>.

¹⁴ Данные портала правовой статистики http://crimestat.ru/regions_chart_total.

¹⁵ Данные портала правовой статистики (учтены преступления по злоупотреблению должностными полномочиями и получению/даче взятки) http://crimestat.ru/regions_chart_total.

Результаты

Итоги оценки предложенной модели (2) представлены в табл. 3.

Методом инфляционных факторов переменные проверены на мультиколлинеарность. Установлено ее отсутствие (коэффициент множественной корреляции $VIF(j)$ не превышает 3, в то время как подтверждением наличия мультиколлинеарности служит значение большее 10).

Исправленный R-квадрат составил 0,82, коэффициент корреляции 0,91, что говорит о высокой достоверности предложенной модели.

Как видно из данных табл. 3, статистически значимы (на уровне значимости 5 %) для ВРП региона на душу населения являются объем добычи полезных ископаемых и качество правовой среды.

Влияние неформальной компоненты регуляторной среды оказалось статистически незначимым в рамках данной базы исследования. Авторы объясняют это крайне малыми различиями культурных особенностей и деловых практик регионов в силу их исторической связности. Вместе с тем, можно предположить, что на большей выборке по числу регионов, существенно отличающихся неформальными институтами, данный фактор в долгосрочной перспективе может играть существенную роль.

Интересный результат связан с выявлением потери значимости транспортно-географического положения для регионального развития. Что подтверждает гипотезу авторов [4] и многих современных экспертов о трансформации экономических отношений в эпоху четвертой промышленной революции, уменьшении пространственного влияния на производственные цепочки и, вероятно, усилении влияния на них цифровых технологий.

Отметим, что дополнительно оценивалась модель (2) с добавлением фактора

усредненных инвестиций за 2014—2016 год. Однако, данная модель приводила к статистической незначимости всех факторов и их высокой мультиколлинеарности. В связи с чем интерпретация полученных результатов становилась невозможной.

Обсуждение

Полученные результаты продемонстрировали комплексное воздействие на региональное развитие субъектов РФ Уральского макрорегиона объема добычи полезных ископаемых и качества правовой среды. Это свидетельствует о сохраняющихся в целом сырьевой ориентации и экстрактивном характере российской экономики (среди изученных регионов наиболее экстрактивный характер носит экономика Оренбургской области и Удмуртии). Исследования тенденций развития Уральского макрорегиона [1, с. 45; 3, с. 5; 14, с. 18] показывают «негативное влияние культивируемой на протяжении длительного времени ориентации на экстенсивное производство» на темпы индустриального развития, начиная с последней четверти XX века, что подтверждает полученный авторами вывод.

Вместе с тем, из представленных данных мы видим, что ряд регионов (в частности, Свердловская и Челябинская области) сумел создать благоприятную регуляторную среду для развития обрабатывающих отраслей и инновационной экономики и обеспечить высокий уровень экономического развития при низком уровне добычи полезных ископаемых. Можно ожидать более высокие конкурентные позиции и устойчивость развития данных территорий в эпоху четвертой промышленной революции.

Схожие выводы получены С. П. Земцовым и Ю. А. Смеловым, показавшим, что хотя «диспропорции в развитии регионов России при первом приближении определяются различиями в наличии природных

Таблица 3

Результаты оценки влияния географических и институциональных факторов на уровень экономического развития субъектов РФ Уральского макрорегиона

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	Уровень значимости
const	294 234	103 323	2,848	0,1044	–
Nmin	18 354,5	4182,03	4,389	0,0482	0,05
NTransp	–17 950,4	8052,65	–2,229	0,1556	–
NinFI	–28 351,4	13 851,7	–2,047	0,1773	–
NFI	53 861,8	10 967,7	4,911	0,0391	0,05

ресурсов, некоторые регионы сумели улучшить свое положение относительно других, не имея крупных запасов углеводородов», благодаря «эффективности политики властей по снижению инвестиционных рисков и использованию человеческого капитала» [12, с. 84].

Башкортостан и Пермский край на пороге третьего десятилетия XXI века строят свое развитие на сочетании ресурсных и институциональных факторов. Мировой кризис и падение цен на энергоресурсы создают угрозы дальнейшему развитию этих регионов за счет экстенсивных факторов.

Анализ региональной динамики социально-экономических показателей регионов Уральского и Приволжского федеральных округов также подтверждает полученные авторами выводы о неустойчивости развития Оренбургской области, Пермского края, республик Башкортостан и Удмуртия [7, с. 78].

Н. В. Зубаревич указывает, что «цена вопроса» снижения географических барьеров велика, поэтому «раньше или позже придется делать выбор в пользу наиболее гибкого из факторов — модернизации институтов» [13, с. 4]. Вместе с тем она полагает, что «рост, основанный на особых институциональных преимуществах, неустойчив» [13, с. 12].

Проведенный социологический опрос местных российских руководителей территорий в 2010 показал их ориентированность «на помощь «сверху», нежели на собственные усилия», а в числе факторов развития ими отмечались «выгодное географическое положение и природно-ресурсный потенциал (от 40 до 75 % опрошенных), в то время как промышленный, научный, интеллектуальный потенциал как источник развития рассматривался лишь 6—12 % опрошенных» [6, с. 110].

Переход к цифровым технологиям окажется неизбежным [27, с. 50], а долговременные системные вызовы не могут быть решены без целенаправленного управленческого воздействия органов власти [28, р. 115].

Заключение

В исследовании установлена сохраняющаяся во втором десятилетии XXI века экстрактивная ориентация экономики большинства регионов Уральского макрорегиона — ключевого индустриального центра страны. Это создает угрозу устойчивости развития в эпоху четвертой промышленной революции, когда инновации и применение

технологий 5 и 6-го технологических укладов являются основой конкурентоспособности территорий.

Отдельные регионы (например, Свердловская и Челябинская области), взяв курс на создание инклюзивной институциональной среды для развития промышленности, инноваторства и предпринимательства, сумели обеспечить более высокое экономическое развитие без опоры на географические и ресурсные факторы.

Перспективным продолжением данного исследования представляется изучение взаимного влияния регионов на развитие соседей и отдельные факторы роста [32], структуры пространственной связности регионов и силы пространственной зависимости [8, с. 2], поиск автокорреляции между отдельными показателями [21; 25].

Несмотря на выявленную достаточно пространственно однородную неформальную институциональную среду и статистическую незначимость данного параметра для развития в сравнении с соседними регионами в среднесрочной перспективе, авторы полагают необходимым улучшать деловой климат по средствам повышения уровня доверия к власти, внутри предпринимательской среды, совершенствования деловых практик и снижения уровня коррупции, поскольку текущее состояние создает высокие транзакционные издержки и препятствия экономическому развитию [5].

Для обеспечения устойчивого роста в турбулентный период четвертой промышленной революции необходимо совершенствовать правовую среду и закрепить коридоры технологического развития регионов. Дисфункции правовой среды субъектов Уральского макрорегиона определены в диагностической табл. 2, и именно они должны стать первостепенными аспектами управления, с которыми предстоит работать региональным органам власти, ориентированным на инновационную экономику.

1. Абдурахимов Ю. В., Иванов О. П. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа: на примере Челябинской области (Часть 2) // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 44—58.

2. Аврамчикова Н. Т., Чувашова М. Н. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно ориентированного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 28 (403). С. 29—39.

3. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Уральский макрорегион в стратегии пространственного развития страны // *Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования : материалы междунар. науч. конф. X науч. Ассамблеи Ассоциации рос. географов-обществоведов (АРГО)*. М., 2019. С. 4—7.
4. Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Т. 222, № 2. С. 206—218.
5. Ахмадуллин И. Р. Коррупция как препятствие на пути развития экономики // *Проблемы управления, экономики и права в общегосударственном и региональном масштабах : сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф.* 2018. С. 6—8.
6. Байков Н. М., Невеличко Л. Г. Особенности функционирования местных сообществ городских и сельских поселений в социологическом измерении // *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 3 (56). С. 106—113.
7. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // *Социум и власть*. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
8. Бодрунов С. Д. Территории опережающего развития — важнейшее условие экономического роста России (на примере Уральского региона) // *Управленец*. 2018. Т. 9, № 1. С. 2—7.
9. Буньковский Д. В. Меры поддержки развития предпринимательства на местном уровне // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 2 (21). С. 5—12.
10. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
11. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М. : Эксмо, 2007. 760 с.
12. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 4 (40). С. 84—108.
13. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // *Региональные исследования*. 2010. № 2 (28). С. 3—14.
14. Иванова О. Ю. Тенденции развития и размещения производительных сил в пространстве Уральского макрорегиона // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2017. № 9 (103). С. 18.
15. Казакова С. М., Климанов В. В. За рубежный опыт применения дифференцированного подхода в регулировании регионального развития // *Региональная экономика. Юг России*. 2018. № 4. С. 55—68.
16. Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. Т. 1. М., 1956.
17. Лапов Д. Е. Институциональный анализ налогообложения доходов домашних хозяйств в странах-членах ОЭСР // *Вестник НГУЭУ*. 2015. № 2. С. 118—126.
18. Ленчук Е. Б., Филатов В. И. Стратегическое планирование как инструмент преодоления технологического отставания России // *Мир новой экономики*. 2019. Т. 13, № 2. С. 32—42.
19. Львов Д. С. Что дальше? (размышления о перспективных проблемах экономики и экономической науки) // *Экономическая наука современной России*. 2002. № 3. С. 5—19.
20. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / под науч. рук. В. Н. Княгинина. М., 2017. 136 с. URL: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
21. Окунев И. Ю. и др. Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития. М. : Аспект Пресс, 2020. 447 с.
22. Орехова С. В., Кислицын Е. В. Совокупная производительность факторов в промышленности России: малые vs крупные предприятия // *Journal of New Economy*. 2019. № 20 (1). С. 127—144.
23. Пилясов А. Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // *Региональные исследования*. 2011. № 1. С. 3—33.
24. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. Кн. 1. М., 1960.
25. Суворова А. В. Особенности оценки пространственных факторов развития экономики региона // *Российские регионы в фокусе перемен : сб. докладов XIV Междунар. конф. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ*, 2020. С. 608—610.
26. Тополева Т. Н. Региональное развитие: новые теории // *Juvenis Scientia*. 2019. № 6. С. 14—17.
27. Трофимова Н. Н. Влияние цифровизации экономики на модернизацию промышленности // *Актуальные проблемы экономики и управления*. 2020. № 2 (26). С. 50—54.

28. Antipin I.A. Implementation mechanisms of strategies of socio-economic territorial development: methodological approach // *R-Economy*. 2019. T. 5, № 3. P. 115—122.

29. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge : MIT Press, 1999. 384 p.

30. Glazyev S. Yu., Ajvazov A. E., Belikov V. A. The future of the world economy is an integrated world economic structure // *Economy of region*. 2018. № 14 (1). P. 1—12.

31. Krueger A. Globalization and International Locational Competition. Paper presented at the Symposium at Honor of Herbert Giersch, 2006. available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp051106> (accessed: 01.08.2020).

32. Lesage J.P., Fischer M.M. Spatial Growth Regressions: Model Specification, Estimation and Interpretation // *Spatial Economic Analysis*. 2008. № 3 (3). P. 275—304.

33. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy*. Volume III. New York : International Publishers, 1894.

34. Morisson A., Doussineau M. Regional innovation governance and place-based policies: design, implementation and implications // *Regional Studies, Regional Science*. 2019. Vol. 6 (1). P. 101—116.

35. Solow R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function // *The Review of Economics and Statistics*. 1957. № 39 (3). P. 312—320.

References

1. Abdurakhimov Yu.V., Ivanov O.P. (2020) *Socium i vlast'*, no. 1 (81), pp. 44—48 [in Rus].

2. Avramchikova N.T., Chuvashova M.N. (2015) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 28 (403), pp. 29—39 [in Rus].

3. Animitsa E.G., Vlasova N.Yu. (2019) *Obshhestvennaja geografija v menjajushemsja mire: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*. Moscow, pp. 4—7 [in Rus].

4. Animitsa E.G., Rakhmeeva I.I. (2020) *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*, vol. 222, no. 2, pp. 206—218 [in Rus].

5. Ahmadullin I.R. (2018) *Problemy upravlenija, jekonomiki i prava v obshhegosudarstvennom i regional'nom masshtabah*. Moscow, pp. 6—8 [in Rus].

6. Bajkov N.M., Nevelichko L.G. (2011) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 3 (56), pp. 106—113 [in Rus].

7. Barkhatov V.I., Pletnev D.A., Kapkaev Yu.

Sh. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Rus].

8. Bodrunov S.D. (2018) *Upravlenec*, vol. 9, no. 1, pp. 2—7 [in Rus].

9. Bunkovsky D.V. (2019) *Upravlenie ustojchivym razvitiem*, no. 2 (21), pp. 5—12 [in Rus].

10. Granberg A.G. (2000) *Osnovy regional'noj jekonomiki*. Moscow, GU VShJe, 495 p. [in Rus].

11. Gumilev L.N. (1989) *Jetnogenez i biosfera zemli*. Leningrad [in Rus].

12. Zemcov S. P., Smelov Ju. A. (2018) *Faktory regional'nogo razvitiya v Rossii: geografija, chelovecheskij kapital ili politika regionov*, no. 4 (40), pp. 84—108 [in Rus].

13. Zubarevich N.V. (2010) *Regional'nye issledovaniya*, no. 2 (28), pp. 3—14 [in Rus].

14. Ivanova O.Yu. (2017) *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 9 (103), pp. 18 [in Rus].

15. Kazakova S.M., Klimanov V.V. (2018) *Regional'naja jekonomika. Jug Rossii*, no. 4, pp. 55—68 [in Rus].

16. Kljuhevskij V.O. (1956) *Sochineniya: v 8 t. T. 1*. Moscow [in Rus].

17. Lapov D.E. (2015) *Vestnik NGUEU*, no. 2, pp. 118—126 [in Rus].

18. Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2019) *Mir novej jekonomiki*, vol. 13, no. 2, pp. 32—42 [in Rus].

19. L'vov D.S. (2002) *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, no. 3, pp. 5—19 [in Rus].

20. *Novaja tehnologicheskaja revolucija: vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii. Jekspertno-analiticheskij doklad* (2017) Moscow, 136 p. Available at: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>, accessed 01.08.2020 [in Rus].

21. Okunev I.Ju. i dr. (2020) *Atlas mezhdunarodnyh otnoshenij: prostranstvennyj analiz indikatorov mirovogo razvitiya*. Moscow, Aspekt Press. 447 p. [in Rus].

22. Orehova S.V., Kislicyn E.V. (2019) *Journal of New Economy*, no. 20 (1), pp. 127—144 [in Rus].

23. Piljasov A.N. (2011) *Regional'nye issledovaniya*, no. 1, pp. 3—33 [in Rus].

24. Solov'ev S.M. (1960) *Istorija Rossii s drevnejshih vremen: v 15 kn. Kn. 1*. Moscow [in Rus].

25. Suvorova A.V. (2020) *Rossijskie regiony v fokuse peremen Ekaterinburg*, Izdatel'stvo UMC UPI, pp. 608—610 [in Rus].

26. Topoleva T.N. (2019) *Juvenis Scientia*, no. 6, pp. 14—17 [in Rus].

27. Trofimova N.N. (2020) *Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija*, no. 2 (26), pp. 50—54 [in Rus].

28. Antipin I.A. (2019) R-Economy, vol. 5, no. 3, pp. 115—122 [in Eng].
29. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. (1999) The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. Cambridge, MIT Press [in Eng].
30. Glazyev S.Yu., Ajvazov A.E., Belikov V.A. (2018) Economy of region, no. 14 (1), pp. 1—12 [in Eng].
31. Krueger A. (2006) Globalization and International Locational Competition. Paper presented at the Symposium at Honor of Herbert Giersch. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp051106>, accessed 01.08.2020 [in Eng].
32. Lesage J.P., Fischer M.M. (2008) Spatial Economic Analysis, no. 3 (3), pp. 275—304 [in Eng].
33. Marx K. (1894) Capital: A Critique of Political Economy. New York, International Publishers, vol. III [in Eng].
34. Morisson A., Doussineau M. (2019) Regional Studies, Regional Science, no. 6 (1), pp. 101—116 [in Eng].
35. Solow R.M. (1957) The Review of Economics and Statistics, no. 39 (3), pp. 312—320 [in Eng].

For citing: Animitsa E.G., Rakhmeeva I.I.
Econometric factor analysis of regional
development of the Ural macro region
in the era of the fourth industrial revolution //
Socium i vlast'. 2020. № 5 (85). P. 51—64.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-51-64.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-51-64

UDC 332.1

ECONOMETRIC FACTOR ANALYSIS OF REGIONAL DEVELOPMENT OF THE URAL MACRO REGION IN THE ERA OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Evgeny G. Animitsa,

Ural State University of Economics,
Head of the Department Chair of Regional,
Municipal Economics and Management,
Doctor of Geographical Sciences, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation.
The Russian Federation, 620144,
Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta /
Narodnoy Voli, 62/45.
E-mail: animieg@usue.ru

Irina I. Rakhmeeva,

Ural State University of Economics,
Associate Professor of the Department Chair
of Regional and Municipal Economics
and Management, Cand. SC. (Economics).
The Russian Federation, 620144,
ekaterinburg, ulitsa 8 Marta /
Narodnoy Voli, 62/45.
E-mail: rahmeeva_ii@usue.ru

Abstract

Introduction. The fourth industrial revolution significantly changes the structure of economic relations and transforms the importance of factors in the development of territories.

The purpose of the article is to identify the most significant factors in the regional development of the Ural macro region in the context of the fourth industrial revolution and to determine the directions of impacts to ensure the competitiveness and long-term growth of territories.

Methods. The methodological basis of the study is based on a set of scientific approaches to economic growth, concepts of regional and institutional economics. Research methods include regional, comparative and econometric factor analysis.

Scientific novelty of the study. A method for identifying the significance of factors in the development of regions is proposed and the key factors for developing the subjects of the Ural macro region in the context of the fourth industrial revolution are established. The study contributes to the scientific debate on the meaning and management of institutional development factors.

Results. The author presents the results of diagnosing the regulatory environment and geographic factors of the subjects of the Ural macro region. An econometric analysis of their impact on economic development has been carried out. The statistical significance for developing the volume of mining and the quality of the legal environment in the regions has been established.

Informal institutions (the authors explain the phenomenon by weak differentiation of cultural characteristics and business practices of regions due to their historical connectivity) and transport and geographical location (due to a decrease in spatial influence and an increase in the role of digital technologies in production chains in Industry 4.0).

Conclusions. In the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions, it was possible to ensure higher values of GRP per capita due to a favorable regulatory environment. In general, in the Russian regions in the second decade of the 21st century, the raw material orientation remains (among the studied objects, the economies of the Orenburg region and Udmurtia are the most extractive). To ensure the country's long-term development, it is necessary to create a favorable business climate: improving the legal environment in the areas outlined in the study, increasing the level of trust and reducing the level of corruption.

Key concepts:

development factors,
geographic factors,
institutional factors,
regulatory environment,
regional development,
fourth industrial revolution,
old industrial region.

Для цитирования: Мельникова Т. Б., Шевчук И. А. Туризм в регионе: новые возможности развития // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 65—77. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-65-77.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-65-77

УДК 332.1

ТУРИЗМ В РЕГИОНЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Мельникова Татьяна Борисовна,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова,
Севастопольский филиал,
доцент кафедры менеджмента,
туризма и гостиничного бизнеса,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 299053,
г. Севастополь, ул. Вакуленчука, д. 29.
E-mail: tmln82@mail.ru

Шевчук Игорь Андреевич,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова,
Севастопольский филиал,
профессор кафедры менеджмента, туризма
и гостиничного бизнеса,
доктор медицинских наук.
Российская Федерация, 299053,
г. Севастополь, ул. Вакуленчука, д. 29.
E-mail: sevastopol@rea.ru

Аннотация

Введение. Современность характеризуется независимостью от финансового обеспечения при осуществлении путешествий, вводом обычного региона и окружающей повседневной действительности в туристский оборот, ориентацией не на расстояние, а на глубину эмоций при выборе места посещения.

Цель. Оценка факторов преобразования туристской среды в регионе, предопределяющих возникновение вызовов для управления региональным развитием.

Методы. В рамках исследования использованы как общелогические методы, так и эмпирического уровня. В частности, анализ подходов к управлению туристским регионом в эпоху пост-туризма, а также новых туристских практик построен на методах классификации и периодизации. При выборе факторов нового формата туристского региона применен кейс-метод и сравнение.

Научная новизна исследования. Авторами обосновано, что новая эпоха будет определяться изменениями в соотношении труда и досуга, новыми туристскими практиками и новым форматом туристского региона. Новый формат туристского региона предполагает переход к пониманию туриста как временного жителя региона и актуализирует необходимость совместного существования.

Результаты. Состояние пост-туризма для региона может быть связано с появлением новых жителей-владельцев вторых домов и деловых мигрантов, а также с социальным эффектом осознанной практики туризма. Прежде всего конкуренция таких регионов основана на нематериальных ресурсах. Факторы преобразования туристской среды позволили дать новый взгляд на оценку эффективности событийных мероприятий для территории. Предложены пороговые значения, которые позволяют принимать решения о софинансировании события со стороны регионального или местного бюджета.

Выводы. Гибридизация туризма и отдыха не дает полноценного ответа о возможном сокращении часов труда, однако свидетельствует о более краткосрочных досуговых мобильностях индивидуумов. Новые туристские практики основаны на осознанности и стремлении повысить самоэффективность. Такие преобразования открывают новые возможности для территории в части развития.

Ключевые понятия:
туристский регион,
пост-туризм,
самоэффективность,
волонтерский туризм,
медленный туризм,
местное сообщество,
управление,
осознанность.

Введение

Развитие платформенных продуктов, позволяющих туристам самим формировать свои путешествия, фактически выводят туризм из-под контроля профессионалов и снижают коммерческий аспект новых туристских практик. Безусловно, это накладывает на ожидания экономического эффекта туристскими регионами. Отдельные страны стремятся к отходу от массового туризма в пользу более осмысленного и «медленного» отдыха, который позволит увеличить потребление¹. К такому пониманию туризма приходят и по другим причинам: туристские регионы, сталкиваются со «сверхтуризмом». Местные сообщества в разных странах устанавливают квоты для посетителей, новые курортные сборы или вообще закрывают отдельные объекты наледия².

Возможной причиной осознания нового взгляда на туризм может быть формирование нового «непотребительского» типа мышления у индивидуумов в целом. Именно поэтому в научной среде широко обсуждаются особенности развития туризма в XXI веке. Выдвигается идея начала эры пост-туризма [5]. Процессы социальных изменений в обществе в целом ставят под сомнение понятие туризма как самостоятельного явления или апеллируют к появлению его всеобъемлющего характера. Происходит размывание границ тех противопоставлений, на которых строился туризм: хозяин/гость, территория обычного проживания / за пределами территории обычного проживания, обычное/сверхъестественное. Наблюдается туристификация повседневной жизни, когда городские жители демонстрируют схожие с туристами поведенческие модели, становясь активными пользователями городских пространств [19, р. 426]. Авторы исследования [5] замечают, что происходят метаморфозы туристских регионов: турист начинает интересоваться территориями, которые несут повседневное значение, теряя интерес к широко известным туристским регионам. Кроме того, переплетение туризма,

хобби, работы и отдыха не всегда позволяет выделить туризм в отдельную единицу.

В результате на наш взгляд формируются три тенденции эры пост-туризма: 1) новое соотношение труда и досуга; 2) новые туристские практики; 3) новый формат туристского региона.

Новое соотношение труда и досуга

Согласно данным Росстат наблюдаются изменения досуговых предпочтений россиян. В частности, с 2014 по 2018 годы вырос интерес к культурно-развлекательным и спортивным мероприятиям (рис. 1). Схожая ситуация прослеживается в странах Европейского Союза: в 2015 году 71 % опрошенных европейцев хотя бы один раз участвовали в культурных и спортивных мероприятиях против 69 % в 2006 году³.

Кроме того, происходит пересмотр взглядов на характер досуга и его соотношение с трудом в рамках отдельных категорий граждан. Для молодежи в возрасте от 15 до 23 лет характерно новое восприятие свободного времяпрепровождения за счет роста увлеченности хобби и занятия спортом. В то же время сократилась доля тех, кто осуществлял подработку (рис. 2).

Новое соотношение труда и досуга имеет противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается увеличение свободного времени под действием новых форм занятости, роста продолжительности жизни, цифровизации услуг, что порождает новые формы мобильности: более короткие праздники, краткосрочный отдых на выходных или среды недели, экскурсионные поездки [6].

Фактически происходит гибридизация туризма и отдыха, которая порождает изменение понятия и пространственного развития туристского региона, а также социальных взаимоотношений между туристом и местным сообществом. Противоречия исходят из того, что туризм, равно как и спорт, и в целом отдых, имеют схожую функцию — снятие напряженности и освобождение от нежелательных эмоций [17].

С другой стороны, потребность в заполнении свободного времени и большая индивидуализация туризма провоцируют увеличение трудовых практик в сфере досуга. Например, во Франции рассматривается возможность изменение привычного для местных жителей графика работы ма-

¹ Faire dépenser les touristes, un enjeu économique national. URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/faire-depenser-davantage-les-touristes-un-enjeu-economique-national-20190725> (дата обращения: 11.12.2019).

² Quotas, taxes, interdictions... Les mesures de 12 destinations contre le surtourisme. URL: <http://www.lefigaro.fr/voyages/quotas-taxes-interdictions-les-mesures-de-12-destinations-contre-le-surtourisme-20190809> (дата обращения: 11.12.2019).

³ Источник данных: База данных Eurostat. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_scp01\\$DV_659/default/table?lang=en](https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_scp01$DV_659/default/table?lang=en) (дата обращения 11.10.2020).

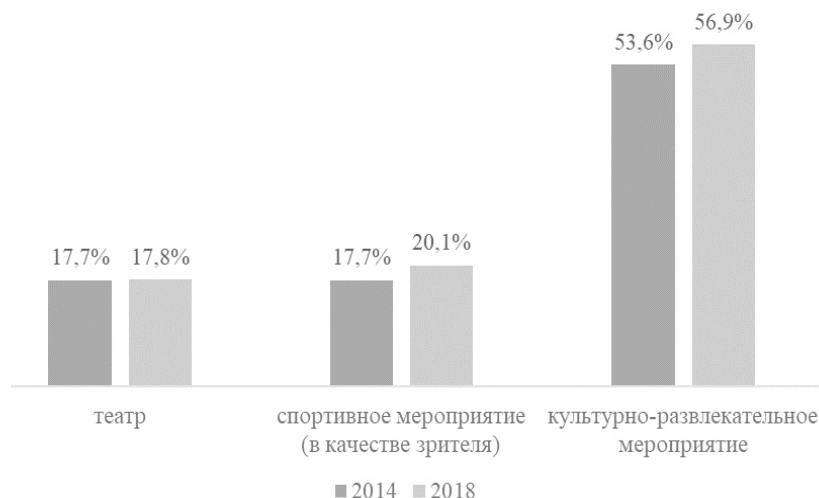

Рис. 1. Доля респондентов, посещавших мероприятие хотя бы один раз, за последние 12 месяцев (Российская Федерация)

Источник данных: Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2014, КОУЖ-2018).

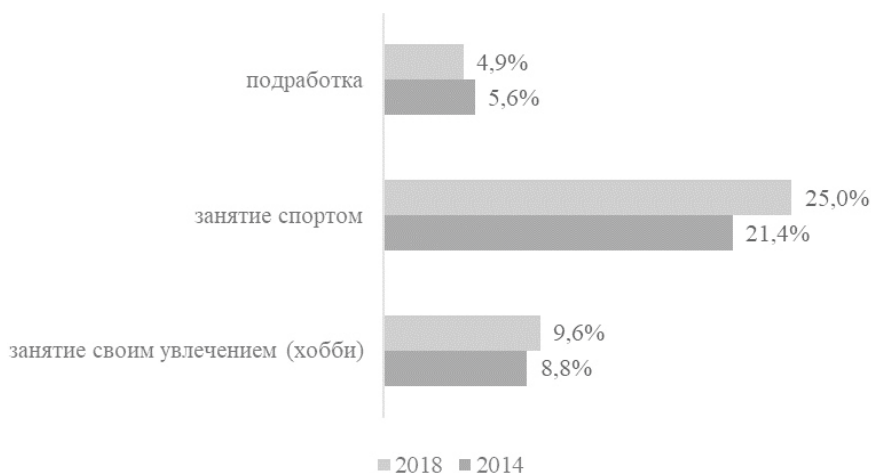

Рис. 2. Доля респондентов в возрасте 15—23 года, по занятиям в свободное время, за последние 12 месяцев (Российская Федерация)

Источник данных: Там же.

газинов: теперь они могут быть открыты в воскресные и праздничные дни. Более того, в 2018 году правительство Франции увеличило финансирование муниципальных библиотек на воскресную работу. Проект, который вызвал бурное обсуждение во французском обществе, имеет популярность среди разных групп населения: студентов, детей, людей старшего поколения¹.

¹ Un an après, les bibliothèques ouvrent-elles « mieux et plus » ? URL: https://www.lemonde.fr/culture/article/2019/02/27/timide-ouverture-pour-les-bibliotheques_5428823_3246.html (дата обращения: 15.12.2019).

Новые туристские практики

Согласно исследованиям Всемирной туристской организации, произошли изменения в структуре целей туристских поездок (рис. 3). С 2014 по 2018 годы сократилась доля деловых поездок и не изменилась доля посещения друзей, родственников, а также в целях религиозных и лечения. В результате на 3 % увеличилась доля тех,

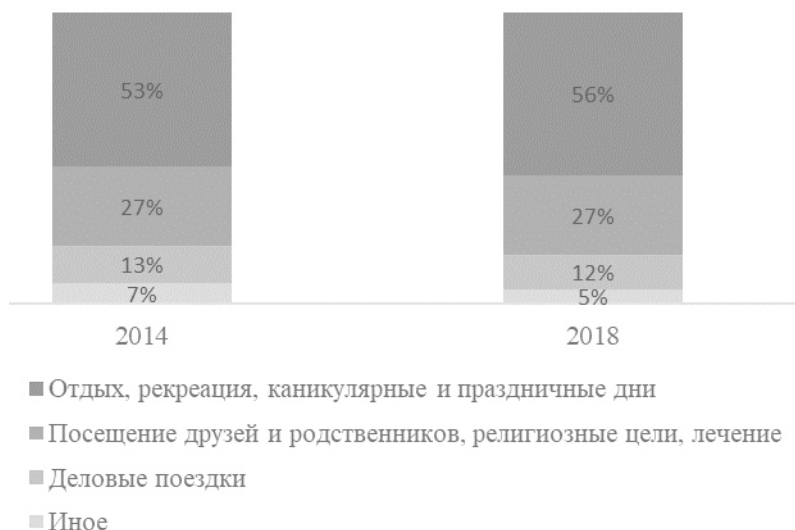

Рис. 3. Сравнительная структура мирового туристского потока по целям визита в 2014 и 2018 годах

Источник данных: Панель данных (дашборд) о развитии туризма в мире // Всемирная туристская организация. URL: <https://www.unwto.org/global-and-regional-tourism-performance> (дата обращения: 11.10.2020).

кто рассматривает туризм как средство восстановления сил либо в короткие выходные и праздничные дни, либо в период очередного отпуска. Для россиян за аналогичный период произошли еще более кардинальные изменения: доля респондентов, которые за последний год совершили туристскую или экскурсионную поездку выросла с 23,7 % в 2014 году до 51,6 % в 2018 году, что стало следствием как роста доходов населения, так и расширения направлений отдыха. В частности, число посетителей экологических троп в рамках особо охраняемых природных территорий России увеличилось за четыре года на 88 % по государственным природным заповедникам и на 67 % по национальным паркам¹.

Переосмысление туристских практик происходит параллельно с более глубоким изучением поведения индивидуума. Факторы, влияющие на человеческое поведение, описываются через теорию запланированного поведения и теорию самоэффективности. Исходя из первой теории, поведение находится под действием самооценки последствий данных действий и субъективных норм к поведению, а также воспринимаемого поведенческого контроля, который призван усилить связь между намерением и поведением. Воспринимаемый поведенческий контроль связан с внешними атрибутами,

¹ Источник данных: Официальная статистика. Окружающая среда // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 11.10.2020).

такими как время, уровень располагаемых денежных средств, безопасность, необходимая информация. Теория самоэффективности предполагает оценку индивидуумом внутренних ресурсов: психологическое состояние, вербальная поддержка, соотношение с «желаемым» поведением и приобретенные навыки поведения [14, р. 183].

С широким внедрением Интернета в социальную жизнь индивидуумов, оценка самоэффективности становится более подвержена колебаниям. Кроме того, изменилась природа субъективных убеждений, стало легче найти сторонников даже самой необычной жизненной позиции. Такая ситуация отразилась и на туристских предпочтениях. Новые туристские практики связаны, в первую очередь, с осознанными действиями.

Осознанный туризм базируется на повторном открытии повседневной среды, взаимодействии с местным сообществом, повышении самоэффективности. Осознанность представляет собой процесс проведения различий и дает индивидууму понимание разных точек зрения на ситуацию. Согласно модели осознанного поведения туристов, внимательность посетителей определяется встречным движением факторов «осознанности» туристского региона и туриста. К факторам места посещения можно отнести коммуникационные и информационные особенности объекта, к факторам, связанным с туристами, — их знания, опыт, мотивации и особенности состояния [8].

Для новых туристских практик путешествия связано не с географическим местом, а с эмоциональным состоянием, то есть вопрос «что я увижу во время отдыха?» заменяется на — «какие эмоции и навыки получу от отдыха?». Происходит изменение формы туризма, его замедление, отдых становится более импровизационным и интегрированным в местные культуры. В рамках недавнего опроса 53 % европейцев высказались за более «расслабленный» отдых, так как он начал мало чем отличаться от работы — слишком организованный, без минуты лишнего времени. Такие настроения послужили толчком к развитию «медленного» туризма, основной целью которого является более глубокое изучение местности, его атмосферы и обычаев¹. В соединении с озабоченностью экологическими проблемами такой туризм становится более щадящим к окружающей среде. Одним из новых направлений выступает CowoSlowTourism², который позиционируется его инициаторами как совместное использование транспорта, проживания питания и рабочего пространства.

Новые туристские практики связаны и с трудовой деятельностью, особенно добровольческого характера. В этой связи ученых заинтересовала мотивация таких туристов. В рамках исследований намерений к осуществлению волонтерского туризма было построено две модели. В первой — оценивалась зависимость волонтерского туризма от отношения, субъективных норм и воспринимаемого поведенческого контроля (разделен на внутренние и внешние факторы), во второй — последний атрибут был заменен на самоэффективность. Согласно результатам исследования самоэффективность и внутренние факторы воспринимаемого поведенческого контроля (время, деньги, владение иностранным языком) оказались наиболее значимыми факторами, последние имели отрицательную зависимость. Кроме того, статистически значимыми получились субъективные нормы (влияние социальных групп), однако в совокупности с самоэффективностью их влияние чуть меньше [14, р. 189].

При волонтерском туризме, состояние пост-туризм можно рассматривать как по-

¹ Le slow travel, une tendance pour prendre le temps de profiter. URL: <http://www.lefigaro.fr/voyages/2016/02/11/30003-20160211ARTFIG00140-le-slow-travel-une-tendance-pour-prendre-le-temps-de-profiler.php> (дата обращения: 15.12.2019).

² Organiser un événement CowoSlowTourism. URL: https://movilab.org/wiki/Organiser_un_%C3%A9v%C3%A9nement_CowoSlowTourism (дата обращения: 15.12.2019).

следствия для туристского региона от деятельности туристов-добровольцев. Положительное влияние волонтерского туризма для самого туриста и для туристского региона, как во время туристской поездки, так и после нее (пост-туризм) представлено в табл. 1.

Вместе с тем, отмечается и негативное влияние волонтерского туризма, к которому можно отнести превращение социальной или экологической проблемы в товар, пренебрежение потребностями местных жителей при формировании направлений волонтерской деятельности, низкое качество выполняемой работы, снижение возможности трудоустройства для местных жителей, формирование зависимости от добровольчества [10, р. 652].

Новые туристские практики предполагают новое прочтение уже ставших популярными видов туризма. Событийно-гастрономический туризм, например, обычно рассматривается как классический туристский продукт, с выделением в рамках своей системы функций, сфер обеспечения занятости и определения групп участников [1, с. 102]. Теперь актуальным становится изучение психологии туристских предпочтений. Факторы, которые влияют на приобретение или потребление местной еды можно условно разделить на две группы: связанные с туристом и сформированные на основе опыта взаимодействия с туристской территорией. К первой группе факторов можно отнести заботу о здоровье, культурный опыт, волнение, межличностные отношения, сенсорную привлекательность, пищевую неофилию, социо-демографические факторы. Ко второй группе относят факторы, связанные с количеством предыдущих посещений, длительностью пребывания, количеством посетителей, прибывших вместе, информацией о местной еде [15, р. 116].

Новый формат туристского региона

Ядром нового формата туристского региона выступает включение местного сообщества данных территорий в построенные туристских и пост-туристских практик. Классическое понимание туристского региона предполагает рассмотрение его с одной стороны, как территорию, которую продвигают профессионалы, а с другой стороны, как территорию восприятия туристом. На пересечении этих направлений происходит совместное строительство туристского региона, где основными акторами выступают сами туристы, которые проектируют многоуровневые региональные сети турист-

Таблица 1

Положительное влияние волонтерского туризма

	Турист	Туристский регион
Туристская поездка	Приобретение знаний	Решение социальных проблем
	Развитие профессиональных навыков	Обмен идеями
	Развитие самосознания	Прямые экономические выгоды для местных сообществ
Пост-туризм	Приверженность решению социальных и экологических проблем	Изменение поведенческой модели местного сообщества

Составлено автором на основе [10].

ских мест в соответствии с туристской мобильностью, инвесторы, а также круг лиц, который улучшает ценность территории и рекомендует маршруты для гостей региона [21]. Местные сообщества остаются в стороне. Одной из наиболее распространенных причин напряженности в отношениях между туристами и местными жителям является несоответствие интересов в части использования мест досуга и повседневных практик. Если для туристских регионов, где большая часть экономики формируется за счет туризма, данные трения носят менее выраженный характер, то для «обычных» регионов, которые становятся предметом нового интереса среди туристов, напряженное сосуществование может быть более ярко выраженным.

Констатируется различное восприятие туристами и местными жителями одной и той же ситуации в регионе. В 2008—2010 годах в ходе интервью, проведенного на курортах Коста-Рики местные жители высказывали обеспокоенность экологическими последствиями от развития туризма. Согласно их мнению, наблюдались разрушения окружающей среды, незащищенность пляжей, загрязнение воды и вырубка лесов. В тоже время, 43 % туристов, посетивших данные территории, считали, что никаких проблем с ухудшением окружающей среды в результате развитие туризма не наблюдается [11, р. 905]. Аналогичная ситуация может наблюдаться и в регионах России.

Траектория восприятия местным сообществом туристского статуса своего региона проживания описывается несколькими теориями. В 1975 году для британских морских курортов была разработана модель, описывающая, что отношение местного сообщества к туристам проходит фазы любопытства к гостям, апатии и антагонизма [5]. Концепция жизненного цикла туристской территории предполагает, что по мере развития происходят изменения в инфраструктуре и социо-культурной среде, которые модифицируют отношение местного сообщества к

туризму. Тем самым наступает этап, когда большое количество туристов вызывает негативные взгляды жителей. Однако данная модель не учитывает неоднородность местного сообщества, поэтому отдельными исследователями она дополняется теорией социального обмена, которая изучает баланс преимуществ и недостатков туризма для разнородных групп жителей [16, р. 536]. Среди факторов, оказывающих влияние на восприятие местными жителями туристского статуса региона можно выделить следующие: демографические, экономические, длительность проживания в регионе и близость к туристской активности. Авторы исследования также выявили существование разрыва во взглядах жителей разных территорий, который связан не с типами туристов, а с преобладанием преимуществ от гостей и соответствующей адаптацией общества к посетителям.

Разработана также концепция инфраструктурного развития туристского региона. Первоначально под действием благоприятных для туризма факторов (природных и культурных) и в целях привлечения туристов формируется инфраструктура, которая приводит к первой трансформации территории. Туристский поток вызывает дальнейшее развитие индустрии досуга, создания новых рабочих мест, роста потребления. У части гостей региона возникает желание иметь свои вторые дома на данной территории, что формирует культуру пост-туризма и вторую трансформацию региона, которая происходит в форме возникновения нового способа жизни, развития новых сфер деятельности, новых форм социального взаимодействия [17].

Новое понимание туристского региона восходит к переосмыслению понятия жизненного пространства. Вслед за Анри Лefевром, который глагол «проживать» вывел за рамки географической идентификации, соединив с понятием «бытие», Оливие Лазаротти генерирует два подхода к глаголу «проживать»: 1) деятельность индивидуума

в соответствующем пространстве, включающая активность, мобильность, миграцию; 2) самобытность и культурные особенности индивидуума, раскрывающиеся через определенное пространство [12]. Таким образом, пост-турист или осознанный турист может быть рассмотрен как временный житель посещаемого пространства, что выражено в концепции «совместного существования» туриста и местных жителей [13].

Так называемая «миграция для комфортной жизни» (англ. — «amenity migration», франц. — «migration d'agrément») приводит не только к приобретению второго жилья для сезонного отдыха или постоянного проживания, но и связана с появлением бизнес-мигрантов, которые переезжают в регион для ведения бизнеса в сфере туризма. Тем самым экономический эффект выходит за границы прямого влияния (доход от туристской деятельности) и формируется косвенный эффект в виде дохода от новых резидентов [17, р. 129].

Шведскими исследователями изучен опыт взаимодействия местного сообщества и приезжих из других стран Западной Европы с целью построения туристского бизнеса. Модель туристского развития в Швеции исторически схожа с российской, основана на широком присутствии государственного (муниципального) сектора при управлении рекреационными объектами и открытом доступе к лесным местностям. Для шведских властей политика открытого доступа — залог улучшения физического и психического благополучия граждан. Лишь с 1980-х годов распространение неolibеральных ценностей постепенно содействовало проникновению приватизации и коммерциализации в сектор досуга. Начиная с 2000-х годов муниципалитеты начали активно приглашать представителей стран Западной Европы для развития туристского бизнеса в сельской местности. Первая трансформация территории происходила не так гладко как предполагалось. Наиболее вероятны четыре сценария развития взаимоотношений между местным сообществом и бизнес-мигрантами. Первый сценарий предполагает, что в местной стратегии развития преобладают интересы граждан, в то время как стратегии бизнес-мигрантов ориентированы на экономический рост. В таком случае бизнес может испытывать трудности с полноценным спросом со стороны потребителей ввиду широкого распространения общедоступных услуг. Второй сценарий возникает, когда и государственный сектор, и бизнес стремятся к количественному росту экономических

показателей, что может порождать конкуренцию. В случае, если бизнес-мигранты приехали за комфортным проживанием и пассивным бизнес существованием, а местное сообщество намерено за счет туризма поднять экономику региона, то мы сталкиваемся с третьим сценарием. В четвертом сценарии взаимодействия заложены ориентации на комфортность существования как бизнеса, так и муниципальных властей [9, р. 489].

Пост-туристские практики могут содействовать развитию социальной или солидарной экономики в туристском регионе. В частности, во Франции практикуются альтернативные проекты по поддержке местных фермерских хозяйств. Для региональной экономики такое сотрудничество позволяет более полно использовать потенциал фермеров, ввиду того, что такие соглашения в отличие от взаимодействия с крупными ритейлерами, предполагают приобретения всей производимой продукции. Для потребителей преимущества от такого взаимодействия основываются на согласовании методов выращивания и производства продукции. Однако, отдельными исследователями ставятся вопросы о рентабельности таких сетей в сравнении, например, с рыночной торговлей. В целом, система обеспечивает более стабильный доход, вместе с тем остается открытым эффективностью распределения трансакционных издержек [20, р. 32].

Пост-туристский регион конкурирует не только посредством материальных ресурсов (объекты культурного наследия, инфраструктура), сколько через нематериальные ресурсы (маркетинг территории, межфирменная конкуренция и кооперация, взаимодействие местного сообщества и туристов). Одним из таких триггеров туристского региона в эпоху пост-туризма может стать креативность или творчество. Несмотря на широкую вовлеченность понятия креативность в туристские исследования, дискуссия о ее интеграции в туристские стратегии территорий остается открытой. Различают несколько подходов к творческому туризму. С позиции потребительского спроса творческий туризм предлагает гостям возможность развивать свой творческий потенциал через участие в мероприятиях. Творческий туризм со стороны поставщиков нацелен на переосмысление ресурсов и применение более устойчивых моделей туристской деятельности. Творческий туризм как «переговоры» между местным сообществом и туристом исходит из получения

посетителями опыта в рамках установления связи с непосредственными создателями живой культуры [4, р. 304].

Креативность расширяет пространственные границы присутствия туризма в регионе, вовлекая «обычные» районы в туристский оборот, и часто запускает процессы джентрификации. Происходит изменение коммерческого ландшафта, а также выход жилья на рынок помещений для отдыха, что получило особенный толчок благодаря платформам Airbnb или Wimdu. На территориях высокого туристского спроса потребности туристов слабо отличаются от других видов мобильности местных жителей. Такую ситуацию связывают с появлением «космополитического класса потребителей», которые будучи опытными путешественниками, заинтересованы в более сложных впечатлениях и посещениях «обычных» туристских мест, разделяя предпочтения городских жителей [19, р. 427].

Подходы к управлению туристским регионом в эпоху пост-туризма

Анализ современных тенденций позволяет сформулировать отличительные черты туризма в эпоху пост-туризма, которые представлены в табл. 2. Пост-туризм создает определенные вызовы для современной системы управления туристским и досуговым развитием региона.

Первый вызов связан с невозможностью формирования эффективной системы досуга в регионе для совместного пользования туристами и местными жителями. Функциональные подразделения по отдельным аспектам деятельного досуга либо направлены на управление материально-техническими базами, либо на профессиональные конкурсы. В тоже время событийные мероприятия приурочены преимущественно к сезонным туристским потокам. В результате система досуга не вовлекает в деятельный досуг значительную часть местного населения.

Второй вызов исходит из ориентации исключительно на «организованного» туриста, который составляет уже незначительную долю туристского потока [2, с. 140]. Та доля туристов, которая не попадает в данную категорию, соответственно, не обеспечена мерами безопасности и не вовлечена в «осознанный» туризм. Организация туристских практик таких посетителей ложиться на плечи общественных организаций или на самих туристов, что упрощается с развитием технологий, однако не всегда принимает во

внимание устойчивое развитие территории.

Логика третьего вызова предполагает широкое развитие творчества или креативности, что существует пока отдельно для туризма и досуга граждан. Акцент следовало бы делать на вовлечение местного сообщества в творческие проекты совместного использования, при этом не должно складываться впечатление, что местные жители «обслуживают» туристов. Такие проекты содействовали бы решению части фундаментальных проблем российской экономики, в частности через расширение мотивации бизнеса и населения к инновационной деятельности [3, с. 196].

Особенности оценки событийных мероприятий

Ориентация на устойчивое развитие вносит свои коррективы в оценку эффективности событийных мероприятий в части их влияния на социально-экономическое развитие региона. В научной литературе наиболее распространена трехуровневая типология событийных мероприятий. В табл. 3 автором сопоставлены типы событийных мероприятий и их целеполагание с позиции регионального развития.

Важность такой дифференциации состоит в том, что зачастую в рамках событийных календарей тех или иных регионов в качестве туристского события рассматриваются местные фестивали. Стоит отметить, что такие мероприятия имеют ограниченный экономический эффект на местную экономику ввиду того, что происходит перераспределение уже существующего богатства, так как основным участником и посетителем выступает местное сообщество. Предполагается, что те денежные средства, которые посетители-местные жители оставляют на фестивале, все равно были бы потрачены в регионе. Истинно туристское событие имеет своей целью привлечение экстерриториальных к региону денежных средств. При этом, оценка эффективности такого события для регионального развития, безусловно, включает не только экономический фактор. В рамках последних исследований особое внимание уделяется таким двум факторам как охрана окружающей среды и взаимодействие с местным сообществом [18; 23], что в результате формирует четыре сферы влияния события на регион. Во-первых, туристское событие влияет на активность местного сообщества, что может проявляться в развитии новых спортивных и культурных практик,

Таблица 2

Сравнительная характеристика эпохи классического туризма и пост-туризма

Критерий	Эпоха классического туризма	Эпоха пост-туризма
Финансовое обеспечение туриста	Необходимость обладать достаточным уровнем финансирования	Путешествие не зависит от финансового обеспечения
Туристский регион	Туристский регион обладает туристской уникальностью (экстраординарностью)	Туристским регионом может быть «обычный» регион
Туризм и культура	Объектом культурного интереса выступают внесенные в списки объекты культуры	Объектом культурного интереса могут быть все, что окружает туриста
Мобильность	Расстояние имеет значение Отдаленность отдыха — синоним отдаленности стресса и негативных эмоций	Расстояние не имеет значение. Отдаленность стресса и негативных эмоций достигается не расстоянием, а глубиной эмоций
Взаимодействие туриста с туристским регионом	Туризм для себя	Туризм солидарный, сознательный
Осознанность туристских предпочтений	Туристские предпочтения зависимы от профессиональных туристских компаний и масс-медиа	Вырабатываются самостоятельные туристские предпочтения
Туризм и повседневная жизнь	Четкое разграничение во времени, месте и сущности	Гибридизация

Составлено автором на основе [17; 25; 26].

Таблица 3

Классификация событийных мероприятий с позиции их влияния на региональное развитие

Тип мероприятия	Целеполагание с позиции социально-экономического развития региона
Местные фестивали и события	На благо местных жителей (социальный эффект)
Туристский магнит	Стимулирование экономического развития, привлечение дополнительных денежных средств в форме трат туристов
Мега-событие	Стимулирование устойчивого развития местной экономики (социальный и экономический эффект, инфраструктурные изменения)

Составлено автором на основе [22, р. 10].

изменения отношения к здоровью, досугу и работе [24]. Во-вторых, может наблюдаться социальный эффект, как положительный, так и отрицательный. Повышение удовлетворенности местных жителей происходит в виду возможности участия в событиях или в их организации как на безоплатной, так и на платной основе, а также от расширения круга потенциальных контактов. Могут возникнуть и негативные социальные последствия для местного населения, выражающие в транспортных неудобствах, шуме, не соответствии мероприятия целевых установках сообщества. В-третьих, важны последствия для окружающей среды региона, исходящие от используемого оборудования на открытых мероприятиях, повышенной нагрузки на часть территории. В-четвертых, происходит экономическое влияние посредством изменения занятости, показателей деятельности предприятий, уровня благосостояния местных жителей.

При более детальном рассмотрении экономического эффекта можно разделить на прямой, косвенный и индуцированный. Прямое воздействие связано с затратами на организацию и участие в мероприятии, косвенное — с последующими взаимодействиями организаций, получивших доход от мероприятия, с местными предприятиями, а индуцированное — с дальнейшим потреблением домохозяйств [7, р. 134].

Мы можем тем самым, предложить ряд количественных критериев для оценки событийных мероприятий с позиции их влияния на социально-экономическое развитие региона (табл. 4). На основе таких критериев можно принимать решение о софинансировании события со стороны регионального или местного бюджета, или о других мерах государственной поддержки.

Критерии оценки событийного мероприятия как туристского магнита

№	Наименование критерия	Пороговое значение
1	Дополнительная занятость местного населения	Не менее 20 % от общей численности занятых на подготовку и проведение события
2	Количество привлекаемых местных предприятий и организаций для подготовки и проведения события	Не менее 20 % от общего количества предприятий и организаций, задействованных в подготовке и проведении события
3	Удельный вес гостей города среди участников и посетителей события	Не менее 60 % от общего количества участников и посетителей
4	Дополнительные средние расходы гостя города во время события	Входной билет, расходы на территории события
5	Договор с туроператором	Не менее одного договора

Составлено автором.

Заключение

Туризм постепенно выходит из сферы ответственности профессионалов. Одновременно приводя к пересмотру позиции местных сообществ и предпочтений путешественников. Принимая во внимание существующие исследования о новой эре туризма, мы предлагаем рассматривать соотношение труда и досуга, новые туристские практики и новый формат туристского региона — как основные характеристики эры пост-туризма.

Объяснение появления новых туристских практик построено на преобладающем влиянии субъективных норм к поведению и самооэффективности, которые стали играть более активную роль с развитием Интернета. Для региональной экономики такие практики несут как преобразующее влияние, так и социально-экономические последствия.

В новый формат туристского региона турист интегрируется как временный житель, что на фоне повышенной мобильности местных жителей образует множество стратегий взаимодействия.

В результате преобразований туристской среды назревает необходимость переосмысления системы управления регионом, включая модернизацию функций органов исполнительной власти, ориентацию на совместные проекты отдыха для граждан и туристов, развитие творческих проектов.

Развитие событийного туризма строится на интеграции мероприятия в социальное и экономическое пространство региона и требует преобладания положительных эффектов для местного сообщества.

в повышении эффективности региональной экономики // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. Вып. 7. С. 99—112.

2. Воронова Т. А., Шевчук И. А., Мельникова Т. Б. Новый подход к сегментации туристов в целях регионального развития (на примере города федерального значения Севастополя) // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2019. № 4 (106). С. 133—146.

3. Гринберг Р. С. Российский путь выхода из кризиса: самобытность против универсального тренда // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 190—196.

4. Adamo G. E., Ferrari S., Gilli M. Creativity as a source of differentiation in urban tourism: The case of Torino city // International Journal of Tourism Research. 2019. Vol. 21 (3). P. 302—310.

5. Condevaux A., Djament-Tran G., Grava-ri-Barbas M. Avant et après le(s) tourisme(s). Trajectoires des lieux et rôles des acteurs du tourisme «hors des sentiers battus». Une analyse bibliographique // Via. 2016. № 9.

6. Cominelli F., Fagnoni É., Jacquot S. Les espaces du tourisme et des loisirs: entre ordinaire et extraordinaire // Bulletin de l'association de géographes français. 2018. Vol. 95 (4). P. 431—441.

7. Džupka P., Šebová M. Local economic impact of the white night festival in Košice // E+M Ekonomie a Management. 2016. Vol. 19 (2). P. 132—141.

8. Dutt Ch. The role of mindfulness in tourism; Tourism businesses' perspectives of mindfulness. Conference: 29th EuroCHRIE, Dubrovnik, Croatia, 2011.

9. Eimermann M., Tillberg Mattsson K., Carson DA. International tourism entrepreneurs in Swedish peripheries: Compliance and collision with public tourism strategies // Regional Science Policy and Practice. 2018. Vol. 11 (3). P. 479—492.

1. Вишневецкая Е. В., Богомазова И. В. Роль событийно-гастрономического туризма

10. Hernandez-Maskivker G., Lapointe D., Aquino R. The impact of volunteer tourism on local communities: a managerial perspective // *International Journal of Tourism Research*. 2018. № 20. P. 650—659.

11. Irazábal C. Coastal Urban Planning in The 'Green Republic': Tourism Development and the Nature—Infrastructure Paradox in Costa Rica // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2018. Vol. 42 (5). P. 882—913.

12. Lazzarotti O. *Habiter, la condition géographique*. Paris ; Belin : Mappemonde, 2006. 288 p.

13. Lazzarotti O. *Habiter en touriste, c'est habiter le Monde* // *Mondes du Tourisme*. 2018. № 14.

14. Lee SJ, Lina Kim H. Roles of perceived behavioral control and self-efficacy to volunteer tourists' intended participation via theory of planned behavior // *International Journal of Tourism Research*. 2018. № 20. P. 182—190.

15. Madaleno A., Eusebio C., Varum C. Purchase of local food products during trips by international visitors // *International Journal of Tourism Research*. 2018. № 20. P. 115—125.

16. Martinez-Garcia E., Raya J. M, Majo J. Differences in residents' attitudes towards tourism among mass tourism destinations // *International Journal of Tourism Research*. 2017. № 19. P. 535—545.

17. Martin N. *Les migrations d'agrement, marqueur d'une dynamique d'apres tourisme dans les territoires de montagne*. Geographie. Universite de Grenoble, 2013.

18. Maurence E. *La mesure de l'impact économique d'un evenement touristique*. EMC/Ministere de l'Economie, des Finances et de l'Industrie, DGClS. Decembre 2010.

19. Novy J. *Destination Berlin revisited. From (new) tourism towards a pentagon of mobility and place consumption* // *Tourism Geographies*. 2018. Vol. 20 (3). P. 418—442.

20. Olivier V., Coquart D. *Les AMAP: une alternative socio-économique pour des petits producteurs locaux ?* // *Économie rurale*. 2010. № 318—319. P. 20—36.

21. Piriou J. *The Tourist Region: A Co-Construction of Tourism Stakeholders*. ISTE Ltd and John Wiley & Sons, 2019. 256 p.

22. Pirnar I., Kurtural S., Tutuncuoglu M. Festivals and destination marketing: An application from Izmir City // *Journal of Tourism, Heritage & Services Marketing*. 2019. Vol. 5(1). P. 9—14.

23. Sadd D., Fyall A., Wardrop K. Evaluative event frameworks: A learning destination perspective // *International Journal of Tourism Research*. 2017. № 19. P. 339—348.

24. Shevchuk, I. A., Melnikova, T. B. Exogenous model of job satisfaction // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol 13, № 5. P. 818—830.

25. Urry J. *The Tourist Gaze*. Sage publications, London, 2002. 282 p.

26. Viard J. *Eloge de la mobilité*. Editions de l'Aube, 2011. 208 p.

References

1. Vishnevskaya E.V., Bogomazova I.V. (2017) *Servis v Rossii i za rubezhom*, vol. 11, no. 7, pp. 99—112. [in Rus].

2. Voronova T.A., Shevchuk I.A., Melnikova T.B. (2019) *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, no. 4 (106), pp. 133—146. [in Rus].

3. Greenberg, R.S. (2015) *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, no. 2 (26), pp. 190—196 [in Rus].

4. Adamo G.E., Ferrari S., Gilli M. (2019) *International Journal of Tourism Research*, vol. 21 (3), pp. 302—310. [in Eng].

5. Condevaux A., Djament-Tran G., Gravari-Barbas M. (2016) *Via*, no. 9. [in French].

6. Cominelli F., Fagnoni É., Jacquot S. (2018) *Bulletin de l'association de géographes français*, vol. 95 (4), pp. 431—441. [in French].

7. Džupka P., Šebová M. (2016) *E+M Ekonomie a Management*, vol. 19(2), pp. 132—141. [in Eng].

8. Dutt Ch. (2011) *The role of mindfulness in tourism; Tourism businesses' perspectives of mindfulness*. Conference: 29th EuroCHRIE, Dubrovnik, Croatia [in Eng].

9. Eimermann M., Tillberg Mattsson K., Carson DA. (2018) *Regional Science Policy and Practice*, vol. 11(3), pp. 479—492. [in Eng].

10. Hernandez-Maskivker G., Lapointe D., Aquino R. (2018) *International Journal of Tourism Research*, no. 20, pp. 650—659 [in Eng].

11. Irazábal C. (2018) *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 42 (5), pp. 882—913. [in Eng].

12. Lazzarotti O. (2006) *Habiter, la condition géographique*. Paris, Belin, Mappemonde, 288 p. [in French].

13. Lazzarotti O. (2018) *Mondes du Tourisme*, no. 14. [in French].

14. Lee SJ, Lina Kim H. (2018) *International Journal of Tourism Research*, no. 20, pp. 182—190. [in Eng].

15. Madaleno A., Eusebio C., Varum C. (2018) *International Journal of Tourism Research*, no. 20, pp. 115—125 [in Eng].

16. Martinez-Garcia E., Raya J.M, Majo J. (2017) *International Journal of Tourism Research*, no. 19, pp. 535—545. [in Eng].

17. Martin N. (2013) Les migrations d'agrement, marqueur d'une dynamique d'apres tourisme dans les territoires de montagne. Geographie. Universite de Grenoble. 2013. [in French].
18. Maurence E. (2010) La mesure de l'impact economique d'un evenement touristique. EMC/Ministere de l'Economie, des Finances et de l'Industrie, DGCIS. [in French].
19. Novy J. (2018) Tourism Geographies, vol. 20 (3), pp. 418—442. [in Eng].
20. Olivier V., Coquart D. (2010) Économie rurale, no. 318—319, pp. 20—36. [in French].
21. Piriou J. (2019) The Tourist Region: a Co-Construction of Tourism Stakeholders. ISTE Ltd and John Wiley & Sons, 256 p. [in Eng].
22. Pirnar I., Kurtural S., Tutuncuoglu M. (2019) Journal of Tourism, Heritage & Services Marketing, vol. 5(1), pp. 9—14. [in Eng].
23. Sadd D., Fyall A., Wardrop K. (2017) International Journal of Tourism Research, no. 19, pp. 339—348. [in Eng].
24. Shevchuk I.A., Melnikova T.B. (2020) Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, vol. 13, no. 5, pp. 818—830. [in Eng].
25. Urry J. (2002) The Tourist Gaze. Sage publications, London, 282 p. [in Eng].
26. Viard J. (2011) Eloge de la mobilité. Editions de l'Aube, 208 p. [in French].

For citing: Melnikova T.B., Shevchuk I.A.
Tourism in a region:
new development opportunities // *Socium i vlast'*. 2020. № 5 (85). P. 65—77.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-65-77.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-65-77

UDC 332.1

TOURISM IN A REGION: NEW DEVELOPMENT OPPORTUNITIES

Tatyana B. Melnikova,

Plekhanov Russian University of Economics,
Sevastopol Branch,
Associate Professor of the Department
of Management, Tourism and Hospitality,
Cand. Sc. (Economics).
The Russian Federation, 299053,
Sevastopol, ulitsa Vakulenchuka, 29
E-mail: tmln82@mail.ru

Igor A. Shevchuk,

Plekhanov Russian University of Economics,
Sevastopol Branch,
Professor of the Department for Management,
Tourism and Hospitality,
Doctor of Medical Sciences,
The Russian Federation, 299053,
Sevastopol, ulitsa Vakulenchuka, 29
E-mail: sevastopol@rea.ru

Abstract

Introduction. Modern times are characterized by independence from financial support for travel due to introducing an ordinary region with its daily surrounding into tourist circulation, focusing not on distance, but on the depth of emotions when choosing a place to visit.

The aim of the study is to assess the factors of transforming the tourist environment in a region, which might result in a number of challenges for managing the regional development.

Methods. In the framework of the study, both general logical methods and empirical methods

are used. In particular, the analysis of approaches to managing a tourist region in the post-tourism era, as well as new tourist practices are based on classification and periodization. When choosing the factors of the tourist region new format, the case method and comparison were applied.

The scientific novelty of the study. The authors substantiate that the new era will be determined by changes in the labor-leisure ratio, new tourist practices and new tourist region format. The new tourist region format involves a transition to understanding the tourist as a temporary resident of the region and actualizes the need for coexistence.

Results. The state of post-tourism for such a region may be due to the emergence of new residents-owners of second homes and business migrants, as well as the social effect of deliberate tourism practices. The competition of such regions is based on intangible resources. The factors of transforming the tourist environment made it possible to give a new look at assessing the effectiveness of an event for the territory. The authors propose threshold values that will allow making decisions on the co-financing of the event from the regional or local budget.

Conclusions. Hybridization of tourism and leisure does not provide a complete answer about a possible reduction in work hours, however, indicates a short-term leisure mobility of individuals. New tourism practices are based on awareness and desire to increase self-efficacy. Such transformations open up new opportunities for the territory development.

Key concepts:
tourist region,
post-tourism,
self-efficacy,
volunteer tourism,
slow tourism,
local community,
management,
awareness.

Для цитирования: Новикова О. Н. Игроизация бытия человека в контексте цифровой культуры // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 78—85. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-78-85.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-78-85

УДК 130.2

ИГРОИЗАЦИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Новикова Оксана Николаевна,

Уральский государственный
лесотехнический университет,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент.
Российская Федерация, 620032, Свердловская
область, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 37.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Аннотация

Введение и цель. Статья посвящена анализу феномена игроизации бытия человека в контексте происходящих изменений в сфере цифровой культуры. Выявляются антропологические следствия этого феномена.

Методы. Методами научного исследования, позволяющими выявить и охарактеризовать антропологические следствия цифровизации бытия человека и культуры, служат философско-антропологический и культурологический анализы.

Научная новизна исследования. Описана виртуальная форма игроизации бытия человека, представленная в цифровой самопрезентации. Обосновано появление человека нового типа — *Homo mobiludens*, для которого виртуальная реальность становится упрощенной формой бытия, а технические и технологические возможности создают эффект присутствия в нем. Показаны расширившиеся возможности игроизации бытия человека в сфере образования и услуг с началом пандемии COVID-19.

Выводы. Игроизация бытия, соединив воедино управленческие, социально-культурные, технологические и маркетинговые инновации, упорядочивает жизненные риски человека в новой цифровой культуре.

Ключевые понятия:
игроизация,
цифровая культура,
информационные технологии,
идентичность.

Введение

Современный социокультурный кризис, проявившийся в нестабильности и иррациональности бытия человека, неуверенности в завтрашнем дне, предопределил поиск новых жизненных продуктивных стратегий, одной из которых является игроизация бытия человека, понимаемая как проникновение игровых элементов в неигровые формы жизни, чему в значительной степени способствуют процессы цифровизации бытия человека и современной культуры.

Теоретическая база

Происходящая цифровая трансформация бытия, стирая границы реальности, переносит человека в плоскость новых технологий и технического оборудования, где происходит единение техники и человека. «В двадцатом веке электронные медиа поддерживают глубинную трансформацию бытия человека, его культурной идентичности. Телефон, радио, кино, телевидение, компьютер, а сейчас их интеграция в “мультимедиа”, переструктурируют слова, звуки и образы с тем, чтобы культивировать новые конфигурации индивидуальности» [20, с. 24]. В рамках цифровой культуры человек получает возможность все идеи, мысли и чувства подвергнуть оцифровке. «Каждое средство информации представляет собой своего рода новую культурную форму. Преобразование аналоговых данных в цифровые называется дигитализацией. Все существующие средства информации преобразуются в “новые медиа”, переходя в цифровой формат. Любая информация, если она может быть описана и измерена, может быть оцифрована» [15, с. 50]. Интернет, виртуальные технологии не только проникли во все сферы бытия человека, но и изменили его жизненное пространство «стиранием граней между физическим, цифровым (информационным) и биологическим (человеческим) мирами», что, по словам К. Шваба, привело к формированию нового искусственного и коллективного интеллекта [17, с. 208].

Поэтому не случайно интерес к феномену цифровой культуры, так же как и к определению киберкультуры и цифрового пространства, проявлен в многочисленных исследованиях (А. А. Антипов, Л. В. Баева, В. Г. Буданов, Д. В. Галкин, Д. И. Дубровский, Е. Е. Елькина, В. А. Кутырев, Е. В. Масланов, Г. М. Шаповалова, А. В. Политов, Д. Е. Прокудин, Е. Г. Соколов, Н. Л. Соколова и др.). Обобщающее понимание цифровой куль-

туры сводится к современным информационным технологиям, их функциональным возможностям применения в профессиональной деятельности и быту. Одни исследователи связывают феномен цифровой культуры с переходом масс-медиа от аналоговых форматов к цифровым (Р. Вылков, Е. В. Масланов, В. В. Савчук). Другие включают в цифровую культуру компьютерные игры, интернет пространства, технологические средства (А. А. Антипов, Л. А. Баева, Д. В. Галкин Е. Е. Елькина, А. В. Политов, Г. М. Шаповалова и др.).

По словам Л. В. Баевой, «информационная эпоха, это не только технологически новый этап развития, но и особый тип культуры, коммуникации и экономики, предельной интеграции человечества в единое информационное пространство, связывающее новыми связями природный мир, общество и человека в целостную систему» [1, с. 76]. Д. В. Галкин цифровую культуру определяет как «артефакты и символические структуры, основанные на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенные в институциональную систему и способствующие поддержанию определенных ценностей, закрепленные ментально и создающие формы автодетерминации» [6, с. 16]. В. Рыжков считает, что «цифровая культура — набор принципов и компетенций, характеризующих преимущественное использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и решения задач в профессиональной деятельности» [13].

Но независимо от понимания объекта и предмета изучения основной мотив научных работ направлен на выявление антропологических изменений, происходящих с человеком вследствие с происходящими культурными нововведениями.

В этой связи современные исследователи отмечают эскалацию игровой деятельности человека, что связано не только с желанием современника самоутвердиться, но и с возможностями Интернета, который оказывает влияние на правила взаимодействия, коммуникацию между людьми как в позитивном, так и патологически-разрушительном аспектах (Н. Т. Ацбега, К. Ю. Баннов, А. С. Баранов, Л. А. Белоглазова, А. М. Бессмертный, И. В. Гаенкова, А. В. Долгунова, Р. Р. Ильясов, О. О. Николина, В. А. Никитина, Н. В. Помогайлова, Е. А. Репринцева, Е. И. Спешилова, Е. А. Филатова, Е. Л. Яковлева и др.). Так, К. Ю. Баннов акцентирует внимание на смысловых значениях современной игры, отме-

чая огромные возможности средств массовой коммуникации, использующих игровые технологии с целью манипуляции человеком [2]. Л. А. Белоглазова пишет: «Стремление современного человека играть есть выражение желания имитировать событийность полнокровной жизни, особенно там, где её собственное содержание выхолощено и заполнено чуждыми смыслами» [3, с. 170]. Игра становится «культурологическим символом, выражающим вечные поиски человечеством универсальной системы духовного познания бытия» [4, с. 7].

Мы считаем, что вместе с формированием новых культурных феноменов формируется и новый тип человека — *Homo mobiludens* (термин О. Н.), для которого виртуальная реальность становится упрощенной формой реального бытия, а технические и технологические возможности создают эффект присутствия в нем [10; 11]. Цифровая культура, объединяя в единую информационную систему знания прошлого и настоящего, формирует и мгновенно рождает знание будущего, становясь доступным путем в иномирие. Рационально технические достижения научной мысли становятся средством формирования мифических образов и иррациональных фантазий. «Подобно романам, кинематографу и комиксам, киберпространство позволяет нам отключить привычные научные правила, обуславливающие физическую реальность, в которой живут наши тела» [7, с. 271]. Человеческое тело, являясь маркером реального действия во времени и пространстве, приобретает иное состояние, включаясь в процесс виртуализации. Телесно человек обнаруживает дихотомию реального и возможного, включаясь в игровые практики, позволяющие связать воедино процесс постижение чего либо через подражательный акт, включающий воображение, творческое начало и собственное действие (эксперимент). В результате реальное-телесное замещается воображаемым, мнимым, тем, что отражается в чувствах и ощущениях, конструируемых в виртуальной реальности.

Обсуждение

Человек, существуя в мире собственных представлений, оперирует образами, взятыми из интернет-среды, где существует возможность пережить множество обликов и судеб. В стремлении идентифицировать собственное Я, *Homo mobiludens* всю личную жизнь выводит в публичное пространство (Instagram, ВКонтакте, TikTok и другие). Используя философско-антропологический подход к исследованию

фото-видеоматериалов, текстовых сообщений, можно раскрыть механизмы позиционирования современника в сетевых ресурсах. Мотивация собственными интересами, стремление к наслаждению, благополучию достигается игровыми возможностями информационных ресурсов, позволяющих создать красивый, но иллюзорный мир, ведь подчас в сети демонстрируется возможное желаемое как действительное (постановочные фото, видеорепортажи из собственной жизни, акцентирующие внимание на позитивно разыгрываемых жизненных симуляциях).

Представляя свою жизнь в социальных сетях как на сцене, современник, не задумываясь, становится основным поставщиком сведений о себе, подкрепляя их фотографиями, постами, сообщениями или хештегом, чтобы упорядочить личную информацию, сделать ее более заметной. Игровые элементы осознанно вводятся в нарратив виртуальной жизни для предъявления ее как активной, полновесной и успешной, что нередко является мифом, иллюзией, заранее выстроенной сказкой. Homo mobiludens становится летописцем собственной жизненной истории, в которой акцентируется внимание на виртуальных нарративах, таких как привлекательный образ, сюжет, социокультурная среда.

Современник готов менять личину, маску, свой вид, осознанно предъявляя идеализированную виртуальную персону, выдавая себя за другого, того, кем не является. Технологические возможности виртуального цифрового мира позволяют действовать человеку не как самостоятельная личность, а как ее цифровой двойник, виртуализированный персонаж, выводящий за пределы самого себя, соединяя и сопоставляя себя и Другого. Выбор личного аватара (картинки пользователя) становится моделью, образом самопрезентации, завуалировано (мультяшный или несуществующий герой) или реалистично предъявляющий сведения о владельце, отражающие какие-либо специфические черты характера пользователя, особенности внутреннего мира и желаемого статуса.

Аватарка, группы по интересам, подписки по темам, просмотренным контентам, выставляемые фото, видео, участие в сообществах становятся маркерами человека-игрока. Виртуальные игровые миры получают огромное количество информации о личных вкусах, действиях и предпочтениях не только собственно владельцев аккаунтов, но и их друзей, подписчиков, членов сообществ, что позволяет в дальнейшем

координировать и управлять их действиями и мотивами. Личная жизненная история каждого в виртуальном мире переплетается с историями других (друзей, подписчиков, членов группы, сообществ), что рождает метасюжеты, вводящие человека в общий формат бытия, демонстрирующие заслуги и достижения в соотношении с житейскими практиками товарищей, друзей, знакомых, людей одного поколения. Данная метаигра вписывает каждого в метанарративы как «принцип интегральной организации культуры и социальной жизни» [12, с. 276], формирует мировоззрение, структурирует и контролирует бытие человека.

Традиционная игровая коммуникация всегда предполагает личную реальную встречу, согласование и организацию времени, места и специфики игрового действия. Виртуальная игровая коммуникация не требует реального перемещения ни во времени, ни в пространстве, технологически и технически перенося участника виртуального взаимодействия в любые исторические, социальные, реально существующие или ирреальные миры. Диалектика взаимодействия виртуального мира, с одной стороны, личностно-ориентирована, с другой стороны — обезличена технологическими возможностями организации в любом месте и времени игровой структуры.

Разработчики виртуальных контентов при проектировании игровых виртуальных сред учитывают мотивационные аспекты, аксиологические координаты жизнедеятельности предполагаемых участников игровых и коммуникационных сообществ, и помогают им в этом виртуальные страницы современников, аккаунты в социальных сетях. Развлекательные посты, чередующиеся смешными мемами, видео, интересной и познавательной информацией, подаваемые разработчиками сайтов во всплывающих окнах, ссылках, выявляют интересы и предпочтения целевой аудитории, позволяя в дальнейшем как можно дольше удерживать внимание Homo mobiludens в виртуальном игровом пространстве.

Достаточно вспомнить изменения поведенческих реакций в цифровых средах современников за последнее время. Традиционно используя Интернет для поиска информации, сведений, конкретного знания, современник легко отвлекается, свободно дрейфуя в информационно-игровых просторах виртуальных сетей, перемещаясь от ссылки к ссылке. Он безраздельно окунается в мир многоликих новостей, сообщений, увлеченный не столько содержательной

правдой, сколько незнакомой экзотической атмосферой, эпатажной подачей материала, структурируемой личностными эстетическими предпочтениями. Он «втягивается» в информационный поток возможностью компилировать его структуру, содержание, подстраивая его под собственное мышление и восприятие. Диалектичность содержательной стороны виртуальных миров, с одной стороны, поражает своей доступностью и многогранностью, с другой — ведет к обесцениванию знаний, и как следствие, возможности его замещения. Критериями знания становится не истина, а польза, эффективность и успех. «С одной стороны, формируется плюрализм, возникают аргументации, связанные с распространением парадоксов и паралогизмов, с другой — происходит технизация доказательства, сводящего «истину» к «результативности» [5].

Информационная перенасыщенность трансформирует любые культурные проявления в визуальный знак, товар, имеющий глубинное, дополнительное значение, символично отражающие успешность или жизненный проигрыш. Визуальная демонстрация своего недвижимого имущества (квартиры, загородного дома, садового участка, виллы на берегу моря и т. д.), средства передвижения (скейтборт или коньки, автомобиль, самолет или иной транспорт), организация отдыха (приусадебный участок с шашлыками, туристическая палатка на фоне российских природных красот, тропический пляжный отдых или экстремальный туризм и т. д.) становятся игровыми визуальными маркерами, демонстрирующими границы личной свободы человека, его отношение с пространством и временем, склонности к авантюризму, приключениям или релаксации.

В поисках собственной идентичности человек блуждает по игровым средам, виртуальным сетям, новостным каналам. Всплывающие окна, переводные ссылки, мелькание новостных, развлекательных, рекламных контентов, не обременяя память, вводит современника в цифровую реальность, погружая в мир информации, не загружая мыслительную деятельность. Человек оказывается в гуще всего происходящего в реальной жизни, становясь электронным «кочевником» [18, с. 59], экзистенциально нацеленным на постоянное движение, личное обновление, в поисках рождения нового Я. Стремясь к неограниченной свободе, осваивая оцифрованные миры, *Nomo mobiludens* переносит их свойства и характеристики в реальную жизнь,

нивелируя постоянство и стабильность готовностью к частой смене работы, места жительства, партнера. Ведь уже У. Митчелл писал: «миниатюризация электронных устройств и увеличение количества цифровой информации радикально поменяла отношения людей со средой обитания и друг с другом», «тела теперь находятся в состоянии непрерывного электронного взаимодействия с окружающей средой», вследствие чего размываются границы пола, расы и даже биологического вида» [9, с. 9, 84].

Современник начинает жить в сети не только частной собственной жизнью, но и переносит туда все значимые, серьезные, социокультурные события своего народа, страны. Он демонстрирует не только бытовую, но и профессиональную коммуникацию, создавая профессионально направленные блоки, чаты, нередко для поднятия собственной популярности используя национальные идеи или слоганы.

Достаточно отметить популярность и отклик участия в таких социокультурных цифровых мероприятиях, как «Спасибо деду за победу», «Я помню, я горжусь», «Бессмертный полк онлайн» и другие. Виртуальные выставки, тематические сайты, посвященные поиску родственников участников ВОВ, публикация интересных материалов про ВОВ, архивные документы и хроники, с одной стороны, продолжают традицию, являясь данью уважения памяти тем, кто сражался, с другой — допускают публикации материалов, не соответствующих истине, подчас искажающих факты, функционирующих по принципу «желтой прессы». Руководители и модераторы данных сообществ для привлечения большего количества народа и трансляции личных взглядов и идей используют псевдоисторический материал (не подкрепленный документально), делая акцент на значимых для россиян словах, таких как «Родина», «память», «Победа», «героизм народа» и другие.

Как национальный архетип символический образ героевроссийской истории и Великой Отечественной войны эксплуатируется в компьютерной игре, становясь средством формирования как патриотично ориентированных сограждан, так и их противников. А. Чепмен указывает, что разработчики цифровых игр, сознательно делают историческую игру доступной и понятной, скрывая смерть, лишения, последствия военных действий, театрализованной романтичностью [19]. Используя «избирательный реализм», разработчики компьютерных игр редко включают в сюжетную линию

виртуальных миров мирных жителей, женщин и детей, чтобы исключить принятие сложных этических решений в определенных ситуациях игроком.

Исследователи (С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян) указывают, что фейковые искажения сюжетных линий, как, например, в игре *Company of Heroes — 2* и других подобных цифровых площадках, смещают архетип врага с нацистских оккупантов на органы НКВД и ориентируют на формировании ложного имиджа русского воина [16]. Так осуществляется переинтерпретация исторической памяти, разрушающая не только личностную, но и национальную идентичность.

Поэтому в поисках своей идентичности современник и кочует с сайта на сайт, создавая иллюзию реального бытия, размывающую границы между реальным и искусственным. Он создает новую цифровую форму игроизации бытия человека, в которой закладывается дружеское общение и знакомства, оцифровываются новые события, как в личной, так и политической жизни страны виртуальным участием в их цифровых интерпретациях.

Изначально формирование цифровой культуры начинается с освоения персональных компьютеров и виртуальных сетей, позволивших получить легкий доступ к мегаинформации, ускоренной коммуникации (независимо от места и времени). Постепенное расширение цифровых технологий, берущих свое начало из компьютерных игр, формирует технологическое искусство, гуманитарную информатику и другие многообразия цифровых практик в культуре, что способствует изменению не только культуры потребления, но и самой природы человека. Онлайн-игры становятся системой широкого социокультурного взаимодействия, где игроки, активно участвуя в процессе производства и потребления товаров и услуг, получают статус просьюмера. «Распространенность подобных массовых практик приводит к размыванию границ между потреблением и производством, игрой и работой, свободным временем и трудом, подрывает монополию профессионального сектора, вступает в противоречие с установившейся иерархией в культуре: культура становится полем борьбы за легитимное производство смыслов и установление культурных норм» [14]. Развиваясь на уровне доступности, удовлетворяя запросы человека на новизну впечатлений и удовольствий, цифровые средства коммуникации расширили свои медийные пределы, введя «цифровые путешествия», «цифровую

память», «цифровые услуги», «цифровое образование» и др. Умение работать играючи с цифровым материалом, его компиляция, способность быть актуальной только здесь и сейчас также содержат черты игроизации, ведь в цифровом мире актуально только настоящее, а прошлое и будущее релевантны. Оцифрованное знание, потеряв свою ценность, перестало быть самоцелью. Оно приобретает свою значимость в новом практическом применении, став товаром, а не истиной, потребительской услугой, удовлетворяющей запросы человека, благодаря позитивной мотивации и энтузиазму. Цифровая культура адаптивна, она, как и игровая деятельность, легко подстраивается и вписывает человека в новые обстоятельства, факты благодаря своей скорости, доступности и простоте включения человека в любую цифровую среду, поддерживаемая принципами, такими как технологическая адаптивность, цифровое мышление (гибкость, объемность, многозначность, символичность), самопрезентативная коммуникация и этическая целесообразность.

Игроизация бытия, вплетая воедино технологические, маркетинговые, социокультурные и управленческие инновации, организует жизнь человека, упорядочивая его жизненные риски. Достаточно вспомнить, как расширилась цифровая культура человека с началом глобальной пандемии COVID-19. Выстраивая свою идентичность в виртуальном мире, современник разыгрывает в нем благоприятное пространство, где риски и ущерб сведен к минимуму, что помогает преодолеть личностный кризис отчуждения реального мира. Перевод на удаленную дистанционную систему работы и учебы с целью предотвращения распространения инфекции заставил по-новому организовать свое рабочее время и пространство. Элементы игрофикации (геймификация) в виде различных подходов, характерных для компьютерных игр, применяются в неигровых средах с целью вовлеченности потребителя и обучающихся в решение практических задач, потребление товаров и услуг. Концентрация внимания пользователя поддерживается динамично развивающимся сценарием, подстраиваемым под индивидуальные потребности Homo mobiludens. Поощрения в виде бонусов, виртуальных очков, наград, скидок, для получения необходимого знания, услуги или товара. Межпользовательское взаимодействие между клиентом и администратором цифровой сети выстраивается на учёте и корректировке поведения человека и пред-

полагает постепенное погружение в цифровую виртуальную среду, что также заимствовано из игровых технологий.

Современный образовательный процесс традиционно использовал игровые элементы, а с внедрением электронных информационно-образовательных сред геймификация становится облегченным инструментом донесения и закрепления знания (гибкость образовательного процесса, сочетание дополненной и виртуальной реальности, применение игровых технологий, возможностей анализа больших данных, внедрение искусственного интеллекта, машинного обучения, достижений робототехники и др.). Акцент на положительные эмоции, обучение — играючи, как бы мимоходом, делают данный процесс малозатратным, как в физическом (не нужно перемещаться во времени и пространстве, индивидуальная траектория обучения предполагает учет психофизиологических параметров человека и т. д.), так и в экономическом планах. Постепенный, поэтапный переход к более сложному материалу становится вызовом самому себе и воспринимается как личная победа, подкрепленная опытом самостоятельной работы. Прохождение моделей, симуляторов закрепляет практический опыт и допускает ошибочность действия, что также способствует более позитивному настрою и целеполаганию. Предъявление проблемных вопросов в формате вообразимой ситуации способствует нахождению нестандартного подхода с возможностью выявления нескольких способов достижения желаемого и т. д.

Несмотря на то что геймификация упрощает, систематизирует и снижает риски бытия человека, вовлекая в цифровой образовательный или сервисный процесс своей эмоциональной направленностью и вовлеченностью, она содержит и негативные аспекты. Современник, находясь в цифровой среде, погруженный в виртуальное (вообразимое) пространство, диссоциативен. Ведь его сознание, память, чувственные переживания и идентификация претерпевают изменения, подменяя свои реальные цели, мотивы деятельности потребностями собственного виртуального двойника, персонажа. Соревновательный дух борьбы, свойственный любой игровой деятельности, переносится в реальные среды и предъявляет другого человека как соперника, конкурента, победителя или проигравшего.

Пронизанная практической целесообразностью, цифровая игра становится у современного человека ответственностью возможностью многократно переиграть конечный

результат, в череде виртуальных ситуаций, событий. Проникая во все структуры и все слои общества, она закладывает новые цифровые модели деятельности, где «искусственная игра становится востребованной в современных социальных институтах, структуры и функции которых все более виртуализируются» [8, с. 145].

Заключение

В современной цифровой культуре возникает новая виртуальная форма игроизации бытия человека, которую мы определяем как процесс конструирования собственной реальности в сети, отображаемой через символический смысл симуляций и симулякров.

Виртуальная форма игроизации бытия человека проявляется:

- в разыгрывании личного желаемого бытия как действительного в публичном пространстве социальных сетей;
- в формировании нового типа человека — Homo mobiludens, для которого виртуальная реальность становится упрощенной формой бытия, а технические и технологические возможности создают эффект присутствия в нем;
- в поисках собственной идентичности Homo mobiludens как летописец своей жизни поставляет информацию о себе, конструирующую его предпочтения и желания, такие как привлекательный образ, сюжет, социокультурная среда;
- в том, что цифровая виртуальная среда становится метаигрой, вписывающей каждого современника в метанарратив, в котором в обыденной истории каждого человека представляются текущие события народа, страны;
- соединяя воедино все рассмотренные компоненты, виртуальная форма игроизации бытия человека в новой цифровой культуре сглаживает остроту жизненных рисков человека.

1. Баева Л. В. Электронная культура // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75—83.

2. Баннов К. Ю. Философско-культурологические основания концепции игровой культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 14. С. 10—15.

3. Белоглазова Л. А. Номолуденс в ситуации постмодерна // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т. 7, № 6. С. 168—171.

4. Бессмертный А. М., Гаенкова И. В. Философские основы игры в аспекте смены культур и социальных практик общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 7 (102). С. 4—9.

5. Волков В. Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-nedoverie-k-metanarrativam> (дата обращения: 09.09.2020).

6. Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 11—16. URL: <http://www.culturalresearch.ru> (дата обращения: 09.09.2020).

7. Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху : пер. с англ. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. 480 с.

8. Кравченко С. А. Игровая Россия: социологическая парадигма // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143—155.

9. Митчелл У. Я++: Человек, город, сети. М. : Strelka Press, 2012. 328 с.

10. Новикова О. Н., Беяева Л. А. Человек играющий в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3 (37). С. 82—95.

11. Новикова О. Н. Деконструкция игрового пространства культуры: от пайдеи к Номо мобилуденс // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2 (424). С. 66—73.

12. Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : ИнтерПресСервис : Кн. дом, 2001. 1040 с.

13. Рыжков В. Что такое цифровая культура? URL: http://www.komanda-a.pro/blog/digital_culture (дата обращения: 09.09.2020).

14. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-ili-kultura-v-tsifrovuyuepohu> (дата обращения: 09.09.2020).

15. Электронная культура и экранное творчество / авт. вступ. ст., сост. и науч. ред. К. Э. Разлогов. М. : Акад. проект : РИК, 2006. 382 с.

16. Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 3. С. 67—86.

17. Шваб К. Четвертая промышленная революция : монография : пер. с англ. М. : Э, 2017. 208 с.

18. Яковлева Е. Л., Селиверстова Н. С., Григорьева О. В. Трансформация идентичности личности в результате развития цифровых каналов коммуникаций // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования : материалы междунар. конф. (Москва, МПГУ, 24—25 апреля 2018 г.) / под общ. ред. М. М. Мусарского, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. М. : МПГУ, 2018. С. 59—66.

19. Chapman A. Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice. New York : Routledge, 2016. 302 p.

20. Poster M. The Second Media Age. Cambridge : Polity Press, 1995. 204 p.

References

1. Baeva L.V. (2013) Voprosy filosofii, no. 5, pp. 75—83 [in Rus].

2. Bannov K.Ju. (2007) Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 14, pp. 10—15 [in Rus].

3. Beloglazova L.A. (2011) Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta, vol. 7, no. 6, pp. 168—171 [in Rus].

4. Bessmertnyj A.M., Gaenkova I.V. (2015) Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, no. 7 (102), pp. 4—9 [in Rus].

5. Volkov V.N. (2015) Kul'turnoe nasledie Rossii, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-nedoverie-k-metanarrativam>, accessed 09.09.2020 [in Rus].

6. Galkin D.V. (2012) Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury, no. 3 (8), pp. 11—16. Available at: <http://www.culturalresearch.ru>, accessed 09.09.2020 [in Rus].

7. Djevis Je. (2008) Tehnognozis: mir, magija i misticizm v informacionnuju jepohu. Ekaterinburg, Ul'tra, Kul'tura, 480 p. [in Rus].

8. Kravchenko S.A. (2002) Obshhestvennye nauki i sovremennost', no. 6, pp. 143—155 [in Rus].

9. Mitchell U. (2012) Ja++: Chelovek, gorod, seti. Moscow, Strelka Press, 328 p. [in Rus].

10. Novikova O.N., Beljaeva L. A. (2018) Idei i idealy, no. 3 (37), vol. 2, pp. 82—95 [in Rus].

11. Novikova O.N. (2019) Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 2 (424), pp. 66—73 [in Rus].

12. Gricanov A. A., Mozhejko M. A. (2001) Postmodernizm: jenciklopedija [Postmodernism: an encyclopedia]. Minsk, Interpresservis, Knizhnyj dom, 1040 p. [in Rus].

13. Ryzhkov V. (2019) Digital_culture. Available at: http://www.komanda-a.pro>blog/digital_culture, accessed 09.09.2020 [in Rus].

14. Sokolova N.L. (2012) Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury, no. 3 (8). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-ili-kultura-v-tsifrovuyu-epohu>, accessed 09.09.2020. [in Rus].

15. Razlogov K. Ya i drugie (2006) Jelektronnaja kul'tura i jekrannoe tvorcestvo. Moscow, Akademieskij Proekt, RIK, 382 p. [in Rus].

16. Fedorchenko S N., Tedikov D.O., Tesljuk K.V., Markarjan R.A. (2019) Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, no. 3. pp. 67—86 [in Rus].

17. Shvab K. (2017) Chetvertaja promyshlennaja revoljucija. Moscow, Je, 208 p. [in Rus].

18. Jakovleva E. L., Seliverstova N. S., Grigor'eva O. V. (2018) Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitija. Cifrovizacija jekonomiki i obshhestva: vyzovy dlja sistemy obrazovanija. Moscow, MPGU, pp. 59—66 [in Rus].

19. Chapman A. (2016) Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice. New York, Routledge, 302 p. [in Eng].

20. Poster M. (1995) The Second Media Age. Cambridge, PolityPress, 204 p. [in Eng].

For citing: Novikova O.N. Gamification of human being in the context of digital culture // Socium i vlast'. 2020. № 5 (85). P. 78—85. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-78-85.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-78-85

UDC 130.2

GAMIFICATION OF HUMAN BEING IN THE CONTEXT OF DIGITAL CULTURE

Oksana N. Novikova,

the Ural State Forest Engineering University, Head of the Department Chair of Socio-humanitarian Disciplines Cand.Sc. (Education), Associate Professor. The Russian Federation, 620100, Yekaterinburg, Sibirsky trakt, 37. E-mail: oksnovi@mail.ru

Abstract

Introduction and purpose of the study.

The article is focused analyzing the phenomenon of gamification of human being in the context of current changes in digital culture. The author reveals anthropological consequences of this phenomenon.

Methods. Methods of scientific research, making it possible to identify and characterize anthropological consequences of digitalization of human being and culture, are philosophical, anthropological and cultural analyses.

Scientific novelty of the research. The author describes the virtual form of gamification of human being, presented in digital self-presentation. The author justifies the emergence of a new type of man, Homo mobiludens, for whom virtual reality becomes a simplified form of being, and technical and technological capabilities create the effect of being there. The expanded possibilities of human existence gamification in education and service sector with the beginning of the global Covid-19 pandemic are shown.

Conclusions. The gamification of being, combining together managerial, socio-cultural, technological and marketing innovations, streamlines human life risks in a new digital culture.

Key concepts:
gamification,
digital culture,
information technology,
identity.

Для цитирования: Ильюшенко Н. С.
Философия для детей:
эффективный инструмент развития
самостоятельности мышления //
Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 86—94.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-86-94.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-86-94

УДК 101.1 + 101.9

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЫШЛЕНИЯ

Ильюшенко Надежда Сергеевна,

Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
Центр управления знаниями и компетенциями,
научный сотрудник.
220072, Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
E-mail: n.iliushenko@gmail.com

Аннотация

Содержание статьи находится в тематическом поле практической философии, обозначенном как «философия для детей». В рамках статьи рассмотрена специфика философского языка. Эксплицированы и описаны основные языковые средства, позволяющие расширить привычные описания мира, добиться выражения нетривиальных философских интуиций, наметить новые направления философского поиска. Особое внимание уделено таким приемам как использование в философских текстах метафор, тавтологий и порочного круга в определении, а также пошагового, постепенного уточнения мысли путем введения «оперативных понятий».

В заключение приведены примеры заданий, служащих освоению детьми школьного возраста (10—13 лет) языка философии в рамках реализации программы дополнительного образования для детей и подростков «Зеленое Солнце» (авторский коллектив: Н. Ильюшенко, Н. Кутузова, Д. Кутузов, О. Давыдик).

Ключевые понятия:

диалог,
метафора,
оперативные понятия,
тавтология,
философия для детей,
язык философии.

Нередко первое знакомство неподготовленного читателя с философским текстом (вне зависимости от того, в каком возрасте и на каком жизненном этапе оно происходит) может вызвать целый спектр переживаний: от удивления и недоумения до раздражения и даже злости. Как правило, такие реакции оказываются своеобразным ответом на сложность и специфику философского языка, трудность освоения которого отмечали во все времена. Например, древние греки прозвали Гераклита Эфесского «Темным» за то, что его рассуждения отличались туманностью и неоднозначностью. Постигание содержащихся в них смыслов требовало от «любителей мудрости» серьезного интеллектуального напряжения. Сегодня изучение философских концепций также предполагает не только знание специальных терминов, но и понимание того, чему в конечном итоге служит вся «механика» философского языка.

Наглядной демонстрацией сложности философских размышлений для простого схватывания может считаться произведенный М. Хайдеггером анализ того, что составляет сущность вещи. Разбирая данный вопрос на примере чаши, философ пишет: «В подношении полной чаши пребывает одно-сложенность четырех. Подношение чаши есть дар потому, что дает пребывать земле и небу, божествам и смертным. Пребывание тут, однако, уже не просто постоянство чего-то наличного. Пребывание есть событие. Оно выносит четверых в ясность их собственной сути. От ее одно-сложности они вверены друг другу. Единясь в этой взаимопринадлежности, они выходят из потаенности. Подношение чаши дает пребывать односложности четверицы всех четырех. Но в подношении чаша осуществляется как чаша. Подношение собирает в себе то, что входит в поднесение: двоякое вмещение, вмещающее, пустоту и выливание поднесенного. Все это, собранное вместе в подношении, само собрано вокруг сбывающегося пребывания четверицы. Это многосложно простое собиранье — существо чаши» [11]. Приведенное определение может по праву считаться одним из наиболее красочных примеров того, каким неоднозначным и запутанным может быть философский текст. Отсутствие ожидаемых пояснений о том, что значит «пребывание», «событие» или «одно-сложность», способны отвлечь читателя не только от дальнейшего знакомства с работами М. Хайдеггера, но даже навсегда лишить желания обращаться к философским трудам в целом.

Вместе с тем важно отметить, что такая форма изложения мысли — не есть нечто, от чего философы намерены избавляться. И хотя многие солидарны с позицией Л. Витгенштейна, придававшего огромное значение ясности мысли и любого языкового высказывания («Все, что вообще может быть помыслено, может быть помыслено ясно. Все, что возможно высказать, возможно высказать ясно» [2, с. 106]), примечательно и то, что язык философии — феномен, существующий и активно развивающийся на протяжении более двух тысяч лет, так и не был упрощен или замещен каким-либо другим, более простым, способом «работы с мыслью». Подтверждают это тексты современных авторов. В частности, профессор Американского Университета в Каире (Египет), широко известный философ-метафизик Г. Харман (род. 1968) пишет: «Если говорить об асимметричной и буферной внутренней жизни объекта, то заместительные связи возникают от случая к случаю, — давая рождение новым объектам с их собственными внутренними пространствами. Перед нами — постоянная встреча асимметричных партнеров внутри каждого унифицированного объекта: реальный объект встречается с чувственно воспринимаемым заместителем или представителем другого объекта. Причинная связь образуется там, где эти препятствия оказываются сломаны или подвешены» [12, с. 76]. В приведенном фрагменте Г. Харман раскрывает идею замещающей причинности путем введения таких категорий, которые сами во многом нуждаются в пояснении: «внутренняя жизнь объекта», «подвешенность» и т. д. Возникает закономерный вопрос: предложенное философом объяснение направлено на то, чтобы нечто разъяснить, или на то, чтобы стимулировать читателя поставить еще больше вопросов?

Ответ не в последнюю очередь обнаруживает себя в пространстве тех задач, решению которых исторически служит философское знание. Известно, что философия является доказавшим свою эффективность средством познания мира, развития критического отношения к реальности и инструментом личностного мировоззренческого самоопределения. Все эти тезисы сегодня выступают в определенной мере аксиоматическими и стандартно воспроизводятся, когда важно обосновать, зачем, например, современному студенту изучать философское наследие прошлого. Подчеркивается, что философия хорошо приспособлена для решения задач стимулирования рефлексив-

ности, креативности и в целом повышения культурной эрудиции обучающихся. Вместе с тем, сведение преподавания данной дисциплины к заучиванию отдельных философских концепций нередко приводит к тому, что многие из приемов, служащих достижению указанных выше целей, остаются в тени или вовсе не используются. Не претендуя на исчерпывающее их описание в данной статье, сконцентрируем внимание на некоторых аспектах работы языка философии, делающих ее действенным инструментом формирования самостоятельности мышления. Обоснуем необходимость знакомства с философскими текстами не только взрослых, но и детей, в том числе, в период их обучения в школе.

Однако прежде, чем рассуждать о языке философии, проведем небольшое терминологическое уточнение. Отметим, что язык как таковой в самом общем виде может быть понят как символическая система, позволяющая сохранять и транслировать информацию, а также как способ и средство существования мысли и знания в целом [5, с. 79]. Такая трактовка языка не является единственно возможной, но она ценна тем, что фиксирует его существенную связь с работой мышления, хотя и не раскрывает механизмы, с помощью которых реализуется «оформленная языком» мыслительная активность. Также позволим себе напомнить о существовании разнообразия языков как способов высказывания мысли. Так, наряду с философским языком принято различать обыденный, научный языки и язык искусства, в той же мере служащие цели передачи информации и приобретения знаний. Разумеется, нельзя говорить о существовании каких-либо жестких барьеров, разделяющих данные типы высказывания: категории философии и науки, а также слова, которыми мы пользуемся ежедневно, способны переходить из одной сферы употребления в другую (так, например, широко известен программный концепт постмодернистской номадологии «ризом», обозначающий устройство корневой системы растений и перенесенный в философию из биологии; не менее интересным примером можно считать перенос понятия транспонирования из области музыки в современную социальную теорию). Вместе с тем, очевидно и наличие определенных водоразделов: в целом, мы достаточно легко можем установить, к какому типу языка относятся те или иные категории («гальваномагнитные эффекты», «трансцендентальное единство апперцепции», «гарнитур» и т. д.). Таким образом, даже

самое поверхностное знакомство со словарями этих языков позволяет заключить, что они «обслуживают» разные «области бытия» и были выработаны для решения принципиально разных задач. Кратко очертим «поля ответственности» каждого типа языка.

Обыденный язык служит оптимизации человеческой коммуникации, повышению эффективности социальных взаимодействий и предназначен для общения в повседневной жизни. Он касается «общих мест» и описывает привычные и близкие большинству людей феномены, доступные в опыте каждодневного существования, применяя для этого конструкции, максимально ясные и открытые быстрому «смысловому схватыванию» практически любым человеком. Слова обыденного языка могут отличаться многозначностью и использоваться для выражения различных смыслов в зависимости от контекста их употребления.

Научный язык исходит из приоритета выработки универсальных описаний, фиксирующих объективные процессы социума и окружающего природного мира. Он предназначен для создания объяснений действующих в мире закономерностей, разработки алгоритмов достижения актуальных практических задач. Научный язык интегрирует в себе достаточно сложные понятия, обозначающие зачастую явления и их взаимосвязи (причинно-следственные закономерности), которые не даны нам в обыденном опыте и могут быть выявлены только путем использования специальных познавательных процедур, гарантирующих общность выводов каждому, кто захочет пройти аналогичным путем. Значения научных понятий отличаются строгостью и не терпят «вольного обращения».

Язык искусства обслуживает сферу эстетического. Он максимально индивидуален и в определенной степени противоположен языку науки с его строгостью категориальных определений.

Философский язык традиционно используется для формулирования и выражения общественно и лично значимых смыслов, касающихся фундаментальных оснований человеческого существования. Именно для решения этих задач он и был выработан: с момента своего возникновения философия видела своей прямой обязанностью обнаружение истины (того, каким образом мир «есть»), «первых причин» бытия, стремилась раскрыть сознанию неочевидные взаимосвязи окружающих нас феноменов, установить высшие цели индивидуального и коллективного присутствия в мире (при-

мерами здесь могут служить задачи первой философии Аристотеля, майевтика Сократа или диалектические законы восхождения «мирового духа» по ступеням самопознания, описанные в трудах Г. Гегеля). Философия всегда работала и продолжает работать на пределе, на границе явного и неявного, представляя собой фронтier возможностей человеческого мышления, обращенного к наиболее основополагающим аспектам человеческого существования. Также именно с работой философа традиционно связываются ожидания по определению мировоззренческих опор, позволяющих людям жить в ситуации различных вызовов и рисков окружающей их действительности (об этом свидетельствуют, в частности, рассуждения стоиков, идеи представителей экзистенциализма, персонализма и иных философских направлений). Необходимость решения всех указанных задач привела к формированию специфического философского языка, способного подмечать и фиксировать в словах сущностные, но эксплицитно не данные различия между явлениями; производить переосмысление привычных взглядов на мир; конструировать новые смыслы.

Не претендуя на полноту и окончательность ответа на вопрос о том, как же функционирует и как работает философский язык, в первую очередь рассмотрим особенность философских категорий, как элементов, составляющих «тело» любого философского текста или рассуждения. Среди прочего, понятия философии отличаются следующими чертами:

1. Бывают недоступны непосредственному «схватыванию» (требуют пояснений или предварительного изучения истории их введения в обиход). Данное качество роднит философский язык с научным. Так же, как в науке, в философии нередки случаи использования на первый взгляд привычных слов, но в значениях, не совпадающих с общепринятым их употреблением (именно этим отличается понятие «критика» в трансцендентальной философии И. Канта от того смысла, который ему приписывается в повседневной коммуникации).
2. Открыты для переопределения и интерпретации; могут «уклоняться» от однозначного описания. Данным качеством философский язык отличается от строгих категорий науки. Так, широко известным примером здесь может служить постмодернистский термин «деконструкция», определяе-

мый Ж. Деррида во многом апофатически — через апелляцию к тому, чем он не является: «деконструкция — это не критика, не анализ и не метод» [3, с. 614]. В «Письме японскому другу» мыслитель специально подчеркивает, что было бы в корне ошибочным пытаться найти какое-либо ясное и недвусмысленное значение, адекватное слову «деконструкция» [4]. Другой философ, Э. Гуссерль, будучи математиком и признавая ценность ясных формулировок, в своем объяснении сути процедуры феноменологической редукции (базового понятия его философской концепции), также избегал ее строгого определения, предлагая весьма странные для ученого описания (причины такого решения будут проанализированы ниже). Приведенные примеры подчеркивают близость философского языка, скорее, обыденному словоупотреблению, где многие понятия усваиваются и используются преимущественно интуитивно.

3. При использовании могут требовать одновременного учета множества смыслов. Так, являясь средством постижения истины и конструирования субъективно значимых смыслов, философия не может избежать многозначности (такие понятия как «логос», «дискурс» или даже «метафизика» являются здесь хорошим примером).

Для того чтобы достичь лучшего понимания «в суть вещей» и различения принципиально нового среди обыденного, привычного, на первый взгляд очевидного, проблематизировать то, что ранее не замечалось и не вызывало вопросов, а также «высветить» новые смыслы — философы в рассуждениях используют целый ряд приемов. Не имея возможности описать их все, остановимся на рассмотрении трех: 1) использовании метафор; 2) допущении тавтологий и применении «порочного круга» в определениях; 3) обращении к приему пошагового, постепенного уточнения мысли путем введения так называемых «оперативных понятий».

Одним из наиболее частых в использовании приемов, позволяющих произвести удачную концептуализацию или добиться приращения смысла, является применение метафор. Об особом статусе и роли метафоры в мыслительной деятельности человека и в познании в целом писали Д. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Исследователи подчер-

кивали значимую роль метафорических структур языка в процессах восприятия и переработки информации. Они последовательно и убедительно доказали метафорическое устройство человеческого мышления, раскрыли механизм работы метафоры и объяснили, как она позволяет добиваться прироста знания, появления новых интерпретаций и описаний.

Однако, несмотря на универсальность метафор как базового механизма осмысления мира, их использование в каждодневном общении, научной коммуникации и философском рассуждении оценивается по-разному. Наука традиционно избегает ярких и неоднозначных метафорических переносов. А. Ричардс в связи с этим пишет: «На протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности» [9, с. 45]. В силу данного обстоятельства ученые, стремясь к объективности и однозначности вырабатываемых ими знаний, избегали злоупотреблений метафорами. Что касается повседневной жизни, то здесь обращение к метафорам происходит, когда говорящий хочет придать своей речи большую эмоциональную насыщенность (например, когда хочет описать свое эмоциональное состояние: «страх подкрался ко мне, как кошка»). Но чаще употребление метафор во все остается незамеченным. Большинство метафор нашей обычной жизни являются настолько привычными («тратить время», «убивать время» и др.), что Д. Лакофф и М. Джонсон позволяют себе иронически заметить: «По этой причине множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор» [6, с. 25].

Таким образом, употребление метафор ни в науке, ни в повседневном общении не связывается с чем-то продуктивным или эвристически ценным.

В философии применение метафорических структур языка также нередко встречало скептическое отношение. В частности, философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Две главные метафоры» (1925) указывал: «Когда тот или иной автор упрекает философию в использовании метафор, он попросту признается, что не понимает и философию, и метафору» [8].

Тем не менее, философия активно использует метафоры, что роднит ее язык с языком поэзии, где метафорические переносы также играют большую роль. Но если поэзия преследует преимущественно

эстетические цели, рассматривая метафору как средство лексической выразительности, то философия обращается к метафорам для получения значимых эвристических следствий. Метафора оказывается эффективным средством в философии, поскольку, действующий в ней механизм семантического переноса, позволяет увидеть объект под новым углом. Говоря феноменологически, метафора дает возможность приостановить естественную бытийную установку индивида и выйти за рамки привычных, автоматически используемых описаний в сферу неочевидных смыслов. Она открывает путь к выработке новых определений, задает иное направление взгляда. Это свойство метафоры также фиксировал уже упомянутый философ Х. Ортега-и-Гассет, изучивший множество философских текстов и случаи употребления в них метафорических структур. Он заключил, что эти структуры являются излюбленным приемом мыслителей там, где они сталкиваются с феноменами наиболее сложной природы, а также с трудностями в их описании: «Когда предмет мысли непривычен, мы пытаемся опереться на уже известные знаки и, соединяя их, очертить профиль нового. <...> Метафора удлиняет радиус действия мысли, представляя собой в области логики нечто вроде удочки или ружья» [Цит. по: 1, с. 25].

В качестве удачного примера использования метафоры в философии приведем концепцию отражения, описывающую механизм работы сознания — одного из наиболее сложных и загадочных явлений, которые только пытался осмыслить человек. Ценность предложенной В. И. Лениным метафоры состоит в том, что она позволила взглянуть на сознание как на процесс отражения объективного мира. Такое переосмысление привычного взгляда на сознание стало толчком для преодоления целого ряда затруднений, обусловленных существованием предшествующих теорий. В частности, оно позволило преодолеть расщепленность мира на феноменальный и ноуменальный, решить связанные с этим расщеплением гносеологические трудности.

Помимо метафоры не менее часто используемым приемом в философии выступает сознательное допущение тавтологий и применение «порочного круга» в определениях — традиционно запрещаемых в научном дискурсе способов объяснения, а в повседневном общении скорее вызывающих раздражение или приводящих к комическим ситуациям. Считается, что тавтология не способна ничем обогатить мысль,

она лишь повторяет известное. Сущность «порочного круга» состоит в том, что утверждение выводится из самого себя, либо для доказательства тезиса используются его собственные следствия. В результате не происходит объяснения как такового, не совершается прироста знания. Используемый в дефинициях «порочный круг» подвергается критике, поскольку прочно ассоциируется с логическими уловками в демагогических спорах. Однако в философских текстах такие приемы встречаются довольно часто. Их цель — не запутать читателя, а, напротив, уточнить мысль.

Рассмотрим фрагмент из рукописи 1926 г. уже упоминавшегося выше Э. Гуссерля: «Трансцендентальный, если нужно наконец определить это слово, означает ни что иное, как то, что может быть теоретически положено и полагается в феноменологической редукции, которая сама называется трансцендентальной. Таким образом, трансцендентальное Я есть мое Я. Говоря конкретно, это мое Я в качестве того Я, которое не было выведено из игры редукцией» [Цит. по: 14, с. 17].

В данной цитате Э. Гуссерль определяет феноменологический метод как то, что позволяет достичь трансцендентальной субъективности, а трансцендентальную субъективность — как результат применения феноменологического метода. Если бы к такому ходу прибегли логик или математик, они были бы уличены в непрофессионализме. Но высказываясь как философ, Э. Гуссерль с легкостью строит на нем свое объяснение. Обращение к подобному приему в данном случае может быть оправданно сложностью проблемы, невозможностью следования требованиям обычной логики, необходимостью выйти за привычные рамки известных нам способов рассуждения и описания.

Не менее интересным способом обогащения смыслов в философии выступает прием, заключающийся в пошаговом, постепенном уточнении мысли путем введения «оперативных понятий» — словесных инструментов анализа, которые сами при этом не становятся предметом уточнения и зачастую никак не объясняются в тексте [см.: 10]. Их смысл может быть схвачен исключительно из контекста, а само применение призвано указать на оттенки смысла, позволяющие глубже понять основной философский тезис. Именно такими терминами являются слова «пребывание», «событие» или «односложность» из приведенного в начале статьи рассуждения М. Хайдеггера.

ра. Они нужны, чтобы помочь читателю проникнуть в сущность вещиности вещи. Такое понимание при этом оказывается гораздо ближе интуитивному постижению, чем прямому рациональному объяснению. Весьма виртуозно данной техникой владел и советский философ М. Мамардашвили. В его работах обращает на себя внимание то, как он выстраивает мысль, двигаясь, будто по спирали. Приводя различные примеры и образы, философ постепенно проясняет ведущую мысль, пока диаметр «спирали» не сузится настолько, чтобы читателю стало совершенно ясно, что же имел в виду автор.

Описанные и многие другие приемы, имеющиеся в арсенале языковых средств философов, способны сделать чтение философских текстов весьма затруднительным процессом. Добавим к сказанному наличие традиционно высокой смысловой плотности работ мыслителей, обилие незнакомых терминов, с которыми сталкиваются неподготовленные реципиенты, множество отсылок к трудам предшественников, и мы вновь столкнемся с необходимостью ответить на вопрос, для чего же все-таки нужны все эти преграды на пути понимания философских произведений? Предположим, что помимо решения непосредственных задач раскрытия истины, такие средства отражают закономерности работы человеческой мысли и нацелены на воспроизводство философского усилия уже у самого читателя, чтобы мышление не застывало, не прекращало своего существования, порождая все новые и новые интерпретации и вопрошания.

Во многом активизации мышления читателя служит и сама форма существования философского текста. Даже если этот текст не написан в духе диалогов Платона и не следует заложенной Сократом традиции майевтики (то есть не предполагает вопрос-ответной структуры), он всегда является ориентированным на спор, на поиск ответа, всегда представляет собой в некотором смысле интеллектуальный вызов. Это хорошо видно из истории немецкой трансцендентально-классической философии, связанной с именами И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, опирающихся друг на друга в своих подходах, пусть и не признающих их истинность. Таким образом, несмотря на наличие множества методов, философия всегда остается верной диалогическому характеру рассуждений, проявляющемуся в постоянных столкновениях друг с другом теоретических позиций мыслителей. Многие из них не раз признавали значение диалога и обмена мнениями в каче-

стве принципиального условия успешности и продуктивности своей работы. Например, Л. Фейербах называл диалогическую связь фундаментальным принципом философии, ее основой, без которой никакое философское мышление не способно существовать вообще.

Роль диалога в философии невозможно переоценить, потому что человеческая мысль для своего развития требует поощрения, поддержки, а иногда и сопротивления. Она нуждается в коммуникации, в обсуждении и критике. Текст, который не рождает желания ответить в соответствии с собственной оптикой, «передать путем рассуждения вслух некую манеру или угол зрения, своего рода устройство моего глаза, относительно видения вещей» [13] (в идеале — создать собственный текст) — очевидно, является не очень удачной философской работой. Но чтобы сформулировать собственный ответ, чтобы заметить что-то неочевидное, нужна особого рода внимательность, особое качество сосредоточения. Философский язык позволяет ее достичь.

Хорошее объяснение того, как работает философский текст, можно найти у В. Б. Шкловского. Несмотря на то, что объектом его рассуждений являлось искусство, сказанное ученым вполне может быть отнесено и к философии: «Для того чтобы сделать “вещь как видимую”, чтобы заставить нас заметить то, что мы обычно не замечаем, осязательным должен сделаться медиум, тот посредник, с помощью которого вещь нам является: язык литературного произведения должен стать “трудным”, “искусственным”, затрудненным, заторможенным». Тогда «восприятие на нем задерживается и достигает возможной своей силы и длительности», что и прерывает автоматизм восприятия, «заменяющий видение узнаванием» [13, с. 144].

Сложный, непонятный, путанный философский язык как раз и служит этим целям: он заставляет наше мышление делать остановки, паузы. Наше внимание, чтобы проникнуть в суть излагаемых взглядов, должно оставаться сконцентрированным и острым. Замечая противоречия, неоднозначности в тексте, мы вынуждены ставить вопросы и искать на них ответы. Только из такого состояния активного внимания, пристального взглядывания и диалогического вопрошания и может родиться в итоге собственная авторская мысль.

Таким образом, сам философский язык, полный метафор, тавтологий, повторов, оперативных понятий, выстраивающийся

как диалогическая коммуникация с другими текстами и позициями, оказывается эффективным средством оттачивания навыка самостоятельности мышления. Очевидно, что развить мышление нам помогают не только философские работы: чтение литературных произведений, знакомство с научными достижениями также могут стимулировать наши мыслительные способности, инициировать постановку нетривиальных вопросов. Однако философия, как никакое другое средство, способна привести нас к размышлениям о лично значимых вещах, к выработке ответов на вопросы, касающиеся устойчивости нашего собственного бытия в мире.

В этом отношении изучение философии может быть полезно не только взрослым (сегодня первое системное знакомство с философскими концепциями, как правило, происходит в период обучения в высшем учебном заведении в рамках обязательного освоения студентом блока социально-гуманитарных дисциплин), но и детям. Конечно, знакомство с идеями мыслителей должно происходить в соответствии с известным педагогическим принципом соответствия содержания знания когнитивным возможностям обучающихся, что подразумевает известную адаптацию философских идей, сообщение им доступной для восприятия детьми формы и др. Однако лишать школьников возможности соприкоснуться с самой практикой философского вопрошания, ссылаясь на сложность этого типа знания, по нашему мнению, неприемлемо.

Правота этой позиции подтверждается наличием положительных примеров преподавания философии в школах в различных странах мира. Имеющиеся теоретические наработки в области практической философии и философии для детей (О. Бренифье, М. Липман, Ж.-П. Монген, Дж. Эспозито, Л. А. Беляева, И. П. Березовская, С. В. Борисов, А. С. Заморев, О. Е. Зубов, С. А. Иванов, Г. В. Коновалова, М. В. Нифантова, Л. Т. Ретюнских, М. В. Телегин, Л. В. Хохлова, Н. С. Юлина, О. Ю. Яценко и др.) дают основания заключить, что белорусские школы быстрее смогут решить поставленные перед ними задачи развития человеческого капитала страны, если обучающиеся в них дети овладеют навыками живого философского размышления.

Вдохновленные идеей привнесения философской практики в педагогический процесс общеобразовательных школ, авторский коллектив Института философии Национальной академии наук Беларуси раз-

работал обучающую программу для детей и подростков «Зеленое Солнце». Программа рассчитана на детей возраста 10—13 лет. Одной из ключевых задач программы является формирование самостоятельности мышления школьников. Ее достижению служит реализация модуля «Размышляем о мире и человеке: философия для детей и подростков», который включает задания и упражнения по следующим направлениям: «История и традиции», «Критическое мышление», «Нравственность и мораль», «Навыки коммуникации». Кратко очертим совокупность принципов, приемов и средств, применяемых в ходе учебных занятий в рамках данного модуля.

Освоение детьми философского языка выстраивается поэтапно от простого к сложному. Оно подразумевает работу с философскими категориями, адаптированными текстами и выполнении самостоятельных творческих заданий. Формы работы преимущественно являются парными и фронтальными — выбор такого формата призван обеспечить диалогичность рассуждений школьников. Основополагающими принципами работы являются: комплексность обучения, предполагающая соединение в курсе различных типов деятельности, методов и методик (говорение, чтение, рассматривание иллюстраций и др.); отказ от модели обучения как передачи знаний от педагога обучающимся, ориентация на помощь подросткам в самостоятельной выработке знания; использование интерактивных форм работы; закрепление за учителем роли модератора дискуссий и учебной деятельности, сопровождающего и направляющего обучающихся в поиске ответов на поставленные мировоззренческие вопросы.

Не имея возможности в данной статье отразить все содержание программы «Зеленое Солнце», приведем несколько примеров заданий, направленных на развитие у детей самостоятельного мышления.

В части рассуждений о счастье детям предлагается поработать с категориями, не имеющими однозначного определения и попробовать раскрыть их с помощью различных близких понятий. Это, конечно, не работа с оперативными понятиями в собственном смысле слова, но это то, что приближает детей к пониманию того, как организовано мышление и каким путем оно может двигаться в поиске ответа на сложные вопросы. Так, можно предложить детям обсудить высказывание Аристотеля: «Одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная

мудрость, а иным все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия, есть и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние». Затем, рекомендуется перейти к размышлениям о соотношении категории «счастье» с понятиями «добродетель», «удовольствие», «польза», «успех», «совершенство» и др. Предварить работу можно словарной работой с такими понятиями как «Eudaimonia», «Fortuna», «Счастье». Педагог может организовать работу по разбору этих понятий, инициировать обсуждение того, в каких жизненных ситуациях эти термины применимы, или какими еще оттенками смыслов они могут быть наделены в зависимости от контекста употребления (предварительно следует заготовить карточки с подходящими ситуациями).

Не менее интересный опыт дети могут получить, работая с порочным кругом и его частным случаем — тавтологией. Освоение понятия бытия является достаточно сложным для детей, в силу абстрактности категории. Начиная обсуждение с чтения отрывка Ж.-П. Сартра вместе с педагогом («О мире вещей можно сказать лишь следующее: бытие есть. Бытие есть в себе. Бытие есть то, что оно есть. Сказать что-либо о развитии мира, изменяющихся состояниях мы не можем. Мы имеем возможность лишь улавливать настоящий, застывший миг»), ученики могут двигаться в разных направлениях. Они могут придумывать примеры того что есть, что обладает качеством бытия, а что не обладает им; размышлять о том, что именно позволяет нам заключать что нечто существует. Особенно хорошо в данной работе себя зарекомендовала техника наводящих вопросов: «Можно ли так говорить только о вещах или о человеке тоже?» и т. п.

Наиболее интересной и в то же время сложной для освоения детьми представляется работа с метафорами. Попробовать свои силы в построении первых концептуализаций школьники могут, выполняя задания по анализу метафор и производимых ими смысловых сдвигов. Выполнение этого типа заданий потребует от детей значительного интеллектуального напряжения. В частности, можно предложить детям ответить на следующие вопросы: «Что новое мы можем узнать о школе, если будем рассматривать ее как организм или как механизм?», «Что привнесется в наше понимание человека, если мы определяем его как зверя, машину или подобие Бога?», «Какие черты человека выйдут на первый план, если мы будем ис-

ходить из установки, что по своей природе индивид в большей мере руководствуется разумом, сердцем или приспособливает свое поведение под требования окружающей среды?» и др.

Выполнение таких и подобных им упражнений, очевидно, не приведет к тому, что дети начнут тут же читать труды Аристотеля или Ж.-П. Сартра. Но они будут учиться, как говорил И. Кант, «пользоваться собственным разумом», оттачивая навыки постановки вопросов, анализа и аргументации. Они расширят горизонт повседневного и привычного взгляда на мир, обнаружат непохожесть человеческих оценок и ценностей, признают важность уважения этих различий. Возможно, кто-то из них действительно увлечется и в будущем продолжит диалог уже не с одноклассниками и учителями, но с профессиональными философами, самостоятельно рефлексируя основания своей жизненной позиции.

1. Абраменко В. И. Метафоры сознания в философском дискурсе // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 2. С. 25—30.

2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.

3. Деконструкция. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. I. М.: Мысль, 2000. С. 614.

4. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53—57.

5. Крюков В. В. Язык как знаковая система и ценность общения // Идеи и Идеалы. 2016. № 4 (30). Т. 1. С. 78—85.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387—415.

7. Мамардашвили М. К. Введение в философию // Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 7—154. URL: <http://psylib.org.ua/books/mamar02/txt04.htm> (дата обращения: 09.08.2020).

8. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Искусство метафоры. URL: http://metaphor.msu.ru/gasset_two.htm (дата обращения: 06.08.2020).

9. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 44—67.

10. Финк О. Оперативные понятия феноменологии Гуссерля / пер. А. А. Шиян // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. № 1. С. 361—380.

11. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие / пер. В. В. Библихина. М., 1993. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml> (дата обращения: 01.04.2020).

12. Харман Г. О замещающей причинности // НЛО. 2012. № 2. С. 75—90.

13. Шкловский В. Б. Искусство как прием // Формальный метод. Т. 1. С. 131—146.

14. Ямпольская А. В. Искусство феноменологии. М. : РИПОЛ Классик, 2019. 342 с.

References

1. Abramenko V.I. (2015) Vestnik Permskogo universiteta, iss. 2, pp. 25—30 [in Rus].

2. Vitgenshtejn L. (2005) Logiko-filosofskij traktat. Izbrannye raboty. Moscow, Territorija budushhego, 440 p. [in Rus].

3. Dekonstrukcija (2000). Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. I. Moscow, Mysl', p. 614 [in Rus].

4. Derrida Zh. (1992) Voprosy filosofii, no. 4, pp. 53—57 [in Rus].

5. Krjukov V.V. (2016) Idei i Idealy, no. 4 (30), vol. 1, pp. 78—85 [in Rus].

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. (1990) Metafory, kotorymi my zhivem // Teorija metafory. Moscow, pp. 387—415 [in Rus].

7. Mamardashvili M.K. (1996) Vvedenie v filosofiju. Neobhodimost' sebja. Moscow, Labirint, pp. 7—154. Available at: <http://psylib.org.ua/books/mamar02/txt04.htm>, accessed 09.08.2020 [in Rus].

8. Ortega-i-Gasset H. Dve glavnye metafory. Iskusstvo metafory. Available at: http://metaphor.msu.ru/gasset_two.htm, accessed 06.08.2020 [in Rus].

9. Richards A. (1990) Filosofija ritoriki // Teorija metafory. Moscow, Progress, pp. 44—67 [in Rus].

10. Fink O. (2008) Operativnye ponjatija fenomenologii Gusserlja // Ezhegodnik po fenomenologicheskoj filosofii, no. 1, pp. 361—380 [in Rus].

11. Hajdegger M. (1993) Veshh'. Vremja i bytie. Perevod V.V. Bibihina. Moscow. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml>, accessed 01.04.2020 [in Rus].

12. Harman G. (2012) NLO, no. 2, pp. 75—90 [in Rus].

13. Shklovskij V.B. Formal'nyj metod, vol. 1. pp. 131—146 [in Rus].

14. Jampol'skaja A.V. (2019) Iskusstvo fenomenologii. Moscow, RIPOL Klassik, 342 p. [in Rus].

For citing: Ilyushenko N.S. Philosophy for children: an effective tool for developing independent thinking // Socium i vlast'. 2020. № 5 (85). P. 86—94. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-86-94.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-86-94

UDC 101.1 + 101.9

PHILOSOPHY FOR CHILDREN: AN EFFECTIVE TOOL FOR DEVELOPING INDEPENDENT THINKING

Nadezhda S. Ilyushenko,

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Knowledge and Competence Management Center, Researcher. 220072, Republic of Belarus, Minsk, ulitsa Surganova, 1, building. 2
E-mail: n.iliushenko@gmail.com

Abstract

The content of the article is in the thematic field of practical philosophy, designated as “philosophy for children”. Within the framework of the article, the author considers specificity of the philosophical language. The main linguistic means are explained and described, making it possible to expand the usual descriptions of the world, to achieve expression of non-trivial philosophical intuitions, to outline new directions of philosophical search. Particular attention is paid to such techniques as using metaphors, tautologies and a vicious circle in the definition in philosophical texts, as well as a step-by-step, gradual refinement of thought by introducing “operational concepts”. In conclusion, the author gives examples of tasks aimed at acquiring the language of philosophy by school-aged children (10–13 years old) as part of the program of additional education for children and adolescents “Green Sun” (team of authors: N. Ilyushenko, N. Kutuzova, D. Kutuzov, O. Davydik).

Key concepts:

dialogue,
metaphor,
operational concepts,
tautology,
philosophy for children,
language of philosophy.

Для цитирования: Чупров А. С.
Культура и цивилизация: тождество
противоположностей //
Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 95—104.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104

УДК 008

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ТОЖДЕСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Чупров Александр Степанович,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
кафедра всеобщей истории, философии
и культурологии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 675000,
Амурская область, г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена фундаментальному и при этом чрезвычайно дискуссионному вопросу социальной философии — концептуализации понятий «цивилизация» и «культура», их неразрывному (диалектическому) единству и противоположности. Специфика, или новизна, авторского подхода — рассмотрение феноменов цивилизации и культуры в онтологическом аспекте посредством аристотелевского понятия формы как идеальной сущности вещей, а также в использовании методов лингвистического анализа (этимологии понятий). Результатом исследования является выделение атрибутивных, онтологически инвариантных признаков любой культуры и цивилизации, а также онтологической корреляции культурных и цивилизационных атрибутов.

Ключевые понятия:
атрибут,
бытие,
вандализм,
культура,
существование,
цивилизация,
форма.

1. Постановка проблемы

Истоки европейской культуры (а в известном смысле и современной цивилизации) — в Древней Греции. Свое развитие и вместе с тем трансформацию древнегреческая культура обрела в Древнеримской цивилизации. Уже там, в Греции и Риме, были заложены основы европейского понимания культуры вообще в ее внутренней двойственности. Так, греческая παιδεία (производное от παῖς — ребенок, дитя, мальчик или девочка [7]) — это воспитание души [8], а затем ее самовоспитание, или «забота о себе», в результате чего происходит превращение ребенка в труженника, воина, гражданина [5], а его душа, согласно Платону, сливается с единым бытием как вечным Благом [23]. В римской же cultura (возделывание, украшательство [2]) акцент делается на преобразовании внешнего человека мира, или среды его обитания. Недавно глагол solo, от которого образовано слово cultura, означает не только возделывать поля, нивы и т. п., но и обитать, обустроить, украшать, облагораживать, уважать и почитать. Другое производное от этого глагола слово cultor означало не только земледельца, но и почитателя и даже идолопоклонника. Наконец, от глагола solo произведено и слово культ [14]. В культе — как неотъемлемой составляющей всякой культуры и способе сакрализации сущего — человек стремится преодолеть свойственный ему от природы аутизм, присущий уже психике животных [15] и таким образом выразить свою причастность миру. Кроме того, именно через культ человек утверждает свою веру и надежду на единство с Абсолютом [6], по отношению к которому человек выстраивает ту или иную иерархию ценностей.

Таким образом, в понятиях παιδεία и cultura акцентируются прямо противоположные векторы, одновременно присущие всякому живому организму: обращенность к себе и обращенность во вне (так называемая дивергентность¹ [9]). Эта природная основа (греческое φύσις и латинское natura) в παιδεία предстает как подчинение человеком своей воле, прежде всего, самого себя, в cultura — как подчинение внешнего мира. Разный подход — разная психология (и наоборот).

Однако есть и общее в παιδεία и culture. Как уже сказано, в обоих случаях изначальным объектом приложения усилий человека

¹ Гельмут Плеснер (кстати, биолог по образованию) кладет дивергентность, понимаемую как внутреннюю и внешнюю разновекторность в существовании живых организмов, в основу своей антропологической концепции [см.: 24].

полагается ПРИРОДА. Но главное — это ТРУД как специфически человеческий вид жизнедеятельности, который оказывается не только способом выживания, но и способом утверждения БЛАГА и КРАСОТЫ как в душе человека, так и во внешнем ему мире. Собственно, это общее начало — как раз и делает и древнегреческую *παίδεια* (воспитание), и древнеримскую *cultura* (возделывание) явлением человеческой культуры. Именно исполненная идеями блага и красоты творческая деятельность питает чувство уважения и даже благоговения человека культуры перед результатами труда вообще и творчества в особенности, поскольку они рассматриваются как наглядные свидетельства человеческого духа, возвышающим его, человека, над природой. Это уважение-благоговение как неотъемлемое свойство человека культуры отличает его от вандала.

Культура перманентно трансформируется в цивилизацию. Эти два явления, еще в XVIII веке почти не различаемые (оба понятия сводились к просвещенности человека и общества), с начала XX века принято резко противопоставлять друг другу. Так, известный польский психолог Антоний Кемпиньски (1918—1972) прекрасно сказал: «Цивилизация — это власть над миром; культура — любовь к миру» [13]. Но цивилизация — это, увы, всегда «дитя культуры» (многими нелюбимое), кроме того, власть над миром вовсе не исключает любви к нему. Скорее, наоборот. Сама по себе цивилизация — это не враг и не смерть культуры. Таковой ее, цивилизацию, делают лишь те, у кого «не лады» с культурой или проблемы с ее освоением, ведь овладеть достижениями цивилизации (даже чужой) гораздо проще, чем основами культуры. Стрелять из автомата или пользоваться мобильными телефонами легко и быстро научаются даже люди, выросшие вдалеке от очагов современной цивилизации. Хищными становятся не вещи, а люди, которые используют их против других людей, а также результатов их творчества.

На самом деле культуре противостоит не цивилизация, а вандализм, сопутствующий всей истории культуры как ее *alter ego*, т. е. как присущий ей внутренний момент самоуничтожения. Подчас вандалом оказывается просто не состоявшийся творец, который не в состоянии ни создать что-то своё, ни оценить по достоинству чужое. Культура же относится к цивилизации, как энергия к материи. Они не только постоянно конфликтуют друг с другом (при том весьма драматично), но и порождают

друг друга во времени и пространстве (т. е. в ходе всемирной истории), будучи в основе своей одним и тем же.

Цивилизация — и как социальная (разумная) форма существования живой материи на планете Земля, и как искусственно созданная «вторая природа» — это не мертвая или окаменевшая, как полагали Н. Бердяев, Г. Зиммель и О. Шпенглер, а скорее, «свернувшаяся в себя» (образ Гераклита и Марка Аврелия) культура, которая — наряду с изначальной природой — выступает в качестве объективного условия развития культуры актуальной. Таким образом, цивилизация и культура оказываются диалектическим единством противоположностей, в котором одно без другого попросту не существует.

Культура и цивилизация — это всегда практически бесконечные в своем многообразии конечные формы бытия человека, общества и его истории. Какими бы прекрасными или уродливыми, возвышенными или низменными они ни представлялись в каждом отдельном случае, иного способа существования, жизни и развития у человечества не было, нет и никогда не будет. Однако это объективное обстоятельство отнюдь не отменяют (за ненадобностью или по причине бессмысленности) волю человека к бытию, а стало быть, не отменяют труд, творчество и борьбу людей (как с природой, так и между собой) за преображение и человеческой души, и окружающего мира в соответствии с их представлениями о БЛАГЕ как онтологического единства истинного, должного и прекрасного.

2. Множественность определений понятия «культура»

Культура совечна человеческому роду, а вот понятия и термины для ее обозначения появляются гораздо позже самого явления культуры — уже на достаточно высокой ступени развития человечества. При этом, древнегреческое слово *παίδεια* сегодня известно в основном профессиональным гуманитариям, тогда как латинское слово *cultura* прично вошло почти во все языки мира.

Впервые это слово в значении, близком к современному, стало употребляться лишь во втором столетии до нашей эры. В частности, оно встречается в сочинениях древнеримского политика и писателя Марка Порция Катона Старшего (234—149 гг. до н. э.) и самого знаменитого римского оратора Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.). Честь возрождения этого понятия в эпоху Просвещения принадлежит ныне

совсем забытому немецкому юристу и историку Самуэлю Пуфендорфу (1632—1694). Он употребил этот термин применительно к «человеку искусственному», воспитанному в обществе, в противоположность человеку «естественному», необразованному [16]. В широкий философский, а затем научный и повседневный обиход термин «культура» вошел благодаря сочинениям «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) итальянского мыслителя Джамбаттиста Вико, «Опыт истории культуры человеческого рода» (1782) немецкого просветителя И. К. Аделунга, а также «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791) немецкого философа Иоганна Гердера. В России термин «культура» прижился лишь в 40-х годах XIX в. [27] Первое развернутое понятие культуры было представлено в работе 1836 года «Основное начертание общей и частной физиологии, или физики органического мира» натурфилософа и медика Даниила Михайловича Веланского (1774—1847) [4].

В XX—XXI вв. произошла бурная «диверсификация» понятия культуры, которое стало характеристикой едва ли не всех форм жизни человека и общества. Это обстоятельство отчасти и породило огромное множество определений понятия культуры. Тему множественности определений понятия «культура» (как, впрочем, и понятия «цивилизация») можно назвать «заезженной». Стало общим местом сетования по поводу того, что философам, социологам, историкам, этнографам, культурологам, искусствоведам, психологам и педагогам никак не удается прийти к единому мнению на сей счет и дать наконец-то единственно правильное и исчерпывающее определение культуры. И действительно, даже беглый взгляд на формулировки, которые содержат десятки энциклопедий, сотни толковых словарей и тысячи публикаций на эту тему показывают, что, во-первых, этому многообразию не видно конца и края; во-вторых, эти определения зачастую противоречат друг другу [12].

На мой взгляд, само по себе многообразие определений культуры, во-первых, интересно и познавательно; во-вторых, свидетельствует о том, что задача дать единственно правильное и исчерпывающее определение понятия «культура» неверно поставлена, а потому в принципе нерешаема.

Прежде всего надо отделить сложившиеся исторически значения слова «культура» от определений понятия «культура». Значение слова обусловлено традицией и контекстом. Бессмысленно искать единое — родовое значение — кишечной палочке как

бактериальной культуры и одновременно духовной культуры общества. Речь идет о совершенно разных, а главное практически не связанных друг с другом вещах, которые в силу той или иной традиции когда-то получили одинаковое название. А вот определение понятия культура в каждом конкретном случае задается тем или иным подходом, а также задачами исследования и осмысления феномена культуры.

По этой причине философ-прагматик или бихевиорист увидит в культуре (как и в самом разуме) специфически человеческий механизм адаптации к природе, способ выживания. Религиозный философ (например, Бердяев) будет настаивать на сакральном характере культуры и пытаться выводить все ее виды из религиозного культа. Психиатр усмотрит во всяком явлении культуры сублимацию нереализованных психосексуальных потребностей (Фрейд). Социолог определит культуру как совокупность устойчивых форм социального взаимодействия (коммуникаций), а идеолог будет настаивать на том, что всякое явление культуры — это форма выражения экономических и политических интересов противоборствующих классов и сословий¹. Педагог делает акцент на способе социализации, воспитании личности и культуре поведения [18]. Историк отождествит становление и развитие культуры с археологическими артефактами и развитием множества локальных цивилизаций (и наоборот) [17]. Искусствовед делает акцент на эстетической составляющей, эколог — на бережном и заботливом отношении к окружающей среде, а работник культуры — на уровне развития человека (его воспитанности и образованности) и совокупности материальных и духовных ценностей [19]. Приведенный перечень легко продолжить, просматривая различные определения культуры в разных энциклопедических и толковых (особенно узкопрофессиональных) словарях [25].

Таким образом, многообразие определений — это не всегда свидетельство разброда в умах и беспомощности людей, неспособных дать однозначный и точный ответ на вопрос «Что такое культура?». Множество определений культуры — может свидетельствовать как раз о мощи и изощренности

¹ Весьма показательно, что одинаковое название «Две культуры» имеют широко известные сочинения англичанина Чарльза П. Сноу и итальянца Филиппа Боноски. Однако первый исследует техническую и гуманитарную культуру, а второй — культуру господствующего (буржуазного) класса и угнетенного.

человеческого ума, а вовсе не о его слабости. Но дело даже не в этом. Суть проблемы совсем в другом: богатство явления обуславливает многообразие его определений. Практически бесконечное множество форм реализации жизненного и творческого потенциала человека не может не порождать такое же множество форм и видов существования культуры.

Культура быта и производственная культура, культура речи и физическая культура, культура питания и культура утилизации, первобытная культура и современная, культура эпохи Возрождения и средневековая культура, культура общения и культура спора, культура того или иного народа (например, крито-микенская или трипольская культура, культура Индии или русская культура), культура социальной группы (субкультура), политическая культура и профессиональная, художественная и техническая, народная и официально-государственная, массовая и элитарная, духовная и материальная (опредмеченная) культура — вот неполный перечень известных всем видов культуры. Однако во всех этих случаях (точнее, видах культуры) родовым понятием всегда оказывается аристотелевская идеальная форма¹ [1; 21] как специфически человеческий способ физического и духовного (метафизического, познавательного, нравственного и эстетического) существования и развития.

Четыре типа отношения человека к миру (и, соответственно, четыре вида деятельности: метафизическая, познавательная, нравственная и эстетическая), по-видимому, исчерпывают собою перечень принципиальных отличий человека от животного и являются онтологическим основанием духовности как таковой. К сожалению, вынужден это особо подчеркивать, так как сплосх и рядом духовность сводят только религиозному или эстетическому опыту человека, не понимая того, что, например, религиозность — это, хотя и чрезвычайно важная, но лишь одна из сторон (наряду с философией) метафизического отношения человека к миру. Нарушение меры хотя одной из этих составляющих системы духовности, всегда оборачивается нежелательной трансформацией как личности, так и общества. Достаточно вспомнить такое явление, как религиозный фанатизм.

¹ В работах Аристотеля принято переводить одним словом «форма» четыре термина (μορφή, ἰδέα, οὐσία, λόγος), хотя философ дифференцировал это понятие применительно к миру в целом, материальным предметам, одушевленным существам и логическим формам мысли, поэтому в каждом случае использовал разные термины [см.: 21].

Обретение формы есть вообще способ превращения возможности в действительность. Форма удерживает всякую вещь (будь то материальную или мыслимую) во времени и пространстве, тем самым давая ей актуальное существование, но она же одновременно оказывается и препятствием изменению и развитию этой вещи. Так и формы человеческой культуры. Они придают человеческой воле, творческой энергии, человеческому духу, потенциалу и актуальной деятельности человека, его мыслям и фантазиям определенность и относительную устойчивость, обеспечивают результативность этой деятельности, а продуктам этой деятельности — действительность.

Но, поскольку всякая форма всегда есть ограничение (граница, препятствие) во времени и пространстве, то формы человеческой культуры неизбежно вызывают недовольство и протест со стороны человека же. Но и сводить культуру к сублимации нереализованных психосексуальных желаний человека, как это делается Фрейдом [28] и его последователями, было бы неправильно. Это лишь частный, хотя и немаловажный момент в развитии культуры. Пока у человека есть воля, желания, силы, энергия, воображение, а также физические и материальные возможности и средства, у него рано или поздно всегда возникает потребность сломать или изменить сложившую форму, ограничивающую его свободу волеизъявления. Это особенно характерно для каждого нового поколения. Поскольку меняющаяся жизнь не признает никакие авторитеты, кроме самой себя, люди (особенно молодые) стремятся создавать что-то принципиально новое, отличное от «классики». Такова объективная, полная драматизма диалектика существования культуры вообще. Увы, формы культуры не вечны. Чтобы провозгласить какое-то явление культуры классикой, эталоном, каноном, высшим достижением, вполне достаточно жизни трех поколений, а чтобы обесценить, утратить, забыть или уничтожить физически, — порой достаточно одного мгновения.

В том множестве признаков и свойств культуры, что зафиксированы в самых разных ее определениях, важно выделить те, которые следует назвать атрибутивными. Таких атрибутов — в отличие от видов и функций культуры — не может быть много, но утрата хотя бы одного из них означало бы исчезновение культуры как таковой. К системе атрибутивных признаков всякой культуры я бы отнес следующие ее свойства:

1. Основой культуры является телесно-духовная природа человека. «Вся человеческая культура, — утверждал Вяч. В. Иванов — до сих пор остается протестом против смерти и разрушения» [10]. По этой причине ни целью, ни результатом культуры не должно быть уничтожение живой природы и замена ее имитирующей моделью, а дух, питающий культурное творчество, не может быть сведен к его материальной симуляции. Стремиться к этому — это безумие, всё равно, что «рубить сук, на котором сидишь», но, к сожалению, желающих это делать во всякую эпоху и цивилизацию предостаточно.

2. Трансляция культуры во времени и пространстве может осуществляться только символически (т. е. посредством символов), а не посредством физической передачи какой-либо информации. Сама по себе информация на каком бы то ни было носителе (генетическом, механическом, цифровом) еще не создает культуры: книга становится явлением культуры только, когда ее кто-то читает, переживает и помнит, а для этого читатель как минимум должен уметь расшифровывать символы, включая алфавит, с помощью которых автор книги транслирует потенциальному читателю какие-то идеи, ценности, значения и смыслы.

3. Культура — это результат и посредник взаимодействия и общения субъектов, когда одно Я-бытие интегрируется с другим Я-бытием. Говоря на манер Мартина Хайдеггера, культура есть явление со-бытия, когда одна личность (самоосознающая, тождественная самой себе и самоё себя переживающая) соотносит себя и координируется другой такой же личностью. В «общении» с искусственным интеллектом культура родится не может, поскольку машина — это не субъект, а объект, который может идентифицировать только буквальное, или формальное, значение слова, в соответствии с заложеной в нее программой, но не ценности и смыслы. Это привилегия исключительно субъекта как онтологического основания сущего.

4. Культура живет и развивается до тех пор, пока есть единство преемственности (как исторически обусловленной меры овладения и освоения культурным наследием прошлого) и обновления посредством творческой деятельности живого телесно-духовного субъекта, исполненного идеями блага и красоты.

Уберите хотя бы один из этих четырех признаков, или атрибутов, — и культура в целом, как и любой ее вид, тут же исчезнет, причем, безо всякой возможности ее восста-

новления. Это будет равносильно исчезновению человека как человека.

3. Сущность цивилизации

Сегодня слово «цивилизация» имеет несколько достаточно устойчивых значений:

- 1) синоним культуры;
- 2) ступень в развитии человечества;
- 3) совокупность достижений и результатов науки и техники;
- 4) локальная, исторически сложившаяся общность людей с присущей только ей культурой, способом приспособления к окружающей среде, господствующей религией, традициями и т. д.;
- 5) социальная (разумная) форма существования живой материи на планете Земля, родственная гипотетически существующим инопланетным цивилизациям.

В каком именно значении употребляется слово «цивилизация» в том или ином случае, становится понятным, исходя из контекста, поэтому здесь я не вижу никакой проблемы для обсуждения, считая его бессмысленным «спором о словах». Однако этот вопрос заслуживает самого серьезного отношения как лингвистическая и культурологическая проблема, а именно как вопрос о том, каким образом в разных странах и культурах (например, итальянской, французской, германской, англосаксонской или русской) менялось и утверждалось то или иное значение слова «цивилизация». В этом отношении очень интересно и поучительно сравнивать статьи о цивилизации в энциклопедических словарях разных стран и эпох, например, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», энциклопедических изданий советского периода, в т. ч. «Большой советской энциклопедии», и современных энциклопедических изданиях. В частности, обращает на себя внимание постоянная «рокировка» значений «культуры» и «цивилизации», происходившая на протяжении XIX—XX вв. Такая переменчивость значения этих терминов говорит, во-первых, о неразрывной связи культуры и цивилизации; во-вторых, о недостаточно четкой концептуализации этих понятий, чему, собственно, и посвящена данная статья.

Относительно истории появления и этимологии термина «цивилизация» следует сказать, что он, как и связанное с ним понятие исторического прогресса, появились гораздо позже, чем слово «культура» —

лишь в эпоху Просвещения (XVIII в.), когда в Западной Европе наглядно обнаружилось первые достижения и результаты капиталистического способа организации производства, успехи в области научного познания и развития технологий, а также соответствующего им образования. Вырвавшаяся вперед благодаря этим достижениям Западная Европа (подобно Древнеримской империи) стала рассматривать остальной мир варварским, пригодным лишь для завоевания, а себя, как наследницу Римской империи (а так оно и есть), миром цивилизованным. Поэтому неслучайны и даже символичны и латинские корни слова «цивилизация», и то, что впервые в 1766 г. — в дошедших до нас печатных источниках — его употребил не гуманист (философ, историк, филолог), а французский инженер Н. А. Буланже [29]. Этим термином, который встречается уже в работах философов XVIII в. П. А. Гольбаха, А. Фергюсона, О. Мирабо и др., стали обозначать ступень в развития человечества, идущую вслед за дикостью и варварством, а просвещенного и образованного человека, соответствовавшего этой ступени, стали называть цивилизованным.

Эту схему (дикость — варварство — цивилизация), представленную, в частности, работами американского этнографа Л. Моргана, воспроизводит в своей работе 1884 года «Происхождение семьи, частной собственности и государства» еще Ф. Энгельс, правда, наполнив ее новым философско-историческим содержанием, в частности, связав с античным способом производства¹ и соответствующей общественно-экономической формацией.

Сегодня исторически цивилизованной ступенью любого социума — уже безо всякого европоцентризма и явно снисходительно-оценочных определений «дикость» и «варварство»² — принято называть такую, которая основана на достаточно высоком уровне техники и технологий, разделении умственного и физического труда (управленческого и исполнительского), общинной и государственной собственности с присущим им резким имущественным неравенством, наличии институтов семьи и государственной власти, письменного права, едино-

¹ Не уточняю понятие «античный», который в данном случае может означать и азиатский, и рабовладельческий, и политарный способы производства.

² Избегать негативных коннотаций позволяет вариант, предложенный К. Ясперсом, основанный на использовании мифологических образов: дикость — это прометеевская эпоха, а варварство — героическая.

го (общегосударственного) религиозного культа, существовании регулярной армии, чиновничества и священнослужителей, профессиональных архитекторов, художников, поэтов и музыкантов. Только с переходом общества на ступень цивилизации оформляется и философия.

Целесообразно проследить этимологию слова «цивилизация». Иногда это дает для понимания сущности самого явления больше, чем иная детально прописанная концепция, как правило, связанная с какой-то партийно-философской и политико-идеологической установкой ее автора. Термин «цивилизация» образован от лат. слов *civilis* и *civis*. В Древнем Риме ими обозначали не только то, что было связано с гражданской (общественно-политической) жизнью, но и «достойного гражданина». В свою очередь, исходным для этих слов было *civitas* — городская община [2], т. е. сообщество людей, проживающих в городе как месте концентрации самых передовых для того времени образцов производственно-хозяйственных технологий и центра развития различных искусств. Особое внимание хочу обратить на то, что во всех трех словах *civilis*, *civis*, *civitas* корневым является слово *vita* — жизнь [3].

Как мы видим, уже этимология слова «цивилизация» указывает на то, что понятие цивилизации всегда связано:

- во-первых, с определенными формами жизни людей в пространстве как в локальном, так и планетарном (и даже космическом) масштабе;
- во-вторых, с каким-либо координированным (демографически, экономически, политически, ментально) сообществом людей;
- в-третьих, с относительно высоким (так сказать, «городским») уровнем развития технологий и коммуникаций.

К этим трем признакам всякой цивилизации, которые можно назвать атрибутивными, я бы добавил только один — эстетическую уникальность.

Этот признак цивилизации столь же очевиден, как и математическая аксиома, но отнюдь не прост. Его нельзя свести к «культурному своеобразию». В сущности, четвертый атрибут цивилизации — это интеграл неповторимого сочетания основных факторов, обуславливающих существование всякой цивилизации во времени и пространстве. Факторы эти общеизвестны, но есть смысл напомнить их, а главное — свести в единую систему, которая включает

в себя следующие характеристики всякой цивилизации:

- 1) расовую и этническую принадлежность (в сущности, телесное своеобразие) большинства людей, составляющих ядро популяции в той или иной цивилизации;
- 2) особенности природных условий (ландшафт) жизнедеятельности людей;
- 3) господствующие виды продовольственной (рыболовной, охотничьей, скотоводческой, земледельческой и даже грабительской), а также ремесленной деятельности;
- 4) особенности языка как средства общения (коммуникации) между всеми племенами и народами, входящими, согласно Л. Н. Гумилеву, в «суперэтнос»;
- 5) способ экономической организации производства, т. е. господствующий тип собственности;
- 6) специфику социально-политического устройства;
- 7) сложившиеся исторические особенности менталитета (психологический тип) [11];
- 8) господствующую религию и особенности ее культа;
- 9) присущей этому обществу иерархию ценностей;
- 10) своеобразие художественной культуры;
- 11) историческую судьбу цивилизации и, соответственно, исторический опыт ее народов;
- 12) историческую миссию (место и роль во всемирной истории), которая есть у каждого суперэтноса и любого племени на планете¹.

¹ Почти все эти факторы хорошо известны и очевидны, но, возможно, нужен комментарий к последнему из них. Любой народ так или иначе чувствует и осознает и свою эстетическую уникальность, и свою историческую миссию, имеет чувство собственного достоинства и национальной гордости, и даже может считать себя богоизбранным. Однако было бы ошибкой видеть в представлениях о богоизбранности, о которой на заре своей истории в мифах и легендах открыто заявляет каждый народ, лишь национально-этническую амбициозность и глуповатую заносчивость, хотя и не без этого. Мессианизм обусловлен онтологически: согласно Пармениду, каждая, а тем более «мыслящая точка бытия» (человек) всегда мыслит и, действительно, является его центром, по отношению к которому любая иная точка есть его периферия, поэтому так трудно «смотреть на себя со стороны», как бы чужими глазами. У животного, например, такого способа виденья мира

Просчитать, т. е. представить количественно, например, в процентах, степень влияния каждого из этих 12 факторов пока практически невозможно, (может быть, это дело науки будущего²), поэтому роль каждого фактора и его значимость оценивается, как сегодня принято говорить, «экспертно». На практике — это существование и конкуренция множества философско-исторических концепций, и степень доверия к ним. Одни (и это не всегда марксисты) считают непреложной истиной решающую роль способа производства. Другие — характер религии. Третьи — роль географического фактора. Четвертые — сложившуюся исторически систему ценностей и т. д. по всем без исключения двенадцати позициям³.

4. Выводы

Подводя итог проведенному анализу понятий «культура» и «цивилизация», подчеркнуту специфику каждого из них.

1. Если основа культуры — это телесно-духовная жизнь человека в его индивидуально-личностном бытии, то субстанциональной основой всякой цивилизации является материально-духовная жизнь общества как целого. С этой точки зрения, цивилизация оказывается, во-первых, некой социальной «формой форм» телесно-духовной жизни какого-то множества людей; во-вторых, овнешвленной, объективированной, опредмеченной и материализованной в пространстве культурой.

2. Если трансляция культуры во времени и пространстве может осуществлять только посредством раскодирования символов, то распространение цивилизации осуществляется как физическое распространение (либо воспроизведение и даже возможное усовершенствование) материальных объектов (артефактов) и, конечно, информации о технологиях их изготовления.

попросту не существует. Может быть, это дано только человеку, как существу самого себя осознающего, то есть наделенного самосознанием.

² Как подчеркивал И. Кант, во всякой частной науке ровно столько науки, сколько в ней математики. См.: Кант И. Метафизические основы естествознания // И. Кант. Сочинения : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966. С. 58.

³ Вопрос о соотношении линейно-формационного и цивилизационного подходов в понимании истории, который неизбежно встает при анализе понятия «цивилизация», исследуется автором в отдельной статье, опубликованной 3 сентября 2020 г. в литературно-философском интернет-журнале «Топос». См.: URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/lineyno-stadialnaya-i-civilizacionnaya-koncepcii-vsemirnoy-istorii/>

3. Если культура — результат и посредник общения субъектов, то цивилизация — это всегда субъектно-объектные отношения, то есть отношения людей к овнешвленным результатам коллективной деятельности, как прогнозируемым, так и не предусмотренным «побочным эффектам» (часто отрицательным).

4. Если культура — это единство преемственности и ее творческого развития, то цивилизации — это единство: во-первых, сохранения норм и обычаев, общественных и религиозных ритуалов, а также сложившихся исторических эстетических форм; во-вторых, новаций при отказе от устаревших образцов и технологий, а также эстетических принципов.

При этом, во всех четырех отношениях обеспечение существования объектов цивилизации всегда предполагает наличие теоретически хотя бы одного субъекта. Конечно, уже созданные формы, объекты и технологии цивилизации сами по себе не требуют наличия субъекта и могут функционировать достаточно долго (может быть, даже тысячелетия) и без участия их создателей, но задействовать их, а тем более развивать (обновлять) без субъекта, если это и возможно¹, то уж точно бессмысленно. Как бессмысленна машина, «работающая» исключительно сама на себя. Таким образом, по всем онтологическим параметрам культура и цивилизация — это противоположности, причем противоположности диалектические, в которых каждая из двух сторон оказывается условием существования, а нередко и смысла другой.

1. Аристотель. Физика. Кн. I. Гл. 7, 9.

2. *Civilis, civis* // Большой латинско-русский словарь. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C> (дата обращения: 07.08.2020).

3. *Vita* // Большой латинско-русский словарь. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=V> (дата обращения: 07.08.2020).

4. Велланский Данило Михайлович. URL: https://ru.wikipedia.org/Виланский_Данила_Михайлович (дата обращения: 07.08.2020).

5. Вернер Йегер. Пайдейя. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пайдейя> (дата обращения: 07.08.2020).

¹ Например, сегодня речь идет о создании самопрограммирующихся компьютерных систем.

6. Гегель. Философия религии. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 257.

7. Дворецкий И. Х. *παῖς* // Древнегреческо-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-47025.htm> (дата обращения: 07.08.2020).

8. Дворецкий И. Х. *παίδεια* // Древнегреческо-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-46937.htm>.

9. Дивергентность. URL: <https://oxford.ru/wiki/biologiya/zakonomernosti-evolyutsii-konvergentsiya-divergentsiya-parallelizm> (дата обращения: 07.08.2020).

10. Зинченко В. П. Культура // Большой психологический словарь. М., 2007.

11. Иванников С. Цивилизация и психологический тип. Различия между русским и западным психологическими типами. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskii-progulki/civilizaciya-i-psiologicheskii-tip-razlichiya-mezhdu-russkim-i> (дата обращения: 07.08.2020).

12. Кемеров В. Е. Культура // Новая философская энциклопедия. URL: <https://rus-new-philosophia-enc.slovaronline.com/204-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 07.08.2020).

13. Кемпински Антоний. Афоризмы. URL: <https://aphorism.exxtro.ru/author/antoniyy-kempinskiy> (дата обращения: 07.08.2020).

14. Токарев С. Культ // Философская энциклопедия : 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова М. : Сов. Энцикл., 1960—1970.

15. Бородай Ю. М. Культ // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М. : Мысль, 2001.

16. Культура. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 07.08.2020).

17. Культура // Исторический словарь. URL: <https://rus-hist-dict.slovaronline.com/705-%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 07.08.2020).

18. Культура // Российская педагогическая энциклопедия. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/russpenc/10.php (дата обращения: 07.08.2020).

19. Культура // Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. URL: <https://rus-socialeconom-dict.slovaronline.com/1216-%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 07.08.2020).

20. Флиер А. Я. Культура // Культурология XX век : энциклопедия. М., 1996.

21. Лебедев А. В. Форма и материя. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b168d5c2272859b541a> (дата обращения: 07.08.2020).

22. Пайдейя. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%8F> (дата обращения 07.08.2020).

23. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинение : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 195, 218, 295—298.

24. Плеснер Г. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию : пер. с нем. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 95—96 и др.

25. Словари. URL: <https://slovaronline.com> (дата обращения: 07.08.2020).

26. Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010.

27. Сугай Л. А. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX — начала XX века // Труды ГАСК. Вып. II. Мир культуры. М. : ГАСК, 2000. С. 39—53.

28. Фрейд З. Недовольство культурой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=9147&p=1> (дата обращения: 07.08.2020).

29. Цивилизация. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цивилизация> (дата обращения: 07.08.2020).

References

1. Aristotel'. Fizika. Kn. I. Gl. 7, 9 [in Rus].

2. Civilis, civis. Bol'shoj latinsko-russkij slovar'. Available at: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=C>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

3. Vita. Bol'shoj latinsko-russkij slovar'. Available at: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=V>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

4. Aristotel'. Fizika. Kn. 1. Gl. 7, 9 [in Rus].

5. Vellanskij Danilo Mihajlovich. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vellanskij_Danilo_Mihajlovich, accessed 07.08.2020 [in Rus].

6. Verner Jeger. Pajdejya. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Pajdejya>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

7. Gegel' (1976). Filosofiya religii. T. 1. Moscow, Mysl', p. 257 [in Rus].

8. Dvoreckij I.H. παῖς // Drevnegrechesko-russkij slovar'. Available at: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-47025.htm>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

9. Dvoreckij I.H. παιδεία // Drevnegrechesko-russkij slovar'. Available at: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-46937.htm>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

10. Divergentnost'. Available at: <https://foxford.ru/wiki/biologiya/zakonomernosti-evolyutsii-konvergentsiya-divergentsiya-parallelizm>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

11. Zinchenko V.P. (2007) Kul'tura. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. Moscow [in Rus].

12. Ivannikov S. Civilizaciya i psihologicheskij tip. Razlichiya mezhdru russkim i zapadnym psihologicheskimi tipami. Available at: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskije-progulki/civilizaciya-i-psihologicheskij-tip-razlichiya-mezhdru-russkim-i>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

13. Kemerov V.E. Kul'tura. Novaya filosofskaya ènciklopediya. Available at: <https://rus-new-philosophia-enc.slovaronline.com/204-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

14. Kempin'ski Antonij. Aforizmy. Available at: <https://aphorism.exxtro.ru/author/antony-kempinskiy>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

15. Tokarev S. Kul't. Filosofskaya Ènciklopediya: v 5 t. Moscow, Sovetskaya enciklopediya. 1960—1970 [in Rus].

16. Borodaj Yu.M. (2001) Kul't. Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 tt. Pod redakciej V. S. Stëpina. Moscow, Mysl' [in Rus].

17. Kul'tura. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Kul'tura>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

18. Kul'tura // Istoricheskij slovar'. Available at: <https://rus-hist-dict.slovaronline.com/705-%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

19. Kul'tura // Rossijskaya pedagogicheskaya ènciklopediya. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/russpenc/10.php, accessed 07.08.2020 [in Rus].

20. Kul'tura // Terminologicheskij slovar' bibliotekarya po social'no-èkonomicheskoj tematike. Available at: <https://rus-socialeconom-dict.slovaronline.com/1216-%D0%9A%D1%83%D0%B-%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

21. Flier A.Ya. (1996) Kul'tura. Kul'turologiya XX vek. Moscow [in Rus].

22. Lebedev A.V. Forma i materia. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b168d5c2272859b541a>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

23. Pajdejya. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B9%

D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%8F, accessed 07.08.2020 [in Rus].

24. Platon (1994) Gosudarstvo // So-braniye sochinenij: v 4 t. T. 3. Moscow, Mysl', pp. 295—298 [in Rus].

25. Plesner G. (2004) Stupeni organichesko-go i chelovek: vvedenie v filosofskuû antropologiyu. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ènciklopediya, pp. 95—96 [in Rus].

26. Slovare. Available at: <https://slovaronline.com>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

27. Stepin V.S. (2010) Kul'tura // Novaya fi-losofskaya enciklopediya: v 4 tMoscow, Mysl' [in Rus].

28. Sugaj L.A. (2000) Terminy «kul'tura», «civilizaciya» i «prosvešenie» v Rossii XIX — nachala XX veka // Trudy GASK. Vypusk II. Mir kul'tury. Moscow, GASK, pp. 39—53 [in Rus].

29. Frejd Z. Nedovol'stvo kul'turoj. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=9147&p=1>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

30. Civilizaciya. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Civilizaciya>, accessed 07.08.2020 [in Rus].

For citing: Chuprov A.S. Culture and civilization: the identity of opposites // Socium i vlast'. 2020. № 5 (85). P. 95—104. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104

UDC 008

CULTURE AND CIVILIZATION: THE IDENTITY OF OPPOSITES

Alexander S. Chuprov,

Blagoveshchensk State Pedagogical University,
the Department Chair of General History,
Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor
Russian Federation, 675000,
The Amur region, Blagoveshchensk,
ulitsa Lenina, 104
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Abstract

The article is focused on the fundamental and at the same time extremely controversial issue of social philosophy — conceptualizing the notions «civilization» and «culture», their inseparable (dia-lectical) unity and contradiction. The specificity, or novelty, of the author's approach is considering the phenomena of civilization and culture in the ontological aspect through the Aristotelian concept of form as the ideal essence of things, as well as in applying methods of linguistic analysis (etymology of concepts). The result of the study is identifying attributive, ontologically invariant features of any culture and civilization, as well as the ontological correlation of cultural and civilizational attributes.

Key concepts:

attribute,
being,
vandalism,
culture,
existence,
civilization,
form.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

